

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА

Междисциплинарные исследования

Выпуск 6

ФЛИНТА

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА

Междисциплинарные исследования

Коллективная монография

Выпуск 6

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2024

УДК 81; 811
ББК 81
С56

Рецензенты:

Фомин Андрей Геннадьевич

д.ф.н., профессор, профессор кафедры
переводоведения и лингвистики,
Кемеровский государственный университет

Иванова Татьяна Константиновна

д.ф.н., доцент, профессор кафедры теории и практики
преподавания иностранных языков
Института филологии и межкультурной коммуникации,
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Современная лингвистика: междисциплинарные исследования
C56 (= Modern Linguistics: Interdisciplinary Studies) : коллективная монография. Вып. 6 / отв. ред. А. В. Иванов. — Москва : ФЛИНТА, 2024. — 296 с. — ISBN 978-5-9765-5689-8. — Текст : непосредственный.

Шестой выпуск монографии входит в серию коллективных монографических исследований, ежегодно публикуемых Нижегородским государственным лингвистическим университетом. Начиная с этого выпуска, монографическая серия, традиционно выходявшая под названием «Современная германистика и западноевропейская литература», получает новое название — «Современная лингвистика: междисциплинарные исследования», отражающее расширение тематики публикуемых материалов, с сохранением сквозной нумерации выпусков. Серия выходит по инициативе диссертационных советов 24.2.344.02 и 24.2.344.03 при НГЛУ им. Н. А. Добролюбова.

Издание подготовлено коллективом авторов — членами диссертационных советов НГЛУ, а также учеными из различных вузов России, участвующими в деятельности советов, и включает как работы, посвященные различным аспектам германистики, так и исследования междисциплинарного характера, выполненные в рамках проблематики теоретической, прикладной, сравнительно-сопоставительной лингвистики, переводоведения и западноевропейского литературоведения.

Адресовано широкому кругу лингвистов и литературоведов.

УДК 81; 811
ББК 81

ISBN 978-5-9765-5689-8

© Коллектив авторов, 2024

© НГЛУ, 2024

© Издательство «ФЛИНТА», 2024

Авторский коллектив:

Байкова О. В. (гл. 1)
Бородовская Ю. В. (гл. 10)
Голубева Н. А. (гл. 2)
Гришаева Л. И. (гл. 3)
Дубинин С. И. (гл. 4)
Зусман В. Г. (гл. 5)
Зусман Н. Д. (гл. 5)
Иванов А. В. (гл. 6)
Иванова Р. А. (гл. 6)
Карасик В. И. (гл. 7)
Крюкова Н. Ф. (гл. 1)
Лихачев Э. В. (гл. 8)
Малыгин В. Т. (гл. 9)
Маник С. А. (гл. 10)

Мележик К. А. (гл. 12)
Оношко В. Н. (гл. 1)
Петренко А. Д. (гл. 11; 12)
Петренко Д. А. (гл. 11)
Потапов В. В. (гл. 13)
Потапова Р. К. (гл. 13)
Родькина О. Я. (гл. 14)
Романова Т. В. (гл. 15)
Саможенов С. Н. (гл. 16)
Сдобников В. В. (гл. 17)
Тырыгина В. А. (гл. 18)
Фролов С. В. (гл. 19)
Фролова Н. Х. (гл. 19)

От редакции

Ежегодная коллективная монография «Современная германистика и западноевропейская литература», традиционно публикуемая Нижегородским государственным лингвистическим университетом им. Н. А. Добролюбова, начиная с этого тома, меняет свое название с сохранением сквозной нумерации выпусков. Том 6 выходит под названием «Современная лингвистика: междисциплинарные исследования».

Серия была учреждена в 2019 г. по инициативе диссертационного совета Д 212.163.01 при НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. Совет был создан в 1991 г. усилиями проректора по научной работе Горьковского государственного педагогического института иностранных языков, профессора А. Т. Кукушкиной, вначале только по специальности 10.02.04 для защиты диссертаций по германским языкам. Позднее добавилась научная специальность 10.01.03, обнимающая западноевропейскую литературоведческую тематику. До 2023 г. диссертационный совет возглавлял доктор филологических наук, профессор В. М. Бухаров.

В связи с изменением номенклатуры научных специальностей совет, теперь уже под шифром 24.2.344.02, получил право рассматривать диссертационные исследования на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по специальности 5.9.6. «Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки)». С 2024 г. руководство советом осуществляет ректор НГЛУ, доктор филологических наук, профессор Ж. В. Никонова.

Одновременно с этим советом в 2024 г. начал свою работу диссертационный совет 24.2.344.03 по научным специальностям 5.12.3. «Междисциплинарные исследования языка (филологические науки)» и 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)». Изменения в части названия и содержания монографической серии предприняты редакцией по изложенным выше причинам. Начиная с этого выпуска, тематика публикаций существенно расширяется в связи с включением в нее исследований общелингвистического, сравнительно-сопоставительного, переводоведческого и междисциплинарного характера.

Выпуск 6 посвящен 80-летию юбилею доктора филологических наук, почетного профессора Нижегородского государственного лингвистического университета В. М. Бухарова. Авторами выпуска выступили ученые НГЛУ, являющиеся членами диссертационных советов 24.2.344.02 и 24.2.344.03, а также их коллеги из вузов Владимира, Воронежа, Иваново, Кирова, Москвы, Самары, Симферополя, Твери.

Валерий Михайлович Бухаров

Несколько слов о юбиляре

Почти вся профессиональная жизнь В. М. Бухарова связана с Нижегородским государственным лингвистическим университетом им. Н. А. Добролюбова (ранее — Горьковский государственный педагогический институт иностранных языков), куда он поступил в 1961 г. на факультет немецкого языка по окончании средней школы в районном центре Курганской области. После завершения учебы, службы в армии на Дальнем Востоке и трех лет работы ассистентом кафедры немецкого языка он поступил в аспирантуру при кафедре немецкой филологии. Во время обучения в аспирантуре Валерий Михайлович подготовил кандидатскую диссертацию по экспериментальной фонетике под руководством профессора Р. Р. Каспранского и успешно ее защитил в 1973 г. в диссертационном совете Ленинградского государственного университета.

Через год после защиты диссертации В. М. Бухаров стал руководителем кафедры немецкой филологии, затем около 10 лет был заведующим кафедрой немецкого языка, а после этого вновь возглавил кафедру немецкой филологии. С 2001 по 2013 гг. работал проректором по учебно-воспитательной работе Нижегородского государственного лингвистического университета. В 2021 г. он возглавил кафедру теории и практики немецкого языка, а с 2023 г. является руководителем кафедры романо-германской филологии.

В. М. Бухаровым накоплен огромный опыт в сфере научно-методической работы и преподавательской деятельности. Он внес значительный вклад в становление и развитие руководимых им кафедр, в формирование преподавательского коллектива, в теорию и практику преподавания немецкого языка в НГЛУ. Одним из главных результатов его научно-методической деятельности стало создание и публикация в 1993 г. в издательстве «Высшая школа» первого в России базового учебника немецкого языка для студентов-первокурсников, подготовленного совместно с доцентами Н. В. Чайковской и И. М. Канаковой. Учебник получил гриф Министерства образования и широко исполь-

зовался в вузах России и СНГ. В 2004 г. в московском издательстве «Иностранный язык» вышло в свет полностью переработанное и дополненное рабочей книгой 2-е издание учебника. Во многих учебных заведениях страны известны и другие учебные материалы по практике немецкого языка и фонетике, которые были созданы как лично В. М. Бухаровым, так и при его непосредственном участии.

Еще одним направлением педагогической деятельности профессора В. М. Бухарова является преподавание русского языка как иностранного, которым он занимался в течение нескольких лет в зарубежных учебных заведениях: Гюстровском пединституте (ГДР), 1979—1982 гг., а также в Институте языков г. Бохума (Германия), 1996—1998, 2004, 2008 гг. Стажировка в Австрийской Академии наук и Венском университете в 1991 г., большой опыт и знание методики преподавания иностранных языков принесли ему известность среди преподавателей русского и немецкого языков как иностранных в Германии и Австрии.

Профессор В. М. Бухаров был активным участником Учебно-методического объединения РФ по лингвистическому образованию, в частности, плодотворно работал в секции теоретической и прикладной лингвистики. Долгое время он являлся заместителем председателя Приволжского регионального учебно-методического центра по образованию в области лингвистики.

Не менее значителен вклад профессора В. М. Бухарова в научную деятельность. В 1995 г. он защитил докторскую диссертацию по научным специальностям 10.02.19 «Теория языка» и 10.02.04 «Германские языки», которую подготовил самостоятельно, не имея научного консультанта. Работая над диссертацией, В. М. Бухаров активно сотрудничал с известными санкт-петербургскими и московскими лингвистами (А. И. Домашнев, Л. Р. Зиндер, Л. А. Вербицкая, Л. В. Бондарко, М. В. Раевский, Р. К. Потапова и др.). С тех пор было положено начало плодотворному сотрудничеству фонетистов Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга и Москвы, что позволило В. М. Бухарову создать в НГЛУ свою научную школу, продолжавшую традиции профессора Р. Р. Каспранского. Выпускниками этой школы под руководством В. М. Бухарова успешно защищены ряд диссертаций

на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

В сфере научных интересов профессора Бухарова входят социолингвистика, экспериментальная фонетика, межкультурная коммуникация, IT-лингвистика. Он является автором свыше 200 научных работ, наиболее значимая из которых — монография «Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка». Через год после защиты докторской диссертации В. М. Бухарову было присвоено ученое звание профессора.

Долгое время Валерий Михайлович возглавлял диссертационный совет Д 212.163.01 при НГЛУ и в настоящее время продолжает активно участвовать в его работе. Он также руководил вузовской научной школой «Языковая норма. Варьирование языковых средств» и научным направлением «Исследование и описание звукового состава и интонационных средств речи», подготовив целую плеяду ученых.

В настоящее время Валерий Михайлович является руководителем государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема «Вариационная система как структурно-значимый аспект естественного языка») (FSWZ-2024-0001). Актуальность изучаемой им и его коллегами проблемы заключается в том, что в современном социуме и его языках происходят радикальные структурные изменения, связанные с процессами, получившими название нового регионализма, а также под влиянием информационных технологий. В связи с этим в центр внимания лингвистики перемещаются такие вопросы как взаимодействие языка и когниции, менталитета и культуры; роль и возможности невербальных средств в коммуникации; влияние электронных средств на развитие форм коммуникации и др. Изучение этих процессов, построение моделей функционирования языковой системы в современных условиях является важной задачей современной лингвистики.

С 2008 г. он являлся членом редколлегии журнала «Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова», активно участвовал в работе Российского союза германистов (РСГ), руководил подготовкой и проведением съездов РСГ на базе НГЛУ.

С 2004 г. В. М. Бухаров является Почетным работником высшего профессионального образования РФ, с 2009 г. — Почетным

профессором НГЛУ.

Его заслуги отмечены также городскими и областными наградами. В 2024 г. Валерию Михайловичу Бухарову объявлена Благодарность Министерства науки и высшего образования Российской Федерации за значительный вклад в развитие сферы образования и добросовестный труд.

Основные публикации профессора В. М. Бухарова

Монографии

Новый регионализм: от традиционных форм диалектов к новым реалиям: коллективная монография / РАН ИНИОН. Отдел языкознания; отв. ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. Авторы: Алпатов В. М., Анищенко А. В., Беляев О. И., Беляков М. В., Бондарчук Г. Г., Букринская И. А., Бухаров В. М., Иванов А. В. и др. М.: ИНИОН РАН, 2024. (Сер.: теория и история языкознания). doi: 10.31249/regionalism/2024.

Бухаров В. М., Байкова О. В. Особенности лингвистической экспертизы англоязычных конфликтных политических текстов СМИ. Знак, язык и дискурс в динамике и статике: монография / под ред. А. Г. Фомина. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2023. С. 146—163. ISBN 978-5-8353-3098-0.

Байкова О. В., Крюкова Н. Ф., Бухаров В. М., Байкова А. В. Лингвистическая экспертиза как анализ языка в криминалистическом дискурсе. / Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов. Вып. 5. М.: Флинта, 2023. С. 8—40. ISBN 978-5-9765-5437-5.

IT-Лингвистика: теоретические основы: монография / В. М. Бухаров, А. М. Горохова, М. Л. Груздева и др.; под общ. ред. Ж. В. Никоновой, В. М. Бухарова. Нижний Новгород: НГЛУ, 2023. ISBN 978-5-85839-410-5.

Бухаров В. М., Байкова О. В. Немецкий переселенческий этнос в истории России и Крымского полуострова // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов. Вып. 4. М.: Флинта, 2022. С. 156—180. ISBN 978-5-9765-5239-5.

Байкова О. В., Бухаров В. М., Обухова О. Н. Лингвокультурные маркеры, репрезентирующие этническую идентичность российских немцев Удмуртии // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов. Вып. 3. М.: Флинта, 2021. С. 143—169. ISBN 978-5-9765-4858-9.

Байкова О. В., Бухаров В. М. Языковая ситуация российских немцев Кировской области и особенности их речевого поведения // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов. Вып. 2. М.: Флинта, 2020. С. 138—163. ISBN 978-5-9765-4537-3.

Исторические и лингвокультурологические исследования малых народов Крыма: монография / О. В. Байкова, В. М. Бухаров, Ю. В. Березина и др. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2020. ISBN 978-5-6044635-4-3.

Bukharov V. M. Deutsch als Fremdsprache in Russland: gestern und heute // Язык vs Социум: XXI век: коллективная монография / гл. ред. Н. В. Юдина. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. С. 30—36. ISBN 978-5-907389-00-7.

Бухаров В. М., Байкова О. В. Из опыта исследования островных диалектов немецкой этнической общности Кировской области на суперсегментном уровне // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов, В. М. Бухаров. М.: Флинта, 2019. С. 65—80. ISBN 978-5-9765-4359-1.

Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы): монография / А. Д. Петренко, В. М. Бухаров, Д. А. Петренко и др.; под ред. А. Д. Петренко. М.: ИНФРА-М, 2018. ISBN 978-5-16-014810-6 (print), ISBN 978-5-16-107320-9 (online).

Научные статьи

Байкова О. В., Бухаров В. М. Лингвистические характеристики ложных высказываний (на материале американского политического дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 7. С. 2278—2285.

- doi.org/10.30853/phil20240326.
- Байкова О. В., Бухаров В. М., Жилина Ю. С.* Особенности синтаксиса немецких фронтовых (архивных) документов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 12. С. 4103—4109. doi.org/10.30853/phil20230624.
- Бухаров В. М., Бухарова Т. Г.* Информационные технологии в лингвистике и преподавании иностранных языков // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. № XX. С. 516—530. doi: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-516-530.
- Бухаров В. М.* Восприятие эмоций в немецкой речи / В. М. Бухаров, П. А. Токарева // сб. статей по материалам ежегодной международной студенческой конференции. Вып. 16. Нижний Новгород: НГЛУ, 2023. С. 58—63.
- Бухаров В. М.* Эмотивная просодия: методы исследования // Социофонетика и фоностистика: от теории к практике: материалы V межрегиональной научной конференции. Симферополь: Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского, 2022. С. 8—9.
- Бухаров В. М., Байкова О. В.* Акустическая структура и фонологический статус гласных фонем немецких островных диалектов поселков Созимский и Черниговский Кировской области // Научный диалог. 2021. № 11. С. 28—49. doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-28-49.
- Бухаров В. М., Байкова О. В.* Взаимодействие языков и интерференция в речи немцев-билингвов Вятского региона России // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 2. С. 5—18. doi: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-5-18.
- Никонова Ж. В., Бухаров В. М., Ястремская И. Г.* Политическая окраска цветообозначений в немецком политическом дискурсе // Вестник НГЛУ. Спецвыпуск. 2021. С. 73—92. doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2020-si-73-92.
- Baykova O., Bukharov V., Porchesku G.* Linguistic interference in contacting languages of German-Russian bilinguals // Revista inclusiones. 2020. Vol. 7. Pp. 9—19.

- Bukharov V., Baykova O., Obukhova O.* The Swabian dialect in the German language island in Russia // *Revista inclusiones*. 2020. Vol. 7. Pp. 251—261.
- Бухаров В.М., Байкова О.В., Обухова О. Н.* Эволюция лингвокультурных маркеров немецкой языковой идентичности на полуострове Крым. // *Вестник гуманитарного образования*. 2019. № 1. doi 10.25730/VSU.2070.19.010.
- Бухаров В. М., Байкова О. В.* Швабский диалект в Крыму: тенденции в развитии фонетической системы // *Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: филология*. 2018. № 4. С. 32—41.
- Бухаров В. М., Никонова Ж. В.* Интенсивность реализации иллокутивной силы в речевом акте // *Вестник НГЛУ*. 2018. Вып. 44. С. 31—40.
- Бухаров В. М.* Эмотивная просодия: методы исследования // *Социофонетика и фоностистика: от теории к практике*. Симферополь: Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского, 2022. С. 8—9.
- Бухаров В. М., Байкова О. В.* Язык немецкого национального меньшинства Вятского региона: статус и перспективы развития // *Вопросы языкознания*. 2016. № 2. С. 75—89. doi.org/10.31857/s0373658x0000982-9
- Бухаров В. М.* Метакомпаративные подходы к изучению языка и речевой деятельности // *Метакомпаративистика как интегрирующий подход в гуманитарных науках*. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. С. 126—132. ISBN 978-5-89533-326-6.
- Бухаров В. М.* Миграция и взаимодействие коммуникативных кодовых систем // *Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та*. 2014. № 5. С. 94—101.
- Бухаров В. М.* Языковое поле, прототип и речевая просодика // *Функциональные аспекты языка: Традиции и перспективы: материалы чтений памяти профессора А. Т. Кукушкиной*. Нижний Новгород: НГЛУ, 2014. С. 22—30.
- Бухаров В. М.* Образовательная парадигма и подготовка учителей в Германии: вчера, сегодня, завтра // *Нижегородское образование*. 2013. № 2. С. 45—50.

- Бухаров В. М.* Кластер в полицентрическом языке // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н. А. Добролюбова. 2012. № 17. С. 21—28.
- Соловьева Е. В., Бухаров В. М.* Речевой акт возмущения и его функционально-прагматический потенциал в современном немецком языке (на примере текстов дебатов в бундестаге) // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н. А. Добролюбова. 2012. № 17. С. 91—99.
- Бухаров В. М.* Синергетика и язык // Вопросы романо-германской филологии. Киров: Вятский гос. гуманитарный ун-т, 2011. С. 9—13.
- Bucharov V.* Vom Chaos zur Ordnung: Möglichkeit einer autistischen Kommunikation // Концепты хаоса и порядка в естественных и гуманитарных науках. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2011. С. 124—130.
- Бухаров В. М.* Контроль знаний и образовательного процесса в условиях уровневого обучения в вузе // Обучение, тестирование и оценка. 2010. № 10. С. 20—29.
- Бухаров В. М.* Фонетическое варьирование в полицентрическом языке (на материале австрийского варианта немецкого языка) // Язык, человек, общество: II международный сб. научных трудов. СПб.; Владимир: РГПУ им. А. И. Герцена, Владимирский гос. гуманитарный ун-т, 2010. С. 228—234.
- Бухаров В. М.* Тестирование в обучении // Обучение, тестирование и оценка. 2009. № 9. С. 3—5.
- Bucharow W. M.* Zentrum, Peripherie, Konzept. // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. IV. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Бухаров В. М.* Постлексические модификации звуков и коммуникативные типы высказываний // Восток — Запад: международная научн. конф. Нижний Новгород, НГЛУ, 1995. С. 150—151.
- Бухаров В. М.* Региональное варьирование в немецком произносительном стандарте: социофонетический аспект // Teaching values in education: материалы международной научн. конференции. Нижний Новгород: НГПИИЯ, 1994. С. 156—157.

- Бухаров В. М.* Фонема в идиосистеме современного немецкого языка // Функциональная значимость фонологических единиц: сб. науч. статей. Иркутск: ИГПИИЯ, 1992. С. 18—27.
- Бухаров В. М.* Роль диалектов в истории становления произносительных норм германских языков // Проблемы истории индоевропейских языков. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1991. С. 165—167.
- Bucharow W.* Sprachliche Variation und die deutsche Aussprachennorm // Das Wort: Germanistisches Jahrbuch. Moskau: DAAD, 1991. S. 194—198.
- Бухаров В. М.* Фонетические нормы в системе современного немецкого национального языка // Социальная стратификация языков. Пятигорск: ПГПИИЯ, 1989. С. 68—70.
- Бухаров В. М.* Языковое варьирование и фонетические дифференциаторы типов текста в современном немецком языке // Лингводидактические вопросы речевой деятельности. Иркутск: ИГПИИЯ, 1988. С. 15—16.
- Бухаров В. М.* Норма в структуре современного немецкого языка. М.: ИНИОН, 1987.
- Бухаров В. М.* Норма как социолингвистическая категория // Нормы реализации. Горький: ГГПИИЯ, 1984. С. 48—53.
- Bucharov W.* Zur Frage der funktionalen Varianten der Aussprachennormen // Linguistische Studien, Reihe A, 99. Berlin, 1982. S. 153—157.
- Бухаров В. М.* Лингвометодические предпосылки обучения иноязычному произношению // 3-й международный симпозиум. Jena: Universität Jena, 1982. S. 18—20.
- Бухаров В. М.* Некоторые тенденции в реализации фонетических норм немецкого языка // Нормы реализации. Вып. 3. Горький: ГГПИИЯ, 1977. С. 3—14.
- Бухаров В. М., Каспранский Р. Р.* Нормативно-фонетические тенденции в реализации немецких дифтонгов // Труды экспериментальной лаборатории акустики речи. Вып. 2. Горький: ГГПИИЯ, 1975. С. 22—30.
- Бухаров В. М.* О фонетическом варьировании в немецком языке // Теоретические вопросы немецкой филологии. Горький: ГГПИИЯ, 1974. С. 22—31.

Бухаров В. М. Некоторые акустические особенности немецких дифтонгов в сравнении с другими звукосочетаниями // Теоретические вопросы немецкой филологии. Горький: ГГПИИЯ, 1973. С. 15—26.

Бухаров В. М. Наблюдения над реализацией немецких дифтонгов в потоке речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Вып. 49. Горький: ГГПИИЯ, 1972. С. 28—34.

Авторефераты диссертаций

Бухаров В. М. Фонологический статус и акустическая природа дифтонгов в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1972.

Бухаров В. М. Варианты норм произношения в современном немецком литературном языке (теоретические проблемы и экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: СПбГУ, 1995.

Учебники

Бухаров В. М., Чайковская Н. В., Канакова И. М. Немецкий язык: учебник для студентов вузов. М.: Высшая школа, 1993.

Бухаров В. М., Чайковская Н. В., Канакова И. М. Немецкий язык: учебник для студентов вузов. Изд. 2-е. М.: Иностраный язык; Оникс, 2004.

Бухаров В. М., Чайковская Н. В., Канакова И. М. Немецкий язык: учебник для студентов вузов. Рабочая книга. М.: Иностраный язык; Оникс, 2004.

Межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / З. И. Кирнозе, В. Г. Зусман, В. М. Бухаров и др. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. С. 74—85.

Бухаров В. М., Кеслер Т. П. Немецкий язык для всей семьи: самоучитель. Нижний Новгород, 2001.

Бухаров В. М., Кеслер Т. П. Немецкий для начинающих: самоучитель. М.: Иностраный язык, Лист-Нью, 2003.

Бухаров В. М. Курс коммуникативной фонетики немецкого языка: учебное пособие для студентов вузов. Нижний Новгород:

НГЛУ, 1994.

Бухаров В. М., Шэфер Э. Практикум по коммуникативной фонетике немецкого языка: учебное пособие для студентов вузов. Нижний Новгород: НГЛУ, 1994.

Диссертационные исследования,

выполненные под руководством профессора В. М. Бухарова

Иванов А. В. Функционально-прагматический аспект варьирования темпо-ритмической организации высказывания (на материале австрийского варианта немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ, 1998.

Бурова А. Е. Просодика как средство выражения поля дейксиса в современном немецком языке: экспериментально-фонетическое исследование: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ, 2003.

Жаренова Н. В. Вокалическая система швейцарского варианта немецкого языка (экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ, 2004.

Мацкевич Е. Э. Фонетические средства желания в современном немецком языке (экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ, 2004.

Паршин А. Ю. Просодические средства выражения презрения в современном английском языке (экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ, 2004.

Николаева Е. Ю. Просодические средства выражения вежливости в современном немецком языке (экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ, 2005.

Банков А. С. Гендерный фактор в просодическом оформлении речи коммуникантов (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ, 2008.

- Байкова О. В.* Функционирование немецких диалектов в условиях меж- и внутриязыкового взаимодействия в рамках языкового острова (теоретические проблемы и полевые исследования в Кировской области): дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ, 2012.
- Волков А. С.* Просодические особенности реализации ложных речевых актов (экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ, 2013.
- Белорукова М. В.* Просодическая специфика реализации высказываний «команда», «приказ», «распоряжение» в речи сотрудников полиции в американском варианте современного английского языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале американских художественных фильмов): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ, 2015.

1. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В КОНТАКТИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМАХ НЕМЦЕВ-БИЛИНГВОВ ВЯТСКОГО РЕГИОНА РОССИИ

Введение

Современная языковая картина мира характеризуется активными процессами взаимодействия языков в силу перераспределения научных, культурных, экономических, политических связей и приоритетов. Все это привело к становлению и интенсивному развитию такого направления в лингвистике как контактная вариантология (см., например, работы Б. Качру). В результате концепция национальных вариантов языков, таких как английский, немецкий, испанский, широко разрабатываемая во второй половине прошлого столетия, получила новый вектор развития в сторону изучения модификаций системного и нормативного характера в контактирующих языках за пределами исторических ареалов их распространения. Основой такого варьирования является взаимодействие в рамках определенной сферы коммуникации базового языка региона (субстрата) и языка межнационального общения, как правило, английского. Это могут быть сферы науки, политики и др. Системный характер таких вариантов позволяет даже говорить об английском языке как совокупности «английских языков» («English languages») (см., например, работы З. Г. Прошиной, В. В. Федорова и др.).

Появление вариантов языка в результате наложения двух или нескольких языков не является новым явлением в истории языкового варьирования. Аналогичные результаты можно наблюдать в случае так называемых языковых или диалектных островов, например, в немецком языке в России, Аргентине, Венесуэле, США и других регионах мира. Аналогичные процессы характерны и для современных миграционных потоков и диаспор. Контактные и островные варианты различаются тем, что в языковых островах речь идет о языке-«пришельце» и народе, для которого он родной в его функционировании в общих с местным — неродным — языком ситуациях (два народа — два языка). В современной контактологии речь идет о ситуациях, требующих постоянного использования иностранного языка, в частности,

английского, например, в науке (один народ — два языка, один из которых неродной). Объединяет эти подходы то, что и в том, и в другом случае человек должен владеть двумя языками, т. е. быть билингом. Билингвизм переселенцев, проживающих несколько поколений в окружении неродного языка отличается от современного тем, что возникает он не в результате обучения, а в процессе внутрисемейного общения и коммуникации в смешанных этнических группах, иначе говоря, имеет естественный характер становления.

Обращение к проблематике функционирования немецкого языка в языковом острове Вятского региона России не носит чисто исторический характер. Изучение состояния немецкого языка в русскоязычном окружении позволяет установить векторы возможного развития как для других языков переселенцев / мигрантов, так и для русского языка в регионах их постоянного соприкосновения. Изучению этого вопроса в российской и немецкой лингвистике посвящено в последние десятилетия немало работ, однако еще остается немало вопросов, которые требуют своего освещения. Не случайно поэтому факт существования немецких языковых островов в России и Казахстане даже не отражен на авторитетном информационном портале «Этнолог», на котором присутствуют только варианты немецкого языка в Венесуэле (La-ColoniaTovar) и США (PennsilfaaniDeitsch) (ETHNOLOGUE: URL).¹ Одним из важных объектов исследования любых контактных вариантов языка является речевая деятельность билингов и механизмы взаимодействия используемых ими языков. Этим механизмом является межъязыковая интерференция.

Интерференция как механизм взаимодействия контактирующих языков

Термин *интерференция* обычно используется в лингвистической литературе для обозначения изменений, которые наблюдаются в речи билингов в результате взаимодействия различных языковых систем. Следует заметить, что среди лингвистов нет единого понимания сущности этого явления. Так, одни исследователи связывают явление интерференции с языковой нормой,

¹ <https://www.ethnologue.com>.

другие — с изменениями в системе контактирующих языков. Одни трактуют это явление широко, включая в его содержание заимствования, другие — узко, ограничиваясь лишь изменениями норм в речи. Постановка задачи описания интерференции в условиях языкового острова предполагает уточнение содержания данного понятия.

Явление интерференции первоначально нередко связывалось с взаимодействием «...структур и структурных элементов двух языков в процессе общения двуязычного населения» (ДЕШЕРИЕВ & ПРОТЧЕНКО 1972: 26-42). Классическим определением интерференции является, предложенное У. Вайнрейхом:

Интерференция — это те случаи отклонения любого из языков, которые *происходят в речи* (выделено нами — *авт.*) двуязычных в результате того, что они знают больше, чем один язык (ВАЙНРЕЙХ 2000: 22).

Поскольку речь идет об «отклонении языков в речи», это может означать, что изменения происходят на уровне норм реализации неродного языка билингов. Понятие отклонения от нормы закрепилось во многих определениях интерференции, причем с отрицательной коннотацией. Так, например, К. Менг в работе, посвященной языковой интеграции российских немцев, определяет данное явление как «языковую коррозию» («Sprachkorrosion»), представляющую собой языковые изменения в одном языке под влиянием другого (MENG 2001: 446). Е. М. Верещагин рассматривает интерференцию как нарушение билингом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы (ВЕРЕЩАГИН 1969: 136).

Фактор нормативности реализации привлекает в той или иной форме внимание практически всех исследователей языковых контактов. А. Е. Карлинский выделял две формы отклонения от нормы реализации в контактирующих языках: интеркаляцию и интерференцию. Первая возникает в речи билинга на его родном языке под влиянием другого, а вторая в речи на неродном языке под влиянием родного (КАРЛИНСКИЙ 1984). На тот факт, что взаимодействие контактирующих языков может быть разнонаправленным, еще в 1969 г. указывал М. М. Михайлов. Он акцентировал внимание на том, что интерференция проявляется в речи

«биглота» (или «полиглота») вследствие перестройки моделей одного языка по образцу другого. При этом перестройка может происходить в одном или обоих направлениях, т. е. ей могут быть подвержены модели как родного (первого), так и неродного (второго) языка (МИХАЙЛОВ 1969: 61).

Вопрос о возможности существования различных вариантов нормы обязательно возникает при рассмотрении функционирования разносистемных языков, находящихся в контакте. Этой проблеме уделяется большое внимание и в контактной вариантологии, в которой выделяют эндо- и экзонормы (КАСНРУ 1986: 21). Первая следует правилам реализации стандарта, а вторая включает элементы контактирующего языка.

Следует отметить, что в лингвистической литературе существует широкое и узкое понимание интерференции. Интерференция в широком понимании — это изменение в структуре языковой системы в результате контактирования двух языков. Интерференция в узком понимании — изменение норм реализации языка в речи билингов. Необходимо различать межъязыковую и внутриязыковую интерференцию. Межъязыковая интерференция возникает при языковом контакте в ситуации естественного и искусственного билингвизма, а внутриязыковая интерференция, согласно общепринятой концепции, понимается как результат взаимодействия литературного языка и диалектов, проявляющийся в виде региональных вариантов, или разновидностей литературной речи (ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ЗВУКОВЫХ СИСТЕМ 1987: 4).

Источниками интерференции могут быть различия на любом уровне между языками, находящимися в контакте, поскольку неродственные языки располагают своими собственными системами фонетических, лексических и грамматических средств. Среди основных причин, способствующих проявлению интерференции в случае немецких диалектных островов, можно назвать следующие: 1) расхождения в системах немецкого и русского языков; 2) исторически обусловленную низкую языковую компетенцию переселенцев — этнических немцев; 3) отсутствие возможности использовать немецкий язык не только в профессиональном и официальном, но, нередко и в повседневном общении; 4) социально-

демографические факторы: возраст, образование, характер браков, гендерная принадлежность и ситуационные переменные: тема общения, социальные условия, характер отношений между коммуникантами и др. (БАЙКОВА 2009). Важным вопросом при описании интерференции является отбор языкового материала.

Наиболее отчетливо интерференция проявляется в звучащей речи билингов. Появление вариантов произнесения, отклоняющихся от кодифицированной нормы стандарта или от нормы исходного диалекта немецкого переселенца, порождает в восприятии носителей языка впечатление произносительного акцента. Фонетическая интерференция затрагивает как сегментный, так и суперсегментный уровни и порождает «отрицательный языковой материал» (ЩЕРБА 1958: 55) в речи билинга, влияющий на степень понимания высказывания носителем языка и на конечный результат речевой коммуникации. Многие исследователи ограничиваются поэтому фонетическим уровнем интерференции.

Что касается проблемы грамматической интерференции, то одни ученые (Л. И. Баранникова, В. М. Жирмунский, А. Мейе, Э. Сепир) считают, что грамматические структуры контактирующих языков непроницаемы. Другие же лингвисты (У. Вайнрайх, Ю. Д. Дешериев, Ю. А. Жлуктенко, В. Ю. Розенцвейг) высказываются в пользу того, что и грамматические структуры разных языков могут влиять друг на друга. Наиболее типичным проявлением грамматической интерференции в речи билингов является уподобление грамматических конструкций неродного языка аналогичным моделям, взятым из родного языка. Синтаксическая интерференция определяется как прямой перенос моделей сочетания слов или построения предложений из одного языка в другой. В случае с немецким и русским языками это, прежде всего, порядок слов, особенно в сложных предложениях.

Относительно активной является лексико-семантическая интерференция. Ее типичными причинами являются: несовпадение семного состава; различие слов по объему значения; национальное своеобразие лексических значений, когда слова, тождественные по смыслу, выполняют в разных языках разные функции и употребляются в несвойственном для воспринимающего

языка значения. Результатом интерференции языков на лексико-семантическом уровне является постепенное сближение как отдельных единиц этого уровня, так и структур, в состав которых они входят. При этом данные процессы наблюдаются как в родном, так и во втором языке. Лексико-семантическая интерференция проявляется сначала в индивидуальной речи билингва, но при коллективном билингвизме может переместиться и в наддиалектную сферу, внося изменения в состав лексического инвентаря того или иного языка.

Подводя итог рассмотрению теоретических вопросов, связанных с интерференцией немецкого и русского языка в рамках Вятского языкового острова, можно сформулировать следующие задачи для исследования: 1) установить, в каком направлении осуществляется интерференция языков билингвов острова: от русского к родному немецкому, от родного немецкого к русскому или в оба направления; 2) установить, насколько активно в процессе интерференции участвуют единицы всех уровней языка — фонетические, грамматические, лексико-семантические.

В качестве материала для исследования использованы записи интервью с потомками бывших немецких переселенцев в регионе Вятки в количестве 26 человек (10 мужчин, 16 женщин, возраст от 75 до 90 лет), сохранившие и использующие свои родные диалекты в повседневной жизни. Аудиоархив содержит языковой материал, который состоит из рассказов информантов о своей биографии, текстов на свободную тему, перевода 40 предложений с литературного немецкого языка на диалект по стандартной анкете германиста-диалектолога Г. Венкера и перевода 200 отдельных словоформ с литературного немецкого языка на диалект по анкете В. М. Жирмунского (АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК. Ф. 1001. Оп. 1. Ед. Хр. 38).

Интерференция в немецкой речи немцев-билингвов со стороны неродного русского языка

В результате взаимодействия русского и немецкого языков в речи немцев-билингвов наблюдается вторжение норм русского языка в реализацию родного немецкого языка. Наибольшая активность этого вида интерференции наблюдается на морфологи-

ческом и синтаксическом уровнях немецкого языка. Фонетическая сторона речи немцев-билингвов формируется преимущественно в соответствии с нормами диалектов, которыми они владеют и частотность отклонений незначительна. Точно также на основе анализа материала невозможно говорить о статистически значимых тенденциях лексико-семантического воздействия русского языка на родной язык билингвов.

Наиболее активно интерференция проявляется на морфологическом уровне. Под влиянием русского языка происходит упрощение структуры немецкого языка билингвов, наблюдается тенденция к становлению общего падежа. Так, например, в предложениях *viər zən jəfa:rn on dr dorf; onzrə ho:s vurt gəboud ā:fəŋ fərzək jo:r; viə mus mən zə:çə dn holts*, мы сталкиваемся с явлением унификации, когда окончание *-es* заменяется окончанием *-en* или *-e*. Это явление происходит из-за недостатка у носителей языкового опыта в запоминании отклоняющихся форм. Отклонения все чаще остаются вне внимания говорящих и постепенно выходят из употребления.

В исследуемом языковом материале было обнаружено такое явление как частое опускание артикля: *veŋç hā:m jə fikt n kəlxos, ən trudarme; vər hā:m monat klɛ:pt; i:rmā: vo:r kolək; vər vourda frɪk ən sujəvka ən zətofka ən tsveɔnfərtsək jo:r*, что также унифицирует структуру рассматриваемых немецких диалектов.

Влияние русского языка, в котором реализуется видовая категория, выражается в сохранении двойного перфекта в южно- и средненемецких говорах, в которых он представлен исторически (Жирмунский 1956: 573). В нижненемецких говорах эту функцию берет на себя плюсквамперфект (МОСКАЛЮК 2002: 218). Под влиянием русского языка немцы-билингвы стремятся выразить совершенный вид в своем родном языке при помощи двойного перфекта и плюсквамперфекта. В исследуемом языковом материале, а именно у носителей нижненемецких и верхненемецких диалектов, были найдены подобные примеры употребления плюсквамперфекта для выражения совершенного вида. Информант — носитель нижненемецкого диалекта: *mainə tā:tə vo:r n səbɪr frɪkt n omsk*; информант — носитель верхненемецкого диалекта: *diə mama vor krank gəvordə*.

Одним из наиболее характерных явлений, отличающих немецкий язык российских немцев от стандарта и объединяющих его со многими другими немецкими говорами, является полинегация. Два и более отрицаний в одном высказывании были возможны в немецком языке повсеместно до конца средневерхненемецкого периода, после чего они исчезли вместе с формированием норм немецкого стандарта. В языке переселенцев они сохранились, и определенную роль в этом сыграл русский язык, который допускает несколько отрицаний в одном предложении. Например, одновременное употребление отрицаний *kein* и *nicht*: *māin mama ˙ er fʋɛstr hat kainə kindr niç*.

Считается, что двуязычие приводит к созданию однородности в морфологии и вырабатывает более простую систему языка. Например, безличное предложение оформляется по модели русского языка как односоставное: опускается безличное местоимение *es* и глагол-связка *sein*: *fʋɛ:r tsəidə ˙ 'Es sind schwere Zeiten'*. Выпадение глагола-связки либо подлежащего, выраженного местоимением, также является характерной чертой речи этнических немцев рассматриваемого региона: *Māin prʋ:tr kštorbn c голода. Als dojarkoj k'arvɛt. Jɛts fon n volt bɛsə ˙ . Zo: vɔ:r fʋɛ:r*. Таким образом, в результате взаимодействия языков происходит устранение грамматических отношений, существующих в одном языке, ввиду их отсутствия в другом.

Помимо вводных слов и союзов, осуществляющих связь между отрезками речи, важную функцию в образовании словосочетаний выполняют предлоги. Предложное управление в речи российских немцев Кировской области находится под сильным влиянием русского языка, вследствие чего словосочетание, имеющее в своем составе предлог, часто представляет собой своего рода кальку с соответствующей русской конструкции. Русскому предлогу *на* часто соответствует немецкий предлог *auf*: *of di ˙ vəinaxtə ˙* (на Рождество), *uf ostə ˙* (на Пасху, в немецком языке — *zu*); *iç bɛn jɛts of dr pɛnsə ˙* (я сейчас на пенсии), где используется дословный перевод русского словосочетания *быть на пенсии* с предлогом *auf* и заимствованной из русского языка лексемы *пенсия*. Соответствующая немецкая фраза не требует предлога: *jetzt bin ich*

Rentner/Rentnerin; *er hat: glēānt ouf ən meħa:nək'* (он учился на механика) — в данном случае с помощью предлога *auf* калькируется типичное для русского языка словосочетание *учиться на кого-л.*, соответствующее по смыслу немецкое словосочетание не требует предлога: *er hat Mechaniker gelernt*. В исследуемом материале встретилось словосочетание *of dā' flu:s* (на реке) — в немецком языке в этой конструкции необходимо употребить предлог *an dem (am) Fluß*.

Следует отметить, что в немецкой речи российских немцев может опускаться служебное слово *als* перед русскими заимствованиями: *f kəlxo:zə' dajarkoj hat zə' k'arvait* (im Kolchos hat sie als Melkerin gearbeitet); *er hat kfast meçanək* (Er hat als Mechaniker gearbeitet). В исследуемом языковом материале обнаружено опущение в конструкции *zu + Infinitiv* частицы *zu*: *zə' ənfā: η wəinā' "Mila', sto' tē' de:lajef!"* "sie fing an, zu weinen "Мила, что ты делаешь!", что также можно считать влиянием русского языка.

Интересны наблюдения над словосочетаниями с числительными, обозначающими даты, которые имеют в русском и немецком языках абсолютно различную структуру. Русская дата типа «в 1935 году» состоит из предлога *в*, порядкового числительного в предложном падеже и существительного *год*, также в предложном падеже. Аналогичная по значению немецкая дата может содержать только количественные числительные, обозначающие год, в несклоняемой форме либо предложную группу *im Jahre* и соответствующее числительное (количественное, в несклоняемой форме). Исследованный языковой материал содержит ряд конструкций, каждая из которых в какой-то мере отклоняется от нормы немецкого языка под влиянием русского. Полной калькой с русского языка является вариант: *ən əntō:zənuihō:drtsvəiontfi:rtsəçstə' ja:r, ən tsvəiontfi:rtsəçstə' ja:r* (в 1942 году), близка к нему конструкция типа: *iç ben gbo:rə' naintsəhondrzi:bnonzvəzəç ja:r* (я родилась в тысяча девятьсот двадцать седьмом году) — информант употребляет порядковое числительное и ставит после него существительное *год*, как этого требует русская модель, предлог *в* опущен. Встречается и такой вариант: *iç ben gbo:r on nuintsəhondr finfontsvantsəç* (я родилась в 1925-м) — в этой конструкции инфор-

мант-диктор употребляет перед числительным предлог *on* (*in*), отсутствующий в немецком языке и опускает существительное *Jahr*.

В синтаксисе на уровне словосочетания и предложения наблюдается влияние русского языка на структурную организацию словосочетаний и предложений, что выражается, в частности, в использовании предлогов, союзов и других соединительных элементов, предложном управлении и порядке слов. На уровне предложения наблюдается нарушение рамочной конструкции, которое вызвано влиянием русскоязычного окружения, так как для русского языка характерно отсутствие фиксированного расположения частей речи в предложении. Несоблюдение российскими немцами этих правил говорит о влиянии русского языка.

По данным исследования, для немцев Вятского региона характерна синтаксическая модель предложения, построенная по русскому образцу с нарушением типичной для немецкого языка рамочной конструкции: *iç ben gbo:rə` ən ja:r nuintsəhondrfinfontsvantsəç* (я родилась в 1925 году), *fon hiə ha:bə` iç g(ə)arbəit ən vold* (уже здесь я работал в лесу), *fj:l ləit hā:m jə` arbəit n volt* (много людей работало в лесу), *zə` hā:m ons jə` fikt n kəlxos* (они нас отправили в колхоз), *diəzə` zədləŋ vurt kbout ən õ:fən tzvontsəxə` ja:r* (этот поселок был построен в начале 20-х годов), *dj` zoltə` fa:ra` mət dm fa:tə`* (*die sollten mit dem Vater fahren*). В перечисленных предложениях, список которых можно было бы продолжить, части сказуемого — вспомогательный глагол и причастие (*bin geboren, habe gearbeitet, haben geschickt, wurde gebaut*) или модальный глагол и инфинитив (*sollte fahren*) — не образуют типичной для немецкого предложения рамочной конструкции, а располагаются в непосредственной близости друг от друга, представляя собой единую словоформу, за которой закреплено одно (а не два) место в предложении, что характерно для русского языка.

Яркой особенностью речи российских немцев являются повторы наречий, прилагательных, глаголов, которые используются для большей выразительности, что характерно для русского разговорного языка. Данное явление А. Вежбицкая называет синтаксической редупликацией (ВЕЖБИЦКАЯ 1999: 225): *vər hā:m jmr*

j̄arv̄et, j̄arv̄et, j̄arv̄et (мы постоянно работали, работали, работали), *vīa mus m̄an, vīa mus m̄an z̄e:ʒaː ds holts?* (как нужно было, как нужно было пилить деревья?), *h̄ā:m d̄iː kh̄indr v̄ekj̄əˈfa:raː*, *ol(ə)s, ol(ə)s, d̄iː* *больницаː*, *ol(ə)s v̄ekgmax* (вывезли детей, всех, всех, больницу, всех вывезли), *v̄an dr krik, konefno* (конечно), *v̄an dr krik n̄ik hat ankfaŋaː*, *v̄er ən d̄əː duma, ən moskoː* (если бы война, конечно, если бы война не началась, я бы сейчас была в Думе, в Москве).

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что речь немецких билингвов Вятки свидетельствует об упрощении грамматического строя немецкого языка под воздействием русского. Это выражается, прежде всего, в отсутствии артиклей, выпадении глагола-связки или подлежащего, выраженного местоимением, и как следствие — односоставности немецкого предложения, несоблюдении фиксированного порядка слов в предложении. К достаточно частотным случаям интерференции можно отнести тенденцию к общему падежу / форме; образование неправильных форм причастия (Partizip II); нестандартное образование названий дат; расширение или искажение функционального значения ряда предлогов; употребление нескольких отрицаний в одном высказывании. Необходимо заметить, что рассмотренные выше случаи русско-немецкого языкового взаимодействия относятся исключительно к речи этнических немцев Вятского региона.

Интерференция в русской речи немцев-билингвов со стороны родного немецкого языка

Билингвы-переселенцы, носители немецкого языка в Вятском регионе России, с начала 40-х гг. прошлого столетия не имели возможности использовать родной язык за пределами своей семьи. Вместе с этим у них были сложности с совершенствованием компетенций русскоязычной коммуникации. В результате, как было показано в предыдущем разделе, в немецкий язык проникло большое число явлений русской грамматической структуры и тем самым ослабило немецкую лексико-грамматическую основу. В результате у основной массы переселенцев не были сформированы на достаточном уровне лингвистические компетенции, что позволяет предполагать возможность деформации языковой структуры неродного для них русского языка.

Для немецкого языка, родного для переселенцев в основном характерно произношение, соответствующее норме родного диалекта. Оно, естественно, далеко от стандартной нормы, но это не вопрос межъязыковой интерференции. Произношение в русской речи несмотря на то, что использование ее занимало относительно большее место и время, сохранило большое число первичных фонетических признаков немецких родных диалектов. К ним относятся следующие.

1. Согласные произносятся немецкими информантами более напряженно в отличие от согласных русского языка и согласных русского регионального вятского диалекта. Глухим взрывным согласным [p], [t], [k] присуще придыхание, что является характерной чертой немецкого произношения: [p]олу-чаётся; [k]азакс[t]án; лé[t], льгó[t]ами; живý[t]; [t]ý[t], момен[t]ально; [p]альтó; [k]оменда[t]ýру, о[t]ёц; на [p]ароходе; [t]удá, скó[t]; [p]áпы, [t]é[t]ство.

Что касается реализации глухого взрывного [k], то появление аффрикаты [кх] в русской речи информантов характерно только для выходцев из самых южных областей Германии. В ряде случаев у информантов отмечена сильная аспирация [к] в начальной позиции, что является отличительной чертой, характеризующей ряд швабских диалектов; таким образом, мы можем утверждать, что наблюдается перенос диалектных особенностей немецкого языка на русскую речь информантов: [кх]óжицу, [кх]артóшка; у[кх]áz, [кх]огóт; язы[кх]óm; [кх]ák; [кх]áрточки; [кх]орóв; [кх]ормá, [кх]ák.

2. В произношении всех рассматриваемых информантов наблюдается утрата звонких согласных, что является следствием немецкой ленисной артикуляции, которая определяется русскими как полувзвонкость.

3. Альвеолярное образование переднеязычных согласных, характерное для немецкого языка, также свойственно русской речи информантов: дéвочкас, фрóнт, не паникúйте, завóд, тýt.

4. Произношение среднеязычного палатального [ç] после переднеязычных гласных, характерное для немецкого языка вместо русского веллярного [х]: у нý[ç]; рýсскý[ç]; [на четверý[ç]; всé[ç].

5. Произношение увулярного (или глубокозаднеязычного) [X], характерного для немецкого языка, на месте веллярного [x] после гласных непереднего ряда: отды[X]áli; На[X]би, вокзála[X]; быкá[X], ботúночка[X]; тúфелькá[X]; окóпа[X]; ё[X]ать; плó[X]о; на участка[X]; двý[X].

6. Наблюдаются отдельные случаи произношения носового заднеязычного [ŋ], характерного для немецкого литературного языка, на месте сочетаний [нк], [нк']: вáле[ŋ]ки, ре[б'óŋ]ком.

7. Речи рассматриваемых информантов свойственно произношение альвеолярного назализованного [n], характерного для немецкого языка на месте переднеязычных [н], [н'] русского языка: [n]ás, по-[n]емéцки; [n]арóд; [n]áцию; [n]ёмцы, маши[n]úстом; óрде[n]; ступé[n]ькáми; коме[n]дá[n]т; [n]ám, м[n]óгие; прúста[n]и-то, [n]a[n]нялá; ве[n]чáли, не же[n]úлся.

8. Некоторые особенности произношения информантов вызваны различием позиционных условий в русском и немецком языках. В первую очередь, это касается согласного [j]: наблюдается отсутствие [j] в абсолютном конце слова после гласных переднего ряда: в[Y]сбóк'и вместо высóкий; произношение согласного более напряженное вместо сочетания «мягкий согласный + j» перед гласными: с мáте[r'ý] 'с матерью'; се[м'ý] 'семью'; се[м'ój].

9. В речи информантов прослеживается более закрытое произношение гласных [e], [o] под ударением, [e] произносится как [и], [o] как [у]: н[ú]мка вместо нёмка; ск[ý]т вместо скóт; н[ú]мцы вместо нёмцы; г[ý]д вместо гóд; л[ú]то вместо лёто; д[ú]нь вместо дёнъ.

10. В речи рассматриваемых информантов наблюдается произношение лабиализованных гласных переднего ряда [Y], [y:], характерных для немецкого языка вместо гласного [ы] русского языка. Особенно ярко данное явление прослеживается после губно-губных и губно-зубных согласных: в[y:] вы; м[y:] мы.

11. В русской речи информантов наблюдается отличие в произношении безударных гласных как от литературного русского языка, так и регионального вятского диалекта. Это было ожидаемо, поскольку в стандартном немецком языке нет качественной редукции гласных в безударных слогах, что находит свое отраже-

ние в орфографии: во всех безударных слогах стоит буква «е». Поэтому у информантов, родным языком которых является немецкий язык, наблюдается произношение, близкое к орфографии.

12. Немецкий акцент в произношении характеризуется отклонениями в ритмической структуре слова, которые вызваны различием в характере ударения и просодических норм в русском и немецком языках. В речи информантов наблюдаются следующие особенности:

- более напряженное, усиленное произнесение ударного слога прослеживается у всех информантов;

- более длительное произношение открытого слога в конце слова: кхартóшк[ā]; н[ú]мк[ā]; зáрев[ō]; плó[Хō]; мál[ō], стáл[ō]; лёт[ō]; б[У]л[ō]; рабóт[ā]; дётств[ō];

- выделение безударного слога (слов) дополнительным ударением в многосложных словах: ботúночкàх; дòнесéния; тóфелькàх, ступéнькàми; кòлхóзнíки; извóзчикòв; вòспалéние;

- в русской речи носителей немецкого языка наблюдается равномерное произнесение безударных слогов (обычно заударных): ни кóстóчéк; рúсскíмí; дéвóчкí; кóмэндáнт; прáзднíкí, пóстéпéннó; жéнщíнà; дéдúшкí;

- наблюдаются отдельные случаи отсутствия слитности в произношении слова: а) выделение приставок, суффиксов, компонентов сложного слова ударениями разной силы: пòсáдúли; прúостáнóвит; òтмéтились; б) выделение начала морфемы, начинающейся с гласного, твердым приступом: ‘òбмéн; ‘учúтель; ‘òдурмáнили; ‘òднà; ‘áдрес; ‘òтéц; ‘òбрáтно; ‘òкóнчíла. Особенно ярко это явление заметно при стечении двух гласных на морфемном стыке: самó‘úчка; спецí‘áльно; пýти‘этáжнýй, пéре‘-òфóрмили.

Анализ влияния родного немецкого языка на неродной русский язык билингов Вятки проявилось достаточно отчетливо на лексическом уровне в отличие от направления от русского языка к немецкому. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи использования не только немецких слов, но и их компонентов в формировании русских лексем, а также случаи смены кода внутри высказываний. Например, «...Ну, у нас там была целая ну ведь *Gruppe* [-группа]...»; «...И нас домой. Мы *schon* [-уже] Находи

были...»; «...И его оставили тоже в ш... это в *Division* [-при штабе]...».

На грамматическом уровне влияние родного немецкого языка на неродной русский язык билингвов проявляется в изменении систем склонения, спряжения, временных форм глагола, порядка слов и др. Были установлены следующие явления в области интерференции грамматики.

1. Перенос грамматической категории рода, соответствующей немецкому языку, в русский: «...*Фронт* везде *шла*...» (в этом случае женский род немецкого существительного “*die Front*” перенесен на русское слово мужского рода “*фронт*”); «...оно из одного *пальто* она бы, это, сшила *большой* да и поменьше...» (в немецком языке слово «пальто» мужского рода “*der Mantel*”); «...*Мать каж-дый* лето *приезжает*, она как *четыре* года как уехала...» (немецкое слово «лето» мужского рода “*der Sommer*”).

2. Перенос управления глаголов немецкого языка на глаголы русского языка: «...он меня так начал *ведь обучать русский язык*...». Немецкий глагол “*unterrichten*” (обучать) употребляется с винительным падежом без предлога “*Russisch unterrichten*” в отличие от русского языка, который требует дательного падежа — «обучать русскому языку».

В целом наблюдения над речевым поведением немцев-билингвов Вятки показали, что их русская речь неоднородна и варьирует от «практически безакцентной» до «неестественной» для слуха русских монолингвов. Если на уровне лексики и грамматики интерференция проявляется не у всех билингвов, то фонетическая интерференция — акцент — в той или иной степени имеет место у всех двуязычных информантов в речи на русском языке.

Отклонения от русской орфоэпической нормы и Вятского регионального диалекта определяются в основном нарушением противопоставления глухих и звонких, твердых и мягких согласных, а также орфофоническими особенностями в реализации всех переднеязычных согласных, что создает впечатление иноязычного акцента. В области лексики и грамматики наблюдаются особенности, проявляющиеся в заимствовании из немецкого языка слов, использующихся в качестве части (компонента) русского слова, постоянные немецкие «вкрапления» в русскую речь этнических немцев, частый неосознанный переход с русского

языка на немецкий и наоборот, а также изменения в системах склонения, спряжения, временных форм глагола, порядка слов, искажении синтаксических конструкций и др.

Выводы

Немецкий и русский языки в Вятском языковом регионе длительное время находились в контакте. Их сосуществование сопровождалось в речи билингвов взаимной интерференцией как со стороны немецкого, так и со стороны русского языка. Речь остающихся в регионе до настоящего времени немцев свидетельствует о формировании у них билингвистических компетенций, однако этот процесс сопровождался сложными социально-экономическими и политическими процессами, которые мешали их становлению. Показательным обстоятельством в этом плане является интерференция в области фонетики. Наблюдаемые факты правильного произнесения одних иноязычных звуко сочетаний и допущение интерференции в произнесении других свидетельствуют о том, что процесс овладения звуковой системой второго языка длительный и трудоемкий, поскольку он связан со смешением звуковых систем окружающего и воспринимающего языков. Поскольку этот процесс проходит без специального обучения, в его основе лежит аппроксимация, иными словами, наблюдается зарождение третьей — промежуточной — системы, не совпадающей ни с немецким, ни с русским языком и выполняющей в сознании билингва адаптивную функцию к языку окружения. Подобный вектор развития контактирующих языков требует регулирования и грамотной поддержки, иначе возникает опасность пиджинизации этой промежуточной билингвистической системы.

© О. В. Байкова, В. Н. Оношко, Н. Ф. Крюкова

2. ЭЛЛИПСИС И ЕГО КОГНИТИВНЫЕ ЛАБИРИНТЫ

Предложение принять участие в сборнике, посвященном 80-летнему юбилею профессора Валерия Михайловича Бухарова, стало для меня приятной обязанностью воздать должное ученому, замечательному педагогу и наставнику, истинному патриоту своей Alma Mater, который умеет проникнуться духом ответственности за все, что в ней происходит. Очарование личности Валерия Михайловича проистекает из того, что для него интерес к лингвистике как к науке и профессиональной деятельности в целом преломляется в его экзистенциальной философии интереса к каждому человеку и его жизни во всех ее проявлениях и оборачивается для юбиляра уважением к нему коллег, аспирантов и студентов. Я принадлежу к тем немногим коллегам В. М. Бухарова, кто имеет возможность в близкой перспективе на протяжении более четырех десятилетий видеть его преданное служение науке, широкую образованность, непреходящую любовь к языку, талант руководителя, отзывчивость и доброжелательность.

Вместо введения

Каждый раз бесконечно радуюсь встречам со своими коллегами-филологами на научных форумах как возможности зарядиться новыми научными идеями и предаться их глубокому осмыслению. Именно таким путем обозначился исследовательский интерес к *эллипсису* как символу. Импульс к анализу символической функции этого языкового знака определился для меня, с одной стороны, пониманием *лабиринта* как символа (КАРАСИК 2020) и дискредитирующим определением символа как языкового знака, с другой.

Символ (от греч. *σμβολον* 'знак, опознавательная примета'), в семантической структуре которого удивительным образом сочетаются «предметный образ и глубинный смысл», «немислимые один без другого» (АВЕРИНЦЕВ 1983: 607), существуют по принципу «сообщающегося сосуда». По мере того как в символе образ становится «прозрачнее», обозначается его смысловая глубина. Символ отличается от любого другого знака своей многозначностью, которая указывает на его содержательную релевантность. Таким образом, смысл символа объективирует себя как «динамическая тенденция», «смысловая перспектива» (*ibid.*).

В лингвистическом дискурсе имеется множество, иногда противоположных, толкований символа (С. С. Аверинцев, Н. Д. Артюнова, Л. Витгенштейн, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, И. Е. Фадеева, С. Л. Филимонов, Е. В. Шелестюк и др.). Так, среди имеющихся точек зрения отмечается, что символ «есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым», не способный на роль научной категории, интерпретирующей сущностное начало языка». И далее: «Символу до сих пор не хватает философского, эстетического и, главное, семиотического обоснования, что, как следствие, отражается на его интерпретациях в лингвистике», а также: «Символическая концепция языка — величайшее препятствие, которое мешает объяснению фактов» (ИВАНОВ 2002; со ссылкой на Ф. де Соссюра и Ш. Балли).

Тем не менее триггером исследовательского вектора эллипсиса как символа может служить понимание *символической* функции языка (языковых единиц) как создающей для слушающего непосредственную связь с действительностью. Такими символическими, ориентирующими языковыми элементами могут выступать, например, в немецком языке субстантивные, глагольные, адъективные основы (Kind-, schnell-, sing-) и др.

Кроме того, в лингвистике имеется понимание символа как «идеи некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания» (ЛОТМАН 1987: 11). В этом смысле предпринята культурологическая интерпретация уже упомянутого выше символа *лабиринт*. Сказанное обуславливает актуальность нашей установки на денотативный (понятийный, референциальный, структурный) анализ *эллипсиса* как символа с планом выражения лингвистически «более ценного содержания». Можно позаимствовать у немецкого лингвиста А. Буша даже образность, облагородившую дискурс, и тоже назвать эллипсис «лингвистическим Протеем», который принимал подобно древнегреческому морскому божеству различные облики (ГОЛОДНОВ 2012), но об обликах эллипсиса позже.

Эллипсис (от греч. ἔλλειψις ‘опущение’, ‘недостаток’, ‘пропуск’) как лингвистический феномен долгое время остается спор-

ным понятием. Исследователи задаются вопросом: в чем же кроется «недостаток», если эллиптическая структура не вызывает непонимания? И для какого высказывания, в конце концов, не требуется привлечение дополнительного знания? Всё и всегда, как утверждал еще в 1934 г. универсалист Карл Бюлер, нуждается в апперцепции, связности восприятия, то есть в процессе соединения нового представления с прошлым опытом (BÜHLER 1999).

Эллиптические структуры подвергались в лингвистике моделированию по разным критериям: семантическому, синтаксическому, логико-содержательному и др. В соответствии с этим выделялись разные типы эллипсиса и их подтипы: контекстуальный, структурный, ситуативный, аналепсы и др. В рамках первого типа рассматривались согласованные, смежные, с внешней предикативностью; в рамках второго — с внутренней предикативностью, динамическим ремасодержанием и др. (О. В. Александрова, Э. М. Береговская, С. А. Зимнухова, Н. А. Иванилова, А. В. Канафьева, А. А. Ларькина, М. Н. Кожина, Г. А. Копнина, О. А. Кострова, А. П. Сковородников; A. Betten, S. Günthner, M. Hennig, L. Hofmann, W. Klein, W. Kindt, W. Müller, H.-P. Ortner, W. Raible, A. Redder, W. Schindler, K. Sommerfeldt, B. Sandig).

Традиционно эллипсис понимался как вспомогательный, фактически существующий, неполный с точки зрения грамматической теории конструкт, который служит для реконструкции полного высказывания. Поэтому именно в эллипсисе, как нигде лучше, раскрывается актуальность его исследования в рамках когнитивно-семантического направления, постулирующего априорное соотношение и взаимодействие языковых структур и лежащих в их основе структур знания (БОЛДЫРЕВ 2014), переводя его понимание на когнитивный уровень, объясняя «языковые структуры путем реконструкции мыслительных структур», в терминах (КИБРИК 2015).

Общеизвестно, что в основе любого высказывания лежит некая формальная синтаксическая система, зафиксированная определенным сводом правил. Реконструкция высказывания предпосылается аппликацией (наложением на него) статичной мыслительной схемы предложения, потому что всякое понимание языка опирается на структуру языкового знания, в которой

актуализируется способность каждого слова как языкового знака к безусловной комбинации значения и формы его выражения. Эта семиотическая безусловность закреплена в методологической установке *Bedeutung sucht Form* 'значение ищет форму' (VAN DER AUWERA & al. 2010).

Целью настоящей статьи является попытка понять когнитивную и лингвистическую природу эллиптических построений, вскрыть когнитивные механизмы, на примере языковых образцов немецкого языка показать языковые закономерности, которые порождают их варьирование. Рассмотрение эллиптических структур в статье отражает следующий виток их осмысления — как репрезентантов выражения имплицитного концептуального содержания лингвистических фактов. Поэтому типологизация эллиптических структур в свете данной методологической установки претендует на *новаторский* ракурс.

Эмпирическим материалом исследования послужили языковые образцы разных дискурсивных практик и лексикографические источники.

Когнитивный аспект эллипсиса

Язык с позиции философии является формой активной кооперации знания и практического действия, существование которой обусловлено общей практикой каждого индивида, его ожиданий и важностью коммуникативного момента. Что знают другие, не обязательно должно проговариваться, что им доступно, может быть выражено намеком. Каждое отдельное понимание использует общий ресурс знания как слайд, позволяющий декодировать языковую поверхностную структуру. При этом мы говорим чаще всего намного меньше, чем могли бы, и не всегда приветствуем, когда говорят слишком много.

Но в любом случае сказанное всегда стоит позади мысли. В высказывании (в дискурсе) используются все ресурсы — знание о коммуникантах, общая ориентация на ситуативные элементы, время и место коммуникации. И текст как материализованная структура дискурса должен предоставить все для его понимания, являясь «ключом» к преодолению, как маленькой, так и большой ментальной дистанции между коммуникантами. Для долгосроч-

ного бытия текста существуют традиционные и современные способы (письмо, память, электронные носители и др.). Он должен пониматься без помощи его автора в других местах, в другое время и нередко другими реципиентами. Это требует большего от ментальной сферы человека, а именно, его знаний.

Язык располагает для дискурсивных (текстуальных) целей в каждом случае свою грамматику как упорядочивающую структуру, которая символически открывает нам доступ к языковому знанию, дейктическим ориентирам, оперативным средствам членения и комбинаторики текстовых элементов. Как только высказывание достигает своей цели — понимания, — все в порядке. Что не может пониматься, то грамматически неправильно. Понимаемость (нем. Textakzeptanz / Textverständlichkeit) является нормой и текстовой категорией (BLÜNDORN & al. 2005).

Сказанное ориентировано на когнитивную функцию эллипсиса как любого языкового знака — «быть “непосредственной действительностью мысли”» (СЛЮСАРЕВА 1990: 564). Вместе с тем эллиптические структуры представляют собой для ее декодирования и реконструкции когнитивные «лабиринты», если понимать последние в метафорическом смысле как сложные, нередко запутанные расположения и сочетания мыслей (ОЖЕГОВ & ШВЕДОВА 1999: 317). Если речь идет о минималистской грамматике и понимании текстов, то эллипсис является тому самым подходящим примером. Он показывает, что грамматика без теории понимания лишена смысла, равно как и наоборот: анализ понимания без грамматической структуры не достигнет цели. Владение языком покоится на структурах знания, их обмене. Что должно быть выражено при актуализации мысли? Прежде всего хорошо известная предикация или хотя бы ее часть. Этот процесс реализуется в эллиптическом фокусировании на главном и этим запускается когнитивный механизм отсылки к уже известным структурам языкового знания у читателя или слушателя.

Эллипсис предполагает своего рода *процедуру формулирования*, для которой характерны определенные когнитивные и коммуникативные признаки. В ходе реализации коммуникативных намерений говорящего систематически что-то не вербализуется в расчете на общую ориентацию коммуникантов (семантическую

ситуацию, контекст, языковое знание и знание языка, фоновые знания и др.). В противном случае высказывание вызывает когнитивный диссонанс вместо когнитивного резонанса.

В философском плане полная включенность человека в реальную действительность определяется его способностью выявлять, понимать и интерпретировать эксплицитные и имплицитные смыслы. Предложение «оязыковляет» смысл, который трактуется как «содержание, которое слово (выражение, оборот речи и т.п.) получает в данном контексте употребления, в данной конкретной речевой ситуации (ситуации общения)» (АХМАНОВА 2010: 434). По Витгенштейну, смысл языкового знака определяется во многом не внутриязыковым, а внешним контекстом использования знака (ВИТГЕНШТЕЙН 1994). Языковое сознание находится на службе постоянного оперирования смыслами — их кодирования и декодирования. Прагматическая составляющая смысла выводит на понимание прямых, конвенциональных и косвенных стратегий языковой единицы, а когнитивная — на понимание ключевых концептов, которые формируют индивидуальную концептуальную систему; обе формируют когнитивный контекст предмета речи.

Содержание слова выступает в качестве точки доступа к широкому объему знаний, которые соотносятся с определенным концептом или структурой концептуальной области. Из этого следует, что не во всех знаках информация находит свое полное выражение, но она подразумевается, т. е. передается имплицитно и базируется на интерпретационных способностях человека. Интерпретация, в свою очередь, была бы затруднительна без когнитивного процесса инференции, который дает возможность выйти за пределы лексикографических значений ментального лексикона и закреплять за словоформами больше содержания. Сказанное позволяет понимать инференцию как когнитивную операцию, в ходе которой происходит «домысливание» или восстановление информации, передаваемой адресату, как процесс извлечения скрытых (имплицитных) смыслов в процессе ее интерпретации.

Скрытые смыслы формируются либо непосредственно в речевой ситуации (речевой смысл), либо латентными семантическими

признаками слова (системно-категориальный смысл), «подсказываются» благодаря нашим знаниям о мире и имплицитуют логические смыслы (причинно-следственные и выводные отношения), прагматические отношения, культурные и ценностные стереотипы. Скрытые смыслы имеют опыт когнитивного моделирования в виде концептов ПРЕСУППОЗИЦИЯ и ИМПЛИКАТУРА.

Пресуппозицию Г. Фреге, автор этого термина, понимает как имплицитный ресурс знаний, «молчание предположения» (допущения) (FREGE 1962: 25). Пресуппозиции нацелены на когнитивный и семантический контроль ситуации, которая актуализируется предложениями. Они рассматриваются как грамматически, контекстуально (ситуативно), а также фоновыми знаниями детерминированные лингвистические сущности и фигурируют также как синтагматические, референциальные, логические, прагматические (эмпирические) пресуппозиции (Н. Д. Артюнова, С. Д. Кацнельсон, И. Макс, М. Райс, Б. Рассел, Г. Фреге).

Вместе с тем при анализе скрытых смыслов актуален термин *имплицатура*. Если пресуппозиция понимается как конвенционально-закрепленное, то имплицатура — как вариабельно употребляемое (речевое) имплицитное знание. В фокус исследования часто попадает конверсациональная имплицатура. Она является пропозициональной составляющей в интерпретациях высказывания и понимается как инферированная информация, относящаяся к ситуации общения и зависящая от намерения и поведения участников при обмене информацией, включает смысловые компоненты достоверности сообщаемого, его уместности в рамках данного разговора и понимания слушающим (GRICE 1991).

Эллиптические структуры как синтаксические единицы имеют пропозитивный характер. Пропозиция являет собой схематизацию и отражение в сознании человека конкретной ситуации внеязыковой действительности, его восприятия. Термин *пропозиция* обязан своим существованием идеям Фреге. Ученый понимал пропозицию как сообщение, суждение, которое соотносится с действительностью, но отделено от акта его утверждения (FREGE 1962 (= 1918): 63). Пропозиция определяется как «модель определенной области опыта, в которой вычленяются элементы

(аргументы и связи между ними), даются их характеристики» (КАРАСИК 2004: 133). Если пропозиция утверждена актом речи, то она предикативна. Таким образом, пропозиция как логико-семантическая структура конкретного «положения дел» является его когнитивной основой, которая реконструируется эллиптической структурой. Эллиптическая структура — это синтаксическая структура, в которой реализуется изоморфность пропозиции и предложения и которой приписывается «задуманный адресантом» имплицитный смысл.

Эллипсис является широко используемым языковым механизмом для реализации когнитивного механизма отсылки в устном или письменном дискурсе, ср.: *Keine Ahnung. Woher eigentlich? Noch nicht mal. Ist ganz klein. Richtig. Den Hammer. An den Hausmeister. Dort drüben.* Он основывается на пропозитивном смысле, который очевиден: *Das liegt dort drüben. Gib mir den Hammer! Das ist richtig. Wenden Sie sich an den Hausmeister!*

С позиций психологии наше сознание настроено на прошлый опыт, как своего, так и чужого вербального или невербального поведения в сходных семантических ситуациях, поэтому оно воссоздает те же смыслы с опорой на свои наработанные языковые и / или феноменологические знания при помощи различных аффордансов. Термин *аффорданс* (англ. afford ← affordance ‘иметь, предоставлять возможность’) как относительно новый психологический термин, безусловно, вызывает научный интерес и нуждается в пояснении. Этот термин заимствован из экологической теории восприятия американского психолога Дж. Гибсона, в рамках которой постулируется тесное взаимодействие организма и среды с акцентом на функцию наблюдения (GIBSON 1986: 129). Эллиптические структуры в этом случае выступают определенным видом аффордансов — ориентиров, предоставляющих возможность реконструировать имплицитный смысл, заключенный в полной структуре, передаваемой пропозицией.

Коммуникативный аспект эллипсиса

Наряду с облигаторной когнитивной функцией эллиптические структуры выполняют не менее важную коммуникативную функцию языка — «быть “важнейшим средством человеческого общения”» (СЛЮСАРЕВА 1990: 564). Любое общение очерчивается

рамками определенной ситуации. Ее метакоммуникативными компонентами являются говорящий и реципиент, другие лица, вещи, которые видят коммуниканты, условия, которые они разделяют, а также представления, которые создаются сообща. В такой ситуации создается предпосылка для возникновения *ситуативного* эллипсиса, который основывается на общей предварительной ориентации в ситуации общения. В такой ситуации можно отказаться даже от дейксиса лица (*я / мы*), хотя немецкий язык, в частности, очень чувствителен к его отсутствию в формальной структуре высказывания.

С когнитивной точки зрения любой тип эллипсиса основывается на уже имеющемся знании (языковом опыте). В большей степени это касается *фатического* эллипсиса, при котором обрывается вербализация формально правильного завершения высказывания и его мыслительное достраивание предусматривает наличие должной языковой компетентности реципиента. Это может быть не до конца сформулированная известная цитата, нереализованное вполне ожидаемое табуированное слово, отказ от повторения хорошо и всем известных истин, например:

- (1) Die Kritik der Religion endet mit der Lehre, das der Mensch das höchste Wesen für den Menschen sei, also mit dem kategorischen Imperativ, *alle Verhältnisse umzuwerfen, in denen der Mensch ein erniedrigtes, ein geknechtetes, ein verlassenes, ein verächtliches Wesen ist...* (Marx. Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Einleitung. MEW I, S. 385) → Es gilt, *alle Verhältnisse umzuwerfen, in denen der Mensch.* (пример [HOFFMANN 2006: 97]).

Как замечено выше, эллипсисы фигурируют как в устной, так и в письменной речи. Реципиент активно перерабатывает заложенный в этих структурах ход мысли, осмысляет противоречия и анализирует их. Устные эллипсисы нередко сопровождаются для него эффектом неожиданности. Ср.: *Los! Начали! Stillgestanden! Смирно! Immer vorwärts! Только вперед!* Такой экспрессивный тип эллипсиса, по Бюлеру, называется *эмфактическим* (BÜHLER 1999). Его можно толковать как ситуативный, потому что совершенно ясно, что подобного рода структуры неуместны на научном форуме или в рамках официального общения.

Эллиптические структуры относятся к периферии синтаксической системы и представляют «экспрессивный» синтаксис. Языковая экспрессия в немецком языке представляет собой языковой механизм формирования грамматических прецедентных смыслов в целом и в эллиптических предложениях, в том числе (ГОЛУБЕВА 2010, 2018; БОРИСОВА 2014).

Лингвистический аспект эллипсиса

Высказывание с эллиптической структурой лежит ниже уровня грамматического стандарта языка с эксплицитными формами, поскольку, как отмечено выше, что-то, относящееся к позиции или средствам оперативного управления информацией, не реализуется. Но в этом случае вступают в силу другие грамматические формы и средства для представления схемы высказывания (флексии, порядок слов и др.). Проиллюстрировать эту мысль можно на примерах (HOFFMANN 2006: 94): *Alte Ansichten neu zugespitzt* — **Neu alte zugespitzt Ansichten*; *Gesicherte Verhältnisse* — **Verhältnisse gesicherte*; *Fischers Fehler* — **Fischer Fehler*; *Jenseits der Leinwand* — **Jenseits Leinwand*.

В номинативном ракурсе эллипсисы предстают как повторные номинации, по В. Г. Гаку, так как «полностью или частично указывают на одно и то же событие» (ГАК 1998: 547). Эллиптические конструкции реализуют принцип имплицитности языкового знака в ключе прагматической референции, которая отражает замысел Наблюдателя. Конечная цель выражения авторского «Я» предполагает достижение кореференции эллиптической структурой через свою предикатную референцию. Это находит свое системно-языковое выражение в разных грамматических формах и средствах с минимально отличающимися семантическими оттенками, в числе которых заметное место занимают эллиптические структуры с вторичной предикативностью.

В целом эллиптические структуры рассматриваются как нормативные случаи оформления высказывания, экономящие фонематические усилия говорящего, и в этом смысле они интересны для психолингвистики. Некоторые их типы полностью грамматикализованы, например, в виде предложений с однородными подлежащими и сказуемыми, словосочетаний с сочинитель-

ной связью (Г. Цифонун, У. Энгель и др.), наконец, в виде элементарных ритуальных формул общения: Danke! *Спасибо!*, Grüß dich! *Привет!* Guten Tag! *Здравствуйте!* Или фразеологизмы типа Gesagt, getan. *Сказано, сделано.* Ein Mann, ein Wort. *Слово чести!* Mehr Inhalt, weniger Kunst! *Где мало слов, там вес они имеют!* Er und Lügner? Он и обманщик?

С точки зрения самоидентификации Наблюдателя в аффордансах, о которых речь шла выше, анализ эллиптических структур показывает, что предложения с имплицитной (вторичной) предикативностью грамматикализуются очень часто в виде «изолированного» причастия и имеют языковой статус. Об этом свидетельствуют их структурно-семантические аналоги, позволяющие говорить об их «регулярной многозначности» (термин Д. О. Добровольского). Ср.: für sich / streng / genau genommen; dies vorausgeschickt / vorausgesetzt; vereinfacht wiederholt; für sich / grob / historisch / geographisch / textgrammatisch / intuitiv gesehen и т. п.

Нашему сознанию нетрудно соотнести эти языковые образцы с пропозицией придаточного кондиционального предложения, вводимого союзом wenn (Wenn kurz gesagt wird / man kurz sagt / wir kurz sagen), или главного предложения, например:

- (2) *Im groben kann gesagt werden, daß die (meisten) Determinative [...] qualifikative Funktion haben* (Engel 1982: 265) ← *Die (meisten) Determinative [...] haben grob gesagt qualifikative Funktion.*

Формулируемая в этом случае эллиптическая структура маркирует *логико-онтологический* эллипсис, который отсылает к «инвариантному пониманию предложений» (РОСТОКИНА 2008: 502).

Общеизвестность и регулярность употребления подобных причастных структур привели к их дальнейшей редукции до одного атрибутивного наречия, которые функционируют на коммуникативном уровне как грамматические индексальные знаки, внешние модусы, например:

- (3) [...] wenn wir, *kurz gesagt*, erleben [...] (HÜBLER 2001: 264).
(4) *Kurz*, image-Schemata operieren auf einer Ebene [...] (ibid.: 259).

Возвращаясь к обозначенной в начале статьи мысли об обликах эллипсиса как «лингвистического Протоя», отметим, что эллипсис реализуется в разных синтаксических структурах с ми-

нимально отличающимися семантическими оттенками с вторичной (свернутой) предикативностью. Он реализуется в виде аппозитивных, вводных и вставных конструкций, парентетических вставок и др. Остановимся на них более подробно.

Способ синтаксической редукции представляет *аппозиция*. Аппозитивные конструкции, как правило, реализуются прилагательными, номинальными фразами и атрибутами в род. п. В них также имплицировано мнение говорящего, выражение которого подразумевает употребление модального наречия *übrigens* между *прочим / впрочем*, например:

- (5) Ich, Adams Sohn, *mir selber entfremdet, mir selbst ein einziges unlösbares Rätsel?* (WULF 1978: 66)
- (6) Ich staune über den Himmel, *das Werk deiner Finger*, über den Mond [...] (ibid.) ← Ich staune über den Himmel, (*übrigens*) *das Werk deiner Finger, über den Mond* [...]

Как мы видим, аппозитивные выражения являются самостоятельными выражениями со статусом члена предложения. На морфосинтаксическом уровне отношение аппозитивных структур к их атрибутируемым элементам, их когнитивно-синтаксическому базису, минимально (почти никакого согласования). Базисный элемент должен находиться в том же предложении, что и аппозитивный, так как является мыслительной основой последнего. То есть в данном случае аппозитивный элемент реализует когнитивную проекцию «отослать к синтаксическому прецеденту».

Следующей эллиптической моделью является *обособление*. В немецкой германистике обособление фигурирует как *Absonderung* или *Nachtrag* (И. Буша, П. Эйзенберг, Г. Хельбиг, К. Зоммерфельдт, Г. Штарке). Обособленные элементы обладают в предложении дополнительным семантическим весом, экспрессивностью и характерным интонационным рисунком (Г. Альтманн, П. Ауер, М. П. Болотская, Д. А. Борисова, Г. Хельбиг, И. Н. Кручинина, Г. Лерхнер, А. М. Пешковский, Л. В. Фадеева, В. Флейшер).

Обособление может представлять препозицию — место, предшествующее первому месту предложения, например:

- (7) *Der Messias, der Retter ist da* (SCHÖNBORN 2002: 46).

Вместе с тем обособленный элемент может стоять в середине предложения, т. е. занимать интерпозицию, например:

- (8) In Jerusalem, *wenige Tage vor seinem Tod*, hat Jesus von dieser Endzeit gesprochen (ibid.: 22).

Обособленная эллиптическая структура может занимать последнее место в предложении при отсутствии глагольной рамки, например:

- (9) Dann ist jeder Tag kostbar, *ein Kommen Gottes, ein Advent* (ibid.: 23).

Обособленные конструкции демонстрируют возможность их «кучкования» в предложении. Это синтаксическое явление имеет в религиозном дискурсе вполне регулярный характер, например:

- (10) Es sind Worte, die in getragener Sprache ein Geheimnis künden, *das Urgeheimnis der Welt, Ursprung, Sinn und Ziel von allem ausleuchtend* (ibid.: 37).

Обособления как синтаксические единицы являются эллиптическими предикативными выражениями, возникшими в результате редукции. В матричном предложении они лишены синтаксической функции, а потому могут быть отнесены к структурам выдвижения. Как правило, обособляются факультативные члены предложения, такие как атрибут в форме прилагательного, наречия, именной фразы, например:

- (11) [...] und diesen Schritt muß Josef dann selber tun, *mutig, klug, entschieden* (ibid.: 43).
(12) *Etwas* ging von Jesus aus, *eine Kraft* (vgl. Lk 6, 19; 8, 46), *eine Ausstrahlung, eine Faszination* [...] (ibid.: 11).

В отличие от аппозиции обособленные конститuentы являются «семантической чеканкой» предиката и в ходе неожиданного обрыва структуры матричного предложения могут реализовывать обязательные синтаксические функции, например, дополнения:

- (13) Welche Menschen Jesus kennt und liebt, hat er oft gezeigt: *die einfachen, geraden, selbstlosen Menschen*, egal, ob klein oder groß, ob reich oder arm (ibid.: 91).

Особый подвид обособления понимается в лингвистике как *парцелляция*. В теории синтаксиса парцелляцию представляет структура, расчленяющая предложение на две или более фраз, путем вынесения ее за рамки предложения. В немецком синтаксисе парцелляция представлена терминами *Isolierung, Parzellierung, absolute Absonderung*. Парцеллированный конститuent наде-

лен коммуникативной самостоятельностью, имеет статус предложения. Позиционная характеристика парцелляции отражается в терминах *Ausklammerung*, *Ausrahmung*, *Herausstellung* (Г. Альтманн, И. Буша, Г. Гельбиг, Г. Михель, Г. Штейн), например:

(14) Oder was habt ihr sehen wollen, als ihr hinausgegangen seid? *Einen Mann in feiner Kleidung?* (ibid.: 28)

(15) Oder wozu seid ihr hinausgegangen? *Um einen Propheten zu sehen?* (ibid.)

Предпринятый выше лингвокогнитивный анализ эллиптических конструкций позволяет обнаружить некоторую терминологическую путаницу при определении того или иного экспрессивного синтаксического способа: аппозиция / обособление, обособление / парцелляция, вводные / вставные элементы, которые трактуются в лингвистике как *парентеза*. Парентеза понимается в этом случае в широком смысле и в нее включаются также апеллятивы (*meine Damen und Herren*), междометия (*ah*), (*oh*), (*na*), (*au*), слова-предложения (*bitte, danke, ja, nein*), модальные фразеологизмы (*ich mein', glaub' ich, nicht wahr, sagen wir*).

Причина такого терминологического разночтения кроется в критериях и подходах, которые кладутся в основу лингвистического анализа. В этом смысле велика связь синтаксиса и интонации. Все анализируемые эллиптические структуры нацелены на расширение смысла высказывания, которое актуализируется через так называемые *поправки, уточнение* и другие коммуникативно-прагматические стратегии; при этом реализуются когнитивные механизмы *высвечивания, развития* и др.

В немецкой германистике под парентезой понимаются самостоятельные словосочетания и предложения, вплетенные в матричное предложение несинтаксическими отношениями: вокативы, междометия, аппозитивные словосочетания, вставные элементарные предложения и даже относительные придаточные предложения (Г. Альтманн, К. Е. Гейдольф, Г. Рабе, П. Эйзенберг).

В религиозном дискурсе парентезы составляют объемный корпус и в качестве «истинных» они фигурируют в виде модальных слов и выражений, например:

(16) So regen sie sich — *nicht ganz unverständlich!* — darüber auf, dass [...] (ibid.: 94).

Фразеологизированной, а потому моделиобразующей разнообразностью эллиптического предложения, вариантом реализации парентезы является структура *wie* + ссылка на источник информации в понимании *so wird es in / bei / von ... eingestuft*, например:

(17) Arthur Schnitzler füllt am Ende seiner Erzählung, *wie hier wiedergegeben*, die ganze Zeile mit Punkten aus [...] (TG 1993: 419).

О лексикализации эллиптических придаточных предложений можно говорить на примере других причастных структур, образующих лексические радиальные ряды, позволяющие ещё раз убедиться в их «регулярной многозначности»: *wie angedeutet / angekündigt / angemerkt / ausgeführt / besprochen / dargelegt / dargestellt / demonstriert / formuliert / gesagt / skizziert*.

Регулярным вариантом реализации парентетического эллипсиса является также лексикализованная структура «*so* + ссылка на источник информации» с пропозицией «*so wird es in / bei / von ... eingestuft*». Этой прототипической структуре есть в языке эксплицитно представленные альтернативы, например:

(18) [...] die aber auch oft, *so die Schulgrammatik*, erspart werden können [...] (TK 2001: 5).

(19) Im sibirischen Gulag, *so seine Erfahrung*, überlebten die am ehesten, die nicht um jeden Preis das Leibliche Überleben suchten [...] (SCHÖNBORN 2002: 102).

(20) [...] WEIL, *so Frege*, „das Eis spezifisch leichter als Wasser ist [...] (BRÜSKEN 2004: 369) ← Oder, *wie schon Frege sagt*: „Wörter wie „also“, „folglich“ [...] (ibid.: 380).

В немецком языке распространены эллиптические структуры парентезы, которые эксплицитно указывают на аксиологический знак плюс через лексемы *besser*, *genauer*, *wohl* и другие, которые имеют прототипическое прочтение: *wir (der Autor) sagen(t) besser, anders*. Через перформативы подобного рода приходит в действие когнитивный механизм реформулирования.

(21) Hier wird also ein Satz — *oder besser*: ein äußerungsäquivalentes Element [...] gekennzeichnet (TK 2001: 20).

(22) Liegt hier nun ein kontrastiver oder ein performativer „Satz“ — *wir sagen besser*: Äußerung — vor? (SB, 209).

(23) Etwas salopp *ausgedrückt*: Es ist der Bereich [...] (SB, 201).

(24) [...] wenn er, *wie im heutigen Evangelium*, zu ihnen sprach und ihnen Gleichnisse erzählte (SCHÖNBORN 2002: 113).

Функционирование рассмотренных эллиптических структур типа (*genaugenommen*, *wohlgemerkt* и др.) обусловил контекстуальный фактор — прототипичность когнитивно-семантической ситуации в производящих структурах, которая сделала возможной семантико-синтаксическую редукцию. В этом же ключе следует рассматривать придаточные предложения (обычно с кондициональным, concessивным и каузальным значением) с имплицированным субъектом и предикатом:

(25) *Wenn ohne Gehstock, ist meine Mutter ganz hilflos. Er macht alles sachkundig, wenn auch jung* (ГОЛУБЕВА 2010: 254).

В связи с этим результативность научного поиска прогнозируют обособленные (и не только) инфинитивные и причастные конструкции. Из-за их способности легко трансформироваться в придаточное предложение они получают «предложенческий» статус, например:

(26) *Man erlaubt den Kindern, ein Fest zu feiern.* ← *Man erlaubt, daß die Kinder ein Fest feiern.*

(27) *Vom plötzlichen Einbruch der Nacht überrascht, war er ohne Orientierung.* ← *Da er vom plötzlichen Einbruch der Nacht überrascht war, war er ohne Orientierung.*

Эта мысль подтверждается далее Энгелем на способности модального глагола имплицировать придаточное предложение:

(28) *Wer will, dass er Soldat wird?* ← *Wer will Soldat werden?* (ENGEL 1982: 187).

Как можно заметить, эллиптические структуры имеют разную степень лексикализованности. Есть среди них и фразеологизированные словосочетания — фразеосинтаксемы, а также конструкции с предложенческим статусом. Под *фразеосинтаксемой* понимается в данном случае двух-, трехсловная фразеологическая единица, построенная по модели словосочетания и обладающая способностью занимать в предложении определенную синтаксическую позицию. Как гипостазированные лексико-грамматические структуры они являются прецедентными. Эти структуры «не обласканы» вниманием ни классической фразеологии, ни грамматики «принципов и параметров»; их семантика определяется «не по регулярным правилам соположения смыслов». По-

добным фразеосинтаксемам — прямой путь в «грамматику конструкций», например, *angenommen / für sich / genau genommen; dies vorausgeschickt / vorausgesetzt; für den Fall gesetzt*:

- (29) Es gehört *streng genommen* nicht zum Thema [...] (TK 2001: 139).
(30) [...] oder Zeitenfolge, die *für sich genommen* bereits eine Abfolgerelation [...] anzeigt (BRÜCKEN 2004: 193).

Воспроизводимость, узнаваемость и статичность подобных эллиптических структур привели к наблюдаемому в них грамматическому и лексическому идиоматизму (*angenommen, gesetzt den Fall, wohlgemerkt* и др.), например:

- (31) *Angenommen*, die Regeln der Grammatik haben die Merkmalkombination [...] abgeleitet (BECHERT 2004: 166).
(32) *Wohlgemerkt*: Strukturen dieses Typs können unter Umständen [...] (DEUTSCHE SPRACHE 2004. 32: 6).

Выше уже отмечалось, что ведущими операционными процедурами эллипсиса в его традиционном понимании являются редукция и трансформация. Трансформация предикатной структуры может осуществляться, в том числе в форме субстантивного словосочетания с зависимым причастием (*Partizip II + Subst.*), например:

- (33) Bei den folgenden Beispielen, die schon in Abschnitt 3.2.2. kurz *angesprochen worden sind*, bleibt [...] (ZS 1999. 2 (18): 291) ← Bei der in diesem Aufsatz *angesprochenen* Thematik können diese Fragen [...] (ZS 1999. 2 (18): 299).

Последний пример иллюстрирует контекстуальный тип эллипсиса, при котором реконструкция полной структуры возможна только при опоре на констелляцию. Представленный обзор эллиптических конструкций убеждает нас еще и в том, что с учетом смыслообразующей функции их можно сравнить с проформами. Парадокс эллипсиса заключается, однако, в том, что ссылка на предшествующий текст осуществляется при помощи «пустых мест». В то время как с проформами установка на поиск разрешается семантическим восполнением, при эллипсисе она обусловлена недостающим лексико-грамматическим материалом. И хотя по форме эллиптические структуры выглядят явно аграмматично, это так не воспринимается. В тексте «пустые места» ин-

терпретируются как инструкция по анафорическому поиску имплицитного смысла. Проверяется предшествующее предложение на предмет наличия в нем подходящих по смыслу языковых единиц, которые грамматически корректно могли бы дополнить эллиптическое высказывание, и устанавливается одновременно тесная содержательная связь между двумя пропозициями. Такая логико-грамматическая процедура, безусловно, базируется еще и на отсылке к исходной смысловой структуре, хотя в дискурсе мы прибегаем к нему во многом на подсознательном уровне и имеем иные типы эллипсиса, в которых задействован акт логического сравнения с производящей структурой, как в примерах ниже:

- (34) *Wo nötig, wird die Aussprache eines Wortes [...] in Klammern angegeben* (DER SCHNELLE WEG 1992: 9).
- (35) [...] *da die hier betrachteten Ausdruckstypen [...] recht stiefmütterlich, wenn überhaupt, behandelt wurden* (ZS 1998. 2(17): 242).

Выводы

Анализ эллиптических конструкций показал, что они представляют вид аффордансов для реконструкции когнитивной структуры, экспликации прецедентного смысла. Они грамматизируются в виде «изолированной» синтаксической единицы с вторичной предикативностью, имеют конвенциональный характер наряду с эксплицитными предикатными структурами и номинализациями. Об этом свидетельствуют их парадигматические ряды, позволяющие говорить о «регулярной многозначности» подобного рода «коммуникативных заготовок». В их реализации задействованы такие когнитивные механизмы как отсылка, идентификация, фокусирование, импликация, достраивание и др., которые профилируют языковое знание; они обусловлены во многом языковой экспрессией и выражаются через такие языковые процедуры, как редукция (элиминация) и трансформация.

© Н. А. Голубева

3. ЗАЧЕМ НУЖНО РАЗЛИЧАТЬ СТАТИЧЕСКИЙ И ДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ? (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ПО ОСОБОМУ СЛУЧАЮ)

В научной среде и до сего дня, по счастью, сохранилась и поддерживается корпоративная научная традиция — чтить в виде юбилейных сборников достижения исследователей, чья профессиональная теоретическая, академическая, организационная деятельность существенным образом влияет и на частные, отдельные, специальные проявления научного интереса в публикациях разного рода, и на общую атмосферу научного и педагогического сообщества.

В лингвистической среде к таким исследователям, бесспорно, относится Валерий Михайлович Бухаров, известный среди лингвистов и как знаток немецкого языка, и как профессионал-фонетист, и как творческий педагог, и как проректор, четко распознающий на разных исторических поворотах перспективы развития лингвистической подготовки, и как председатель диссертационного совета, умеющий объективно оценить научную новизну и теоретическую значимость предлагаемых теоретических и прикладных интерпретаций, и как коллега, готовый поддерживать своих научных собратьев в сложных обстоятельствах.

Широта исследовательских интересов В. М. Бухарова и высокое разнообразие его функциональных обязанностей в качестве организатора лингвистического образования дает право его коллегам предложить в сборник, посвященный юбилею Валерия Михайловича, публикацию более общего характера, не привязанную жестко ни к определенной лингвистической парадигме, ни к языковому материалу, ни к методике анализа. Этим и объясняется фокус предлагаемого анализа на проблематике, так или иначе значимой в практически любом лингвистическом исследовании.

Нередко характер полемики по лингвистической проблематике побуждает задуматься об *объективных*¹ причинах такого положения дел, когда диспутанты, решая одну и ту же проблему,

¹ Субъективные и субъектно-обусловленные причины целесообразно сознательно вынести за скобки, потому что они в конечном

опираясь на идентичные — на первый взгляд — исходные теоретические посылки и иллюстрируя свои рассуждения тождественными и / или аналогичными примерами, как выясняется, думают на самом деле о совершенно разном и поэтому — что абсолютно закономерно — структурируют обсуждаемое проблемное поле по-разному.

Постановка проблемы

Так, в качестве доказательства, например, культурной специфики картины мира, приводят, как правило, обозначения-универбы для некоторого объекта внеязыковой действительности из словарей² и / или перечисляют с большей или меньшей степенью детализации элементы отдельных синонимических рядов, либо обращают внимание на лакуарность в том или ином сегменте лексикона для некоторой языковой культуры и т. д.

Классическим примером для первого случая следует, бесспорно, признать обозначения частей тела человека, приводимые в подобных случаях в качестве аксиоматического и якобы «очевидного для всех» доказательства культурной специфики мировосприятия. Русский язык: *рука — нога — палец*; немецкий язык: *Hand — Arm — Bein — Fuß — Finger — Zeh*; английский язык: *hand — arm — foot — leg — finger — toe*; французский язык: *main — bras — pied — jambe — doigt — orteil*.

итоге сводятся к авторской интерпретации комплекса лингвистически значимых вопросов, как они осмысляются на определенном этапе развития лингвистики: теоретического фундамента, принципов вычленения объекта и предмета исследования, обоснования выбора приемов и методов анализа эмпирического материала, определения минимальной конститутивной единицы и минимальной единицы предпринимаемого анализа и пр.

² Вспомним классические примеры — обозначения для руки / ноги или пальцев в английском, французском, немецком языках, с одной стороны, и русском, с другой, как доказательство «нетождественности / специфики мировосприятия носителей разных культур». При этом почему-то не учитывается, что в русском языке имеются такие обозначения, как *кисть руки, стопа, палец руки / ноги*, а это вполне соответствует даже в изолированном от контекста случае соответствующим обозначениям из других языков.

При этом, однако, в подобных случаях, как это не покажется странным, мало кто осознает, что речь идет о двух принципиально разных вещах. С одной стороны, необходимо говорить о единицах лексикона, т. е. о словаре как о совокупности определенным образом организованных номинативных средств для самых разнообразных элементов действительности как *результате* лингвистической, аналитической, деятельности конкретного лингвиста, имеющего собственные теоретические представления о языке и его предназначении в культуре. Очевидно, что в этом контексте речь идет и о лексических единицах, включаемых в словник или исключаемых из него, согласно концепции автора словаря. С другой стороны, в подобных случаях, судя по проводимому анализу, даже не вспоминают, что есть также и иные случаи — *использование* носителями языка и культуры определенных языковых средств, отобранных тем или иным носителем языка для известных ему целей в известных ему обстоятельствах.

Как свидетельствует практика, подобный выбор не всегда заканчивается в пользу языковых средств, внесенных в словник, т. е. ставших конвенциональными для обозначения элементов внеязыковой действительности, изолированных от других элементов действительности. В обсуждаемом контексте есть резон обратить внимание на лексические новации, получившие «права гражданства» в самые последние месяцы: *эйнштейнцаты* — *испуганты*, *фелоканты*, *испургенты* — *америколиз* — *нижеплинтусные* (*изрыгания*) — *мореройцы*, *страна У* — *отреченцы*, *нетвойняшки* — *жабогадюкинг* — *танцы с самозванцами*, *танец на граблях* (Lenta.ru).³ наряду со ставшими практически уже традиционными *гегемонщина*, *Вашингтонщина* (ср. с конвенциональными средствами: *Тамбовщина*, *Ярославщина*, *Саратовщина*), *Вашингтонский обком* и т. п.

В обозначенном контексте правомерно подчеркнуть, что исследователь — в идеале — не может не принимать во внимание, что в первом случае он имеет дело со статикой (т. е. с *результатом* речемыслительной деятельности с помощью языковых средств),

³ Приведенные неологизмы распределены по отдельным объектам номинации.

в другом — с динамикой (т. е. с *самой деятельностью* с помощью языковых средств, а именно с *использованием* языковых средств в коммуникации для чего-либо как-либо).

Однако в описанных выше условиях исследователь, по всей видимости, даже не осознает отмеченное различие и подходит к анализу соответствующих номинаций однонаправленно и одно-типно. Как следствие, он и не рефлектирует над этим или не принимает во внимание, что в языковой культуре существуют иные, аналогичные, способы именования тех же самых упомянутых выше частей человеческого тела в иных контекстах, в том числе и в профессиональном общении врачей в одной культуре, тем более в профессиональном общении врачей-носителей разных языковых культур; ср. *рука — нога — палец* и т. д., но: *бедро — плечо*⁴ — *предплечье — голень — голова — затылок* и т. д.

Весьма вероятно, что в подобных случаях исследователь не считает значимым учет разных типов коммуникативной и когнитивной задачи, при решении которых могут, однако, использоваться одни и те же языковые средства; ср.: *Возьми в фуки (что-л.) — Возьми себя в фуки! — встань на ноги* (А на что еще может встать человек?!) — *Думать надо головой!* (А чем еще думает человек?!) — *думать — думать над чем-л.* и пр. Подобные случаи убеждают, что с помощью одних и тех же языковых средств объективируются разные сведения о мире, у носителей языка возникает разная мыслительная картинка, и они в разных ситуациях реагируют не тождественно на использование формально одних и тех же языковых средств (см. примеры ниже).

Еще одним аргументом в пользу значимости разграничения статического и динамического при анализе языковых средств правомерно признать фактическое приравнивание части речи или словоформы, с одной стороны, и междометного высказывания, с другой; ср.: *ага — Ага!* либо *запоминать — Запомнил!*, а также эллиптического предложения (как реализации разных

⁴ При этом надо понимать, что бытовое и профессиональное понимание соответствующих лексических единиц не всегда тождественны, равно как и среда их функционирования, а также задачи, решаемые с их помощью.

синтаксических структур); ср.: Два. (← *Сколько тебе кусочков са- хара? /// Сколько разделов содержится в книге? /// Сколько человек рабо- тает над проектом? /// Сколько часов тебе еще потребуется, чтобы за- кончить перевод?* и т. д.). Не менее значимо различие лексема и словоформы; ср.: *Arbeit f, -, -en — eine Arbeit, der Arbeiten, der Arbeit, Arbeit... Diese Arbeit zeichnet sich durch linguistische Akribie aus.*

Необходимость корректной интерпретации в любых слу- чаях вытекает из того, что лексема, словоформа, член предложе- ния, предложение, сверхфразовое единство и иные элементы членения лингвистически максимально сложной коммуникатив- ной единицы «текст» обладают разным набором лексико-семан- тических, словообразовательных, морфологических, синтаксиче- ских, текстограмматических, формально-структурных, стилисти- ческих, когнитивных характеристик, которые либо обязательны всегда и везде, либо факультативны в тех или иных обстоятель- ствах при том или ином анализе.

Думается, что приведенные соображения довольно убедит- ельно свидетельствуют о необходимости *сознательно* принимать во внимание характер подхода к изучению средств и способов объективации сведений о внеязыковой действительности и ее элементов.

Статическое vs динамическое: насколько они comple- тарны?

Очевидно, что оба заявленных в заголовке статьи подхода к анализу языковых средств — статический и динамический — необходимо уже на первом этапе изучения тех или иных языко- вых средств *последовательно* и *осознанно* различать в исследова- нии, так как им свойственны следующие характеристики, обу- словливающие ход анализа и интерпретацию его результатов.

Названные подходы *сущностно* различны. С одной стороны, исследователь имеет дело с результатом когнитивной и номина- тивной деятельности. С другой стороны, наличествует процесс, т. е. использование в когнитивной, номинативной, коммуника- тивной деятельности разноуровневых и разнородных языковых средств для достижения носителями языка и культуры в некото- рой интеракции своей — в идеале — общей цели.

Каждый из характеризующих подходов имеет в силу сказанного выше разные *целюстановки*. В одном случае речь идет о том, чтобы обозначить некоторый элемент внеязыковой действительности на основании осмысления комплекса разнородных сведений о соответствующем элементе. В другом случае необходимо осмыслить мотивы для выбора номинативного средства — первичного или вторичного, узувального или окказионального, конвенционального или порожденного здесь и сейчас, и пр.

Каждый из анализируемых подходов ориентируется неизбежно и закономерно на анализ *качественно различного* эмпирического материала. С одной стороны, это набор изофункциональных разнородных средств, организуемых по функциональным основаниям и номинативному потенциалу. С другой — это выбор носителем языка и культуры одного средства из комплекса изофункциональных, т. е. речь идет прежде всего о мотивах выбора с учетом функционала и потенциала соответствующих средств, а также особенностей коммуникативной среды и характера решаемых коммуникативных и когнитивных задач. В первом случае исследователь имеет дело с номинацией отдельных элементов внеязыковой действительности вне зависимости от их сущности: субъект, объект, признак, отношение, процесс, действие, состояние, ситуация и т. д. Во втором случае анализируются средства вербализации комплекса разнородных сведений из фрагмента дискурсивного континуума, являющегося, в свою очередь, частью деятельностного континуума, который также представляет собой часть искусственной, т. е. созданной человеком, культурной среды и вместе с тем часть естественной, природной, среды (см. ниже Схему 1).

Каждый из изучаемых подходов опирается при трактовке результатов анализа по понятным причинам на разные теоретические *постулаты*, ведь одно дело — анализировать потенциалы, а другое — реализацию потенциала в тех или иных конкретных условиях. Следствием становится и выбор исследовательских приемов эмпирического материала, а также характер исследования — монодисциплинарный и / или междисциплинарный.

Обобщая, следует подчеркнуть, что статический подход — это результат аналитической деятельности исследователя, резуль-

тат обобщения (абстракции) и / или классификация по определенным (обоснованным исследователем) критериям. Поэтому при таком подходе ожидается распределение по системным, субсистемным, суперсистемным для анализируемой единицы уровням в некоторой системе отношений между разнородными элементами в соответствующей системе образующих ее элементов. Выявляемые характеристики в той или иной мере имманентны языку как феномену (= средству познания и коммуникации), их совокупность представляет собой, по сути, потенциал, из которого затем реализуется одна из потенций. Условно такой подход, пожалуй, можно назвать «парадигматикой»⁵ в том смысле, как ее определяет Е. С. Кубрякова: «один из двух аспектов <...> изучения языка <...>, занимающийся классификацией, определением области их [единиц языка] действия и т. д.» (КУБРЯКОВА 2000а: 366).

При динамическом подходе в фокусе анализа оказывается *реальность* функционирования языковых средств как один из возможных способов и средств решения конкретных коммуникативных и когнитивных задач. Это те средства культурного кода как целостного явления, которые субъект познания и коммуникации использует в конкретных коммуникативных условиях, стремясь к достижению своих целей и реализации своей интенции. Это по понятным причинам всегда разнородный комплекс гетерогенных единиц с разной сущностью, подчиненный достижению одной определенной для данных условий *внеязыковой* цели. В этом контексте вполне правомерно провести аналогию с инструментарием при осуществлении некоторой деятельности. В таком случае исследователь имеет дело с реализацией потенции, а сам подход резонно условно можно назвать «синтагматикой». Ср. дефиницию:

один из двух аспектов изучения <...> языка, анализ особых — синтагматических — отношений между знаками языка, возникающих между последовательно расположенными его единицами

⁵ Аналогом обсуждаемого явления можно считать понятие в физике «потенциальная энергия», противопоставленное понятию «кинетическая энергия» как потенция и ее реализация, зависящая от многих разнородных факторов.

при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте... (КУБРЯКОВА 2000б: 447).

Таким образом, ясно, что оба подхода неизбежно дополняют друг друга, и поэтому при анализе требуется четко и определенно осознавать, с чем исследователь имеет дело. Целесообразно различать понятия «парадигматика ↔ синтагматика», с одной стороны, и понятия «статический подход ↔ динамический подход», с другой стороны, поскольку в первом случае анализ концентрируется на изучении устройства языка и ассоциируется у большинства исследователей с системно-структурной парадигмой. Во втором случае анализ разнородных и разноуровневых языковых средств предполагает междисциплинарность⁶ и описание языковых средств как более или менее сложно организованных компонентов реального использования языка как средства познания и коммуникации, потому что изучается с той или иной степенью полноты деятельность человека, осуществляемая целенаправленно в определенных условиях определенными средствами и способами.

Исходные посылы и цель анализа

Изложенные выше соображения побуждают внести ясность в вопрос о необходимости последовательного разграничения статического и динамического подходов к изучению языковых средств и раскрыть объяснительную силу предпринимаемых аналитических шагов.

Прежде всего целесообразно повторить, насколько значимо для осуществляемого анализа четко осознавать характер эмпирического материала, который предполагается изучать на той или иной теоретической платформе. Эмпирический материал в самом общем виде условно можно разделить на две неравновеликие

⁶ Это понятно, поскольку использование языка как самостоятельная коммуникативная цель представляет собой маргинальное и крайне редкое явление. В подавляющем большинстве случаев язык, будучи культурным кодом и выступая средством познания и коммуникации, фиксирует гетерогенные, гетерохронные, гетеросубстратные сведения о мире, структурирует их, транслирует их в коммуникации, объективирует, активизирует и со-активизирует их, служит средством разнобразного воздействия на носителей языка и культуре и т. д.

группы:

(1) результат лингвистического анализа языковых средств, принадлежащих некоторому уровню системы и обладающих разной степенью структурной сложности. Эти языковые средства уже проанализированы кем-то с тех или иных позиций, что так или иначе зафиксировано известными лингвистическими способами, например, словарями разных типов. Это может быть также некий элемент функционирующего вербального континуума, изолированный по тем или иным основаниям от своего окружения, причем последнее может и не быть отрефлектировано самим исследователем и / или его последователями;

(2) комплекс разнородных средств как один из многочисленных изофункциональных способов решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи, которую носители языка и культуры решают в определенных условиях совместными усилиями. Актуальный для конкретного акта взаимодействия способ достижения своей цели они могут выбирать либо сознательно и целенаправленно, либо делать соответствующий выбор интуитивно, опираясь на свой коммуникативный опыт в соответствующей культурной среде.

В первом случае исследовательский фокус неизбежно будет концентрироваться на разнообразных *принципах организации языковой материи*, что, естественно, правомерно изучать разными приемами и под самыми разными углами зрения.

Во втором случае исследовательские процедуры в конечном счете будут направлены на осмысление мотивов выбора носителями языка и культуры одного из многочисленных изофункциональных способов взаимодействия в некоторых условиях между носителями языка и культуры с определенными характеристиками, а также на результат воздействия отобранных языковых средств на партнера по коммуникации, т. е. в конечном итоге на степень успешности осуществленного выбора средств реализации своих намерений. Выражаясь иначе, в фокусе такого анализа — выявление *принципов организации речемыслительной деятельности* с помощью языковых средств.

Очевидно, что в первом случае изучается, как устроен язык в качестве сложившегося в культуре способа *фиксации* гетерогенных,

гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире и их активации, а во втором — как он *используется* носителями культуры в качестве средства познания и коммуникации в реальной либо фикциональной и / или виртуальной действительности. В обозначенном контексте теоретический фундамент для анализа целесообразно лаконично сформулировать следующим образом (см. подробнее в [КУБЛЯКОВА 2004; КЛІХ 1984; ГРИШАЕВА 2020; 2022; 2023]).

1. Каждая интеракция представляет собой решение носителями языка и культуры совместными усилиями некоторой коммуникативной и когнитивной задачи. Для осуществления интеракции носители языка и культуры нуждаются в значительном объеме разнородных сведений: структурированные по разным основаниям знания о мире, интеракциональные знания, языковые знания. Все знания, декларативные (знания ЧТО) и процедуральные (знания КАК) по своей природе, фиксируются и транслируются средствами культурных кодов: вербальным (языком) и невербальными (оптика, акустика, одорика, густика, гаптика, проксемика, хронемика, жестика, мимика, кинесика и др.).

2. В конкретной интеракции востребованной оказывается только часть сведений, которыми располагает каждый носитель языка и культуры в силу своей инкультурации, т. е. первичной социализации в «свое» культурное пространство. Это те сведения, которые необходимы для решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи в конкретных коммуникативных условиях.

3. При решении одной и той же задачи могут в разных условиях реализовываться разные коммуникативные стратегии, т. е. в культуре имеется несколько способов достичь одну и ту же цель. Каждая коммуникативная стратегия тесно — и нередко причинно — связана с когнитивными и номинативными стратегиями. Для реализации последних в языковой культуре складывается набор средств объективации сведений о внеязыковой действительности, соотносимых с определенной номинативной задачей.

4. При решении соответствующей коммуникативной и когнитивной задачи используются средства культурных кодов — языка и невербальных кодов, с помощью которых воспринимаемые и передаваемые разнородные сведения о мире объективируются, активируются и со-активируются. Сведения, когнитивно и

коммуникативно релевантные в актуальных условиях, вербализуются различными механизмами вербализации: лексико-семантическими, словообразовательными, морфологическими, синтаксическими, текстограмматическими, формально-структурными.⁷ Можно упомянуть также и вторичные коды и / или вторичные семиотические системы (см. примеры ниже), элементы которых со-встречаются в разных комбинациях с элементами первичных культурных кодов, тем самым уплотняя информационный поток и обогащая когнитивную базу реципиента текстов, порождаемых в некоторых условиях с помощью языковых и иных средств, и варьируя способы организации интеракции и как следствие — содержательную, формальную, функциональную, интенциональную, тематическую структуру порождаемого текста того или иного типа.

5. Под влиянием многочисленных разнородных факторов, внешних и внутренних по отношению к осуществляемой интеракции и / или порождаемому тексту, меняется соотношение когнитивной фигуры и когнитивного фона в комплексе сведений, сообщаемых продуцентом в интеракции или тексте либо воспринимаемых реципиентом.

6. Результат категоризации и концептуализации воспринимаемых в интеракции и / или тексте сведений зависит от влияния того или иного фактора, внешнего и / или внутреннего по отношению к порождаемым высказываниям, и степени значимости вариативных параметров интеракции или условий, в которых порождается соответствующий текст.

7. Комплекс сведений, воспринимаемых в интеракции и / или тексте, может быть переконфигурирован под влиянием когнитивных, коммуникативных, психологических, социокультурных и других факторов, а также в зависимости от особенностей личностной идентичности субъектов познания и коммуникации и интерпретации ими ценностных ориентаций, актуальных в соответствующей языковой культуре.

⁷ К ним можно добавить или же распределить по уже названным группам орфографические, пунктуационные, логико-семантические, стилистические и иные средства.

8. Все средства, с помощью которых решается конкретная коммуникативная и когнитивная задача, правомерно интерпретировать как отобранные определенным субъектом познания и коммуникации из комплекса изофункциональных. Способы и средства реализации субъектом, обладающим личностной и коллективной идентичностью, некоторой коммуникативной стратегией, тесным образом связанной с синхронно реализуемыми номинативной и когнитивной стратегиями, соотносятся с характером коммуникативной и когнитивной задачи, что имеет отношение к знанию, разделяемому всеми носителями языка и культуры.

Следствием выбора субъектом некоторых средств и способов решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи становится то или иное структурирование актуального информационного потока. В результате реципиент в разных условиях нетождественным образом реагирует на средства культурных кодов, которые использует продуцент, решая соответствующую коммуникативную и когнитивную задачу.

Таким образом, очевидно, что решение коммуникативной и когнитивной задачи базируется на определенных гетерогенных свойствах языковых средств как элементов культурного кода. Это носители языка и культуры учитывают более или менее последовательно, либо осознавая данное обстоятельство как таковое, либо не рефлектируя над своим выбором средств и способов решения коммуникативных задач.

Поэтому *целью* предлагаемых рассуждений следует признать описание объяснительной силы статического и динамического подходов с акцентом на последний в силу свойств языка как культурного кода, как средства познания и коммуникации.

Парадоксальность использования языковых средств в коммуникации

Импульсом к размышлению послужило осознание нелинейности — а порой и очевидной противоречивости — соотношения потенциала того или иного языкового средства, с одной стороны, и особенностей реализации функционала соответствующего средства, с другой.

Отмеченная парадоксальность прослеживается при рассмотрении разнородного языкового материала под разными углами

зрения: анализ соотношения «конвенциональное ↔ креативное», «индивидуальное ↔ коллективное», «эксплицитное ↔ имплицитное», «объективируемое ↔ со-активируемое», «первичные средства ↔ вторичные средства», «полифункциональность ↔ монофункциональность», а также осмысление причин, условий реализации, факторов, обуславливающих реализацию функционала языковых средств, или принципов организации совокупности изофункциональных средств, сложившихся в языковой культуре для решения разнообразных коммуникативных и когнитивных задач.

Объединяет столь разные исследовательские задачи то, что во всех случаях исследователь имеет дело, по сути, с осмыслением *выбора* конкретным субъектом познания и коммуникации определенных средств и способов решения в тех или иных условиях некоторой коммуникативной и когнитивной задачи.

Сказанное можно проиллюстрировать рядом примеров. Так, одна и та же лексическая единица способна в разных условиях активировать разный комплекс сведений. Выражаясь иначе, речь идет о «входе» в разные ментальные структуры с помощью «одного» языкового средства:

- *Кремль* (средоточие власти в России) vs *кремль* (элемент городской архитектуры в российском культурном пространстве);
- *Красная площадь* (в Москве в качестве главной площади страны) vs *Красная площадь* (в Курске);
- *Москва* (столица России) vs *Москва* (город в США);
- *Париж* (столица Франции) vs *Париж* (селение в глубине России, основанное казаками после их возвращения из Парижа в начале XIX в.);
- *Светлана (Валерьевна)* vs *Светлана (Петровна)*;
- *Ольга — Лёля — Оля — Оленька* (имена одной особы женского пола);
- *Россия — Российская Федерация — Русь* (названия одной страны в разные эпохи ее существования);
- *Англия* (Великобритания) — *Англия* (Англия);
- самая длинная река в Европе (в качестве первичной реакции, без особого размышления, для западноевропейцев и для граждан России);

- самая высокая гора в Европе (в качестве первичной реакции, без особого размышления, для западноевропейцев и для граждан России);

- самое глубокое озеро в России (для носителей русского языка разных возрастных категорий).

Интересно сопоставить приведенные выше примеры с другими, которые показывают наличие разных «входов» в одну ментальную структуру с помощью разных языковых средств как в пределах одной языковой культуры, так и в разных культурных пространствах, т. е. один внеязыковой объект — разные номинации в разных языках:

- *Джомолунгма* — *Эверест*;
- *Балтийское море* — *die Ostsee* (дословно: *Восточное море*);
- *Ла Манш* — *Английский канал*;
- *Бискайский залив* — *Кантабрийское море*;
- *Гудзон* (человек или же река) — *миссис Хадсон* (персонаж рассказов Конан Дойля);

- *Черное море* — *Русское море*;

- *Покровский собор* — *собор Василия Блаженного*;

- *Germany* — *Deutschland* — *l'Allemagne* — *Германия* — *Немеччина*.

Очевидно, что комплекс разнородных признаков об одном и том же объекте действительности конфигурируется по-разному, и сама конфигурация подводится под разные ментальные категории по разным основаниям — разным признакам: первичному в языковой культуре, вторичному в том же культурном пространстве или даже конвенционально несалиентному, но ставшему когнитивно и коммуникативно значимым «здесь и сейчас».

Языковые средства могут объективировать также результат изменения конфигурации признаков, по которым носители языка и культуры категоризируют и концептуализируют воспринимаемые сведения, а также тип ментальной структуры, под которую подводится соответствующая конфигурация признаков воспринимаемого объекта. Так, существительное как обозначение объекта внеязыковой — реальной и / или виртуальной либо фикциональной действительности способно делать это в силу своих грамматических особенностей как элемента части речи с соответствующими когнитивными признаками: *Tisch* — *der Tisch*, *ein Tisch*; *das Leben* —

die Alte — *das Ist* (ср.: *ist*) — *das Sein* — *das Dasein* — *der Verstand* ← *verstehen* (ср.: *die Intelligenz* ≠ *интеллигенция*). Аналогичным образом дело обстоит и по отношению к обозначениям действия / действий, когда одна ментальная структура «обогащается» дополнительными когнитивно релевантными признаками, позволяя подводить некий комплекс сведений под разные категории (действие + «кое-что еще»): *продавать* — *продает* — *продал* — *продажа* — *продающий* — *продавший* — *продавая* — *продающийся* — *продажный*.

Частично объяснить данное обстоятельство, а именно вариативность признаков и их конфигурации в разных ситуациях восприятия и взаимодействия носителей языка и культуры, можно существенными различиями между перцепцией и социальной перцепцией. В коммуникации, строго говоря, все объекты перцепции становятся объектами социальной перцепции, поскольку при решении носителями языка и культуры коммуникативных и когнитивных задач востребованными для них оказываются по понятным причинам *социально* релевантные характеристики и объектов, и тем более субъектов.

Кроме того, и сами участники взаимодействия, будучи субъектами социокультурного взаимодействия, являются носителями личностной и коллективной идентичности, а также разделяют картину мира, актуальную для соответствующего социокультурного пространства, т. е. обладают знаниями, разделяемыми всеми носителями культуры, интерпретируют воспринимаемые сведения с опорой на принятые в этой культуре нормы ожидания.

Значимость вариативности выбора при решении коммуникативных задач

Приведенные выше примеры позволяют убедиться в высокой вариативности средств и способов решения коммуникативных и когнитивных задач, с одной стороны, и наличием конвенциональных средств и способов, соотносящихся с соответствующими условиями, с другой. Данное обстоятельство следует интерпретировать как очевидное преимущество: имеются первичные и вторичные обозначения, когда одновременно со-активируются самые разные признаки о воспринимаемом объекте, например, в немецком языке обозначения возраста+ (*Kind, Junge, Rent-*

ner), профессий+ (*Lehrer, Lehrkraft, Schlosser*), занятий+ (*Hobby, Marelerei, Beschäftigung, Studium, Aktion, Aktivität, Event, Ritual, Hilfe* и т. д.), в том числе и отглагольными существительными (*verstehen — Verstand, Verständnis, Verständigung, Verstehen, Putinversteher* и т. д.); причастиями (*verstehend, verstanden*), а также прилагательными (*verständnisvoll, hilfreich*), наречиями (*aktiv*), так или иначе характеризующими либо отдельные виды деятельности и / или операции по их реализации, либо особенности человека, выполняющего соответствующие действия в конкретных условиях.

Показанную выше вариативность номинаций одного и того же элемента действительности (реальной, виртуальной, фикциональной) правомерно расценить и как преимущество, и как фактор риска. Причиной двойственности интерпретации является то, что соответствующие обозначения способны в разных коммуникативных и когнитивных контекстах как увеличивать степень неопределенности при рецепции сообщаемых сведений, так и снимать ее (см. Схему 1), способствуя и / или препятствуя включению того или иного комплекса сведений о воспринимаемом объекте в определенную ментальную категорию.

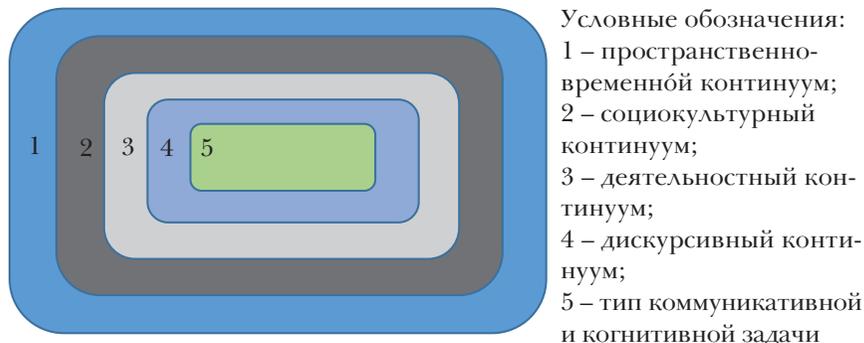

Схема 1. Снятие неопределенности в комплексе разнородных сведений в интеракции

Например:

— *Nacht, Frühling vs heute / morgen / gestern vs am 24. April 2024* (фазы временного континуума);

— *Frau Studentin* (в Средние века — любовница студента) vs *Studentin* (середина XX в.: обучающаяся особа женского пола) vs *Studierende* (эпоха феминитивов: гендерно нейтральное обозначение);

— *Kind* — *Kindheit*, *ein sonniger Apriltag*, *Er benimmt sich kindisch* (специфическая для человека манера действовать);

— *Kindergarten* (эпоха ГДР) — *Kita* (= *Kindertagesstätte*) (время после объединения Германии);

— *Team* (вместо *Kollektiv* — после объединения Германии);

— *Arbeiter-und-Bauern-Staat* (до объединения Германии) — *Ex-DDR vs fünf neue Bundesländer* (тот же политический субъект в разные периоды для одной страны);

— *Zwetschge* — *Pflaume*, *Paradeiser* — *Tomate* (одни и те же объекты в разных частях немецкоязычного культурного пространства);

— *Hutblümchen* (старушка-божий одуванчик).

Насколько важным оказывается снятие неопределенности при интерпретации сведений о пространственно-временном континууме, можно убедиться на следующем примере, в котором выделены ахронические номинации, призванные провести аналогии между разными эпохами, отстоящими друг от друга на значительной временной дистанции:

Das erste Kapitel versucht, unseren Ur-Ur-Ur-Ur-Ur-Großvater ausfindig zu machen, der irgendwo in den germanischen Wäldern leben muß. Ferner macht es Sie bekannt mit dem ersten “*Eisernen Vorhang*”, mit dem Abzug der *Alliierten* und mit dem *Polterabend* der deutschen Geschichte (FERNAU 1976: 5).

Одним из объяснений разных результатов категоризации сведений о том или ином элементе действительности в различных коммуникативных и когнитивных контекстах может стать то обстоятельство, что комплекс объективируемых, активизируемых и со-активизируемых сведений об одном и том же воспринимаемом объекте профилируется под влиянием отдельных факторов по-разному, при разном соотношении когнитивной фигуры и когнитивного фона, например:

- *воскресенье*
- *выходной*
- *конец недели*
- *день выборов*
- *выборы президента*
- *17 марта 2024 года*
- *прощеное воскресенье*
- *последний день масленицы*
- *день рождения моей подруги*
- *последний срок для отправки тезисов*
- *день памяти бабушки*
- ...

В результате конфигурация признаков, первичных, вторичных или несалиентных при конвенциональной в конкретной языковой культуре категоризации и концептуализации, оказывается разной и, как следствие, активизируются и со-активируются различные сведения, ср. комплекс сведений о пространственно-временном континууме при его обозначении разными языковыми средствами: *Zeit — Ort — Berg — Feminismus — Sklavengesellschaft — Burschenschaft — Landschaft — Epoche — Landpomeranze — der Mercedes — die Wolga — Ludwig der Springer* (исторический персонаж, построивший, по легенде, замок Вартбург) — *Trabi* (автомобиль производства ГДР «Трабант») — *Arbeiter-und-Bauern-Volvo* (LANGE 2000) — *Russe de luxe* (гражданин ГДР) (*ibid.*) — *Paragraphenhengst* (чиновник). Разным является результат концептуализации и при обозначении разных объектов внеязыковой действительности «одним» лексическим средством с разными грамматическими характеристиками: **das** **Bismarck* (название отеля) – **der** **Bismarck* (название автомобиля) – **die** **Bismarck* (название корабля) – **Ø** *Bismarck* (имя человека).

Любопытно проследить количественный и качественный состав сведений о некотором объекте внеязыковой действительности, выполняющем идентичную или аналогичную функцию, но имеющем и в одной языковой культуре, и в разных языковых культурах различные номинации: *римский император — византийский император — российский император — германский император vs кайзер — царь — кесарь — султан — хан — правитель — предводитель — президент — премьер-министр — верховный — вожак* и т. д.

Приведенные примеры убедительно демонстрируют, с одной стороны, возможность различного конфигурирования комплекса разнородных сведений об одном и том же элементе действительности, т. е. о существовании в языковой культуре разных когнитивных стратегий, согласно которым сведения селективируются, концептуализируются, перспективируются и профилируются. С другой стороны, наряду с когнитивными стратегиями имеются разные номинативные стратегии, устойчиво и причинно коррелирующие с когнитивными.

Ср., например, первичные и вторичные номинативные средства. Вторичные номинации — независимо от их лингвистически

релевантных характеристик — активируют и со-активируют серьезный пласт разнородных сведений, благодаря которым номинируемый объект получает дополнительные характеристики разнотипной этиологии, что существенно меняет структуру отношений между когнитивно релевантными признаками в комплексе, образующем ментальную структуру понятия, по которым идентифицируется воспринимаемый объект. Вместе с тем по выбору номинации можно судить как о том, под какую ментальную категорию подводится конфигурация признаков воспринимаемого объекта, так и о том, для чего это — предположительно — делается. Выражаясь другими словами, по номинативным стратегиям правомерно делать умозаключения относительно когнитивных и коммуникативных стратегий, реализуемых продуцентом, например:

— *Barbarossa* — прозвище, закрепленное за конкретным лицом, и план вермахта, названный аналогично;

— *der Canossa-Weg* — ситуация, отражающая взаимоотношения между императором Священном Римской империи и Римским Папой в определенное время и дальнейшее использование этого выражения в качестве фразеологизма: соотносительность номинации с данной задачей → перенос обозначения на аналогичные ситуации → использование аналогичных номинаций в качестве концептуальной метафоры;

— *der Eiserne Kanzler* — прозвище немецкого канцлера Бисмарка; ср. аналог: *железная леди*;

— *Toga* как одежда в Древнем Риме для человека конкретного статуса (ср. *килт*);

— *Antike*, *оттепель*, *перестройка* — определенная историческая эпоха;

— *Sklave*, *средний класс*, *элита*, *лом* (= лидеры общественного мнения) — определенное социальное положение;

— *Dreifarbentisch* (LANGE 2000) (дефицитное в ГДР кушанье из рыбы (угря)), *укра заморская*, *баклажанная* (цитата из фильма Л. Гайдая) — как маркеры определенной эпохи;

— *Bonzenschleuder* (ibid.) — транспортное средство для власть имущих в ГДР (ср. в русской языковой культуре аналогичную номинацию *членовоз*);

— *die Lila Kuh, der Sudel-Ede* (ibid.) — прозвища конкретных функционеров из ГДР;

— *Tal der Ahnungslosen* (ibid.) — название жителей Дрездена во времена ГДР.

За подобными приведенными средствами стоит логическая операция характеристики, модифицирующая соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры и по-разному профилирующая комплекс признаков, значимых когнитивно и коммуникативно в конкретной интеракции и / или конкретном текстовом пространстве.

Насколько важно учитывать отмеченные параметры, можно понять из сопоставления первичного и вторичного номинативного средства к одному и тому же объекту внеязыковой действительности; ср.:

— *Иван-дурак* (носитель русской культуры с определенной характеристикой интеллектуальных способностей) vs *Иван — дурак* (включение носителя русской культуры в определенный класс субъектов с конкретными признаками);

— *Tante-Emma-Laden* (любой старый магазинчик с устаревшими технологиями купли-продажи в любом месте Германии, которым владеет пожилая женщина) vs *ein (ver)alte(te)s Geschäft*;

— *Otto Normalverbraucher* (любой среднестатистический потребитель в экономическом дискурсе) vs *der Iwan* (типичный русский) или *John Dow* (в американской культуре неизвестный или засекреченный человек);

— *der deutsche Michel* vs *John Bull* (типичный представитель соответственно немецкой или английской культур).

В сказанном можно убедиться и на примере выдержки из яркого, остроумного, глубокого и саркастического публицистического текста об истории Германии, пронизанного трогательной любовью к своей стране. В примере выделены окказиональные средства, особый функционал которых становится более выпуклым на фоне конвенционально употребленных средств и при сопоставлении с узуальными средствами:

Es beginnt nun der glanzvollste Teil der alten deutschen Geschichte. Er währte 300 Jahre. Alle, die etwas von Geschichte verstehen und Geschichte lieben, zehren heute noch von jener Zeit. Sie war die „große“.

Ja, es ist wahr, sie war groß. Aber die wenigsten sehen, dass von dieser „großen“ Zeit außer den Erinnerungen keine staatspolitischen Auswirkungen, nichts, aber auch nicht das geringste auf unsere heutige Zeit überkommen ist. Die 300 Jahre, die damals mit Heinrich I. begannen, waren die schönsten — und vergeblichsten. Die sinnvollsten (damals) und die sinnlosesten (heute). Sie sind die *allertotesten*. Und die *allergefährlichsten* für unsere Träume (FERNAU 1976: 22).

Корреляция когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий при взаимодействии носителей языка и культуры

Проанализированные примеры использования языка в качестве средства познания и коммуникации убедительно свидетельствуют о тесной взаимозависимости когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий при достижении носителями языка и культуры своих целей. Это вполне закономерно, поскольку когнитивные стратегии нацелены на категоризацию воспринимаемых сведений, что, очевидно, благоприятствует структурированию актуальных для коммуникации «здесь и сейчас» когнитивно релевантных сведений, а также обеспечивает варьирование конфигурации признаков в пределах одной ментальной структуры комплекса объективированных, активированных и со-активированных сведений.

Номинативные стратегии являются следствием выбора одного средства из комплекса изофункциональных (вербальных + невербальных) для объективации в конкретном акте взаимодействия сведений о некотором элементе внеязыковой действительности (объекте, субъекте, отношении, признаке, характеристике, процессе, фазе процесса, состоянии, действии, ситуации и пр.). Опираясь на лингвистически объективируемые и выявляемые известными лингвистическими процедурами характеристики номинативных средств правомерно разграничивать разные их типы, например, стратегию прямой идентификации, стратегию косвенной идентификации, стратегию аксиологической идентификации, дескриптивную стратегию, стратегию сущения негативных смыслов, контroversные стратегии и пр. Следствием этого становится различное структурирование актуального для

коммуникантов информационного потока, вариативное распределение последнего на коммуникативно и когнитивно релевантное знание и информационный шум, определение соотношения «известное — неизвестное», «важное — несущественное» и пр.

Коммуникативные стратегии представляют собой, по сути, выбор из совокупности нескольких возможных в конкретных условиях способов решения коммуникативной задачи, который коммуниканты оценивают — по зрелому размышлению или интуитивно, сознательно или спонтанно, рационально или эмоционально — как обещающий и / или гарантирующий им максимально продуктивный исход взаимодействия.

Ориентацию когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий на когнитивную и коммуникативную задачу можно проиллюстрировать на примере высмеивания и вместе с тем сообщения своим читателям значимой информации, не всегда доступной большинству:

• <...> *Полину устранили как ставшую нежелательной уже для самого нежелательного <...>* (Lenta.ru);

• <...> *вспыл в деле Эпштейна как потребитель несовершеннолетних <...>* (ibid.);

• <...> *гражданин, который обучен шить варежки <...>* (ibid.).

Важно, однако, при анализе корреляции когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий учитывать то обстоятельство, что комплекс сведений, объективируемых одним и тем же номинативным средством, не тождествен в разных условиях, например, *писать*. Ср. комплекс сведений относительно понятия «писать» в разных условиях: *писать на папирусе — на пергаменте — на бумаге — на фраморе — на дереве* и пр., поскольку различны субъекты и их характеристики по всем значимым для этого аспектам, не совпадают параметры пространственно-временного континуума, различны инструменты и их функционал, различно соотношение содержания и формы написанного, не совпадает направление начертания знаков, разной является обстановка при порождении письменного продукта, различны конфигурации линий и черт в письменных знаках, различен набор письменных знаков, не идентичны принципы сочленения формы и содержания в знаках и т. д.).

Выводы

Обобщая результаты анализа использования языка как средства познания и коммуникации, функционирующего в самых разных средах — устной, письменной, компьютерно-опосредованной коммуникации — следует выделить, с одной стороны, необходимость сознательного четкого и последовательного разграничения двух подходов к анализу эмпирического материала (статического и динамического) и, с другой стороны, настоятельную потребность в гармоничном сочетании статического и динамического при анализе языкового материала вне зависимости от его лингвистически значимых характеристик.

Разнородные языковые средства как элементы и первичного, и вторичного культурных кодов используются для решения разнообразных коммуникативных и когнитивных задач. Решение любой коммуникативной и когнитивной задачи базируется на определенных гетерогенных свойствах языковых средств как элементов культурного кода, а также на умении носителей культуры пользоваться языком как средством познания и коммуникации.

В языковой культуре складываются многочисленные и высоко вариативные способы решения каждой коммуникативной и когнитивной задачи. Некоторые из таких способов оказываются для носителей языка и культуры наиболее приемлемыми и наиболее востребованными в определенных ситуациях. Некоторые из такого рода способов имеют ярко выраженную соотнесенность либо с типом задачи, решаемой с помощью языковых средств, либо с типом ситуации общения, либо с теми или иными особенностями субъектов познания и коммуникации, либо с типом коммуникативной стратегии. Это знание имеет комплексный характер, в этом комплексе наличествует и знание о мире, и интеракционное, и языковое знание, и знание о содержательной, формальной, функциональной, тематической организации текстов различного типа. Такое знание, бесспорно, относится к знанию, разделяемому всеми носителями языковой культуры и входит в ядерную часть ментальной структуры и личностной, и коллективной идентичности как единичных субъектов, так и коллективной идентичности коллективных субъектов.

Сделанные умозаключения основываются на том объективном фундаменте, что *не все* сведения, которые носители языка и культуры воспринимают при взаимодействии и / или которыми они располагают как картиной мира, объективируются в коммуникации средствами первичных и / или вторичных культурных кодов. Значительное количество сведений, необходимых для достижения некоторой цели, активируется и со-активируется при восприятии средств объективации тех или иных сведений, когнитивно и коммуникативно релевантных в актуальных условиях.

Собственно, благодаря этому и возможны категоризация и концептуализация воспринимаемых сведений, а также выбор способов и средств реализации конкретной коммуникативной стратегии, тесно связанной с соответствующими номинативной и когнитивной стратегиями.

В языковой культуре корреляции коммуникативных, номинативных и когнитивных стратегий не являются линейными и / или жесткими, раз и навсегда заданными. Высокая вариативность подобных корреляций позволяет менять соотношение когнитивной фигуры и когнитивного фона в объективируемом комплексе сведений. Благодаря этому возникает возможность переконфигурирования воспринимаемого комплекса сведений и тем самым различное структурирование актуального информационного потока. Последнее подпадает под влияние многочисленных факторов, внешних и внутренних по отношению к порождаемому тексту, факторов объективных и субъективных, связанных с особенностями личностной и / или коллективной идентичности носителей языка и культуры.

© Л. И. Гришаева

4. «ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ШРИФТОВ» В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Характеризуя в исторической перспективе так называемый «язык национал-социализма», один из крупнейших современных исследователей истории немецкого языка П. фон Поленц (1928—2011) справедливо отмечал его первичную близость к «языку рекламы» («Werbesprache»). Очевидна также вторичность и эклектичность его агрессивной стилистической прагматики «одурманивания» («Betäubung») массового сознания (POLENZ 1978: 164, 173).

В связи с этим актуальность приобретает рассмотрение особенностей элементов креолизации, в частности, идеологических стратегий графического (шрифтового) оформления текстов в дискурсах Третьего рейха — установка на их «правильную графику». Впрочем, в фундаментальных исследованиях «языка Третьей империи», например, у В. Клемперера (1881—1960), документировавшего «официальный язык» нацистской Германии как главное орудие манипулирования, основное внимание было обращено на лексическо-семантические средства (КЛЕМПЕРЕР 1998).

Шрифты и их комбинаторика — одно из основных и традиционных средств первичной, «технической» креолизации текста. Креолизованный текст и его «образ» являются важным средством речевого воздействия во многих дискурсах, в частности в институциональном по своей природе идеологическом дискурсе, создавая коммуникативное «напряжение (ожидание)». Если вербально представленная информация влияет на сознание реципиента рациональным путем, то использование паралингвистических средств, например, графики, переводит его восприятие на подсознательный уровень, вызывая у адресата изначально несколько большее «доверие». Креализованный текст реализует один из способов манипуляции сознанием его реципиента / получателя (КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ 2017: 4-12).

Уникальным аспектом новейшей истории немецкого литературного языка является траектория генезиса его графики (графемики), в частности, политизированный «спор шрифтов: антиква vs готика» («Schriftenstreit / Antiqua-Fraktur-Streit»). Это затронуло еще с XVI в. как активно развивавшуюся печатную, так и более

длительную рукописную традиции, оформление которых не было синхронным. Исторически латинский алфавит и округлый шрифт (антиква) как первооснова немецкой письменности комбинировались функционально противоречиво, длительно соседствуя в ситуации диглифии (*Zweischriftigkeit*) с усложненным средневековым остроконечным готическим письмом — фрактурой (*Fraktur*).

Это «противостояние» особенно обозначилось в языковой политике «онемечивания» («*Eindeutschung*») в Германской империи в начале XX в., явившись своеобразным косвенным отголоском национальной орфографической реформы К. Дудена (Филичева 1992: 164). Консервативное сохранение архаичной немецкой готической графики в печати и на письме стало проявлением своеобразного иррационального имперского «квази-пуризма», хотя традиционным оставалось оформление иноязычных изданий или цитат в немецком тексте антиквой.

По заказу прусского министерства культуры знаменитый художник-график Л. Зюттерлин (1865—1917) создал в 1911 г. модернизированный немецкий рукописный шрифт (*Sütterlinschrift*) с адаптированными («облегченными») элементами фрактуры. Этот почерк компромиссно и упрощенно по форме постепенно заменял сложные старо-рукописные готические шрифты, сложившиеся еще в XVI в. Шрифт Зюттерлина, создавшего также эскиз нового императорского герба и товарные знаки ряда известнейших немецких фирм, получил его имя и был введен в 1915 году в Пруссии — крупнейшем территориально-государственном субъекте Германской империи. Тем не менее опережающий переход / перевод с фрактуры на антикву в перспективе отличал немецкую не рукописную, а печатную традицию.

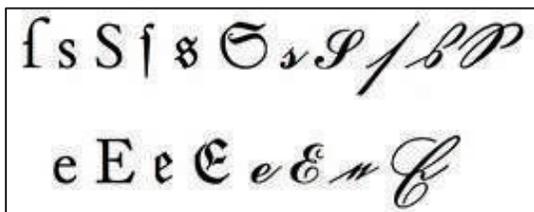

Рис 1. Образцы печатной / рукописной антиквы, фрактуры (готики) и «зюттерлина»: глифы *s* — *e*

Приобретая национально-культурный статус как «Deutsche Volksschrift» в Веймарской республике, этот стандарт на протяжении 1920-х гг. завоевал общественное признание, заменив через переходный формат сложные готические курсивы (Kurrentschrift, так называемый старонемецкий почерк) в школах и в делопроизводстве, отчасти приблизив их к антикве. В ситуации демократизации образования и науки в этот период в Германии сохранялась определенная «шрифтовая диглоссия». Под международным влиянием антиква в разных вариациях сохранялась на письме и в печати, но спорадически / факультативно изучалась и старонемецкая графика.

Языковая политика германского национал-социализма с его приходом к власти в 1933 г. не была разработанной «программой языкового изменения», имея эклектично-провокативный характер. Известна, например, приверженность нацистов к семиотической эзотерике, внеалфавитной символике и к псевдо-рунам. Нацистский режим отличался двойственным отношением и к готическому шрифту из-за идейно-политического диссонанса в языковой политике. Первоначально его объявили «истинным» немецким народным шрифтом, «признаком преданности нации», ее самоидентификации, противопоставив антикве как шрифту инонемецкой, инородной культуры, в частности, романо-язычных стран.

Но установка менялась в связи со стадийным развитием нацистской идеологии. В частности, так называемый «период борьбы за власть» 1919—1933 гг. стал «этапом утверждения» «Deutsche Volksschrift». Но 1934—1939 гг. — период консолидации режима был отмечен компромиссами и избирательной «графической терпимостью»: дистанцирование от имперского наследия, антисемитизм, внутренний «Kulturkampf» (идеологема, частично заимствованная еще из эпохи утверждения Германской империи) и др. Даже такая важнейшая идеологема как наименование провозглашенной в 1934 г. Гитлером «Третьей империи / Третьего рейха» («Drittes Reich») в 1939 г. была выведена из обращения в связи с нежелательными отсылками к монархическому прошлому в пользу прежнего «нейтрального» «Deutsches Reich».

В Германии 1930-х гг. фрактура стала визуальным элементом нацистской пропаганды, «олицетворением» основательности, серьезности и глубины в противовес распространенной в Европе антикве как свидетельству поверхностности чуждых «немецкому духу» культур и цивилизаций (ХАРЬКОВА 2008: 73-75). Так, на обложке массовых переизданий 1930-х гг. программного сочинения-манифеста Гитлера *Mein Kampf* (1925—1926 гг.) использовался нарисованный вручную красный фрактурный шрифт, отличавшийся высокой декоративностью (иконичностью). В официальных нацистских документах, на рекламных плакатах / вывесках, бланках, указателях, штампах, печатях он использовался показательно, особо выделяясь при наборе сегментов текстов петитом. Это вписывалось в традицию сохранения печатной готики в некоторых государствах Северной Европы и Прибалтики, в течение длительного времени находившихся под влиянием Германской империи.

Позиционирование печатной готики маркировало все основные идейно-политические сценарии нацистской диктатуры. Так, во время одной из первых пропагандистских массовых нацистских акций «книгосожжения» 1933 г., отмеченной доминантой антисемитизма, скрыто прозвучали тезис о «народности и чистоте немецкой графики» и лозунги типа:

Sprache und Schrifttum wurzeln im Volke. Das deutsche Volk trägt die Verantwortung dafür, daß seine Sprache und sein Schrifttum reiner und unverfälschter Ausdruck seines Volkstums sind. Deutsche Schrift steht nur Deutschen zur Verfügung. Schärfstes Einschreiten gegen den Mißbrauch der deutschen Schrift!

Во время последующей серии акций «книгосожжений» по всей Германии прозвучали призывы к твердой защите «немецкого письма».

Отметим, что в лексическом узусе национал-социализма понятие «Schrifttum» имело расширительное идеологизированное толкование: «литература, словесность, писательство и издательское дело (как выражение характера нации и ее миссии)». Это отразилось в наименовании Reichsschrifttumskammer, проводившей под эгидой министерства народного просвещения и пропаганды, руководимого Й. Геббельсом, репрессивную программу

«санации и унитаризации» («Gleichhaltung; Freihaltung des Schrifttums von ungeeigneten und unzuverlässigen Elementen») и по ментальному «онемечиванию национал-социалистической словесности» (SCHRIFTTUM 2007: 561-562).

Волна нацистской «моды на фрактуру» пришлось на 1934 год, отмеченный знаковой для Германии акцией подготовки возвращения находившейся под управлением Лиги наций отторгнутой Саарской области. Например, бесплатная выставка «Die Schrift der Deutschen» в центре Берлина зимой 1933—1934 гг. открыла череду аналогичных пропагандистских перформансов, продолжавшуюся до 1940 г. В 1934—1938 гг. успешно работала и серия передвижных патриотических выставок под вывеской «Письмо немцев», название которых стало слоганом.

Ретрансляцию этого слогана с 1934 г. также обеспечивали широкомасштабные «Недели немецкой книги». В итоге фрактура становилась некоей новой идейной иконографикой национал-социализма под общим лозунгом его «активных новаций» и отказа от «старого» штрифта (ср. *antiqua* от лат. 'старый, старинный, прежний'), что, впрочем, изначально выглядело преувеличенным и алогичным.

Рис. 2. Плакаты выставок «Письмо немцев»

Нацистская пропаганда поддерживала и креативные варианты формы фразатуры как графическую символику «сущности немецкого народа» («Wesensart des Deutschen Volkes»). Примечательно, что в 1934 г. художник-график Карл Майер разработал фразатурный шрифт с символическим названием «Танненберг» согласно тезису: «Fest und geschlossen, klar und kraftvoll stehen die Worte aus der — fetten Tannenbergs — da: ein überzeugender Ausdruck neuen deutschen Willens». Название ассоциировалось с битвой при Танненберге (август 1914 г.) в Восточной Пруссии, в которой германские войска нанесли весомое поражение русской армии, и с одноименным патриотическим мемориалом. Здесь в 1934 г. был торжественно захоронен передавший свои полномочия как единоличному правителю — Гитлеру рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург (1847—1934), что подчеркивало его роль в победе в том сражении как командующего восточным фронтом.

Рис. 3. Образец и слоган шрифта «Танненберг» (1934 г.)

В том же 1934 г. по распоряжению рейхсминистра по науке, воспитанию и народному образованию Б. Руста готический шрифт был узаконен как обязательный в печати, хотя даже в своих пропагандистских публикациях национал-социалисты использовали как готику (также с упрощенными вариациями), так и антикву. Такие важные события в этаблировании Третьего рейха как основание вермахта (1935 г.) и возвращение Рейнской области (1936 г.) маркировались с использованием фразатуры в посвященных этим акциям слоганах и публикациях. В качестве акта антисемитской стигматизации Геббельс в 1937 г. даже запретил «еврейским издательствам» использовать фразатуру в своей печати. Но в целом доля фразатуры в типографской продукции Германии в 1930-е гг. достигала примерно 50%, несколько преобладавая в прессе.

Впрочем, машинописные тексты в Третьем рейхе в основном выполнялись антиквой. Очевидно, что производство печатных машинок ориентировалось на интернациональный рынок, хотя многие крупные фирмы («Adler», «Orga privat», «Continental» и др.) пытались выпускать модели с фразатурой. Но технически сложная реализация готики (непропорциональность шрифта, как следствие — трудности чтения текста), демонстративные замены шрифтов на печатных машинках, чего требовал, например, радикальный издательский «Fraktur-Bund» («Союз за фразатуру»), не состоялись.

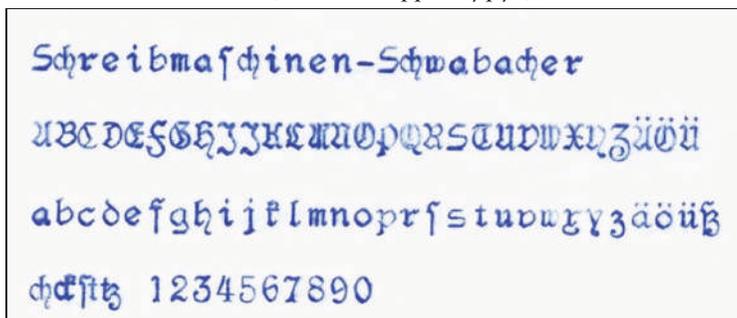

Рис. 4. Образец готического машинописного шрифта

Отметим, что позиция высшего нацистского руководства в «противостоянии шрифтов» не была единой. Так, в речи на партийном заседании по вопросам культуры Гитлер уже осенью 1934 г. озвучил свою ироническую оценку «графического» вопроса как «ухода в себя в готике» в виде надуманного некоторыми соратниками романтического ретроградства (ХАРЬКОВА 2008: 73). Однако, за доминирование «исконно немецкой графики» продолжал выступать министр внутренних дел, видный нацистский политик и идеолог В. Фрик. Он потребовал замены печатных машинок в своем ведомстве на аппараты с готическим шрифтом.

Конец 1930-х гг. отмечен в идеологическом дискурсе Третьего рейха семиотическим маркированием фразатуры в сценариях территориально-политической экспансии в соседние немецкоязычные государства и регионы. Так, символично оформление фразатурой агитационной брошюры о «народном единстве» и бланка состоявшегося после ввода контингента вермахта квази-референдума двух стран о присоединении весной 1938 г. Австрии

— «родины фюрера», обозначенного как «(повторное) воссоединение» («Wiedervereinigung») с Германским рейхом. Страна объявлялась «старейшей восточной маркой немецкого народа» («die älteste Ostmark des deutschen Volkes»), закреплялось название преобразованной в имперский округ Австрии как «Восточной марки» («Ostmark»). После «аншлюса соплеменников» территория Германии увеличилась на 17%, население на 10% (на 6,7 млн), а в состав вермахта включились 6 сформированных в Австрии дивизий.

Последующая и уже открыто агрессивная внешняя экспансия Третьего рейха в отношении Судетской области Чехословакии осенью 1938 г. под предлогом защиты этнических немцев (переселенцы с XIII в.) на «старой родине» и превращение ее в «Имперский округ Судеты» («Reichsgau Sudetenland») со столицей в Райхенберге (переименованный бывший чешский Либерец) также настойчиво «орнаментировались» фактурой в пропагандистской печати, на плакатах, почтовых знаках.

Ноябрьская 1938 г. масштабнейшая антисемитская погромная акция в Германии и в присоединенных Австрии и Судетской области — «Кристалльная ночь» («Reichs-Kristallnacht») была отмечена использованием агрессивных листовок, лозунгов и баннеров отрядов штурмовиков СА как ее ведущей силы, также подчеркнута выполненными готическим шрифтом, что нацисты активно практиковали в своих расистских сценариях уже с начала 1930-х гг.

Рис. 5. Бланк и брошюра плебисцита по «присоединению» Австрии 1938 г.

Рис. 6. Аннексия Судет: почтовая открытка и марка (1938 г.)

Упомянутый рукописный «национальный шрифт» первоначально в рассматриваемый период успешно реализовался в Третьем рейхе. Так, в 1935 г. «зюттерлин» с вариациями официально стал единственным нормативным немецким почерком для школ. Этот курсивный формат широко использовался и печатно-визуально на протяжении 30-е гг. прошлого века, особенно в надписях на зданиях, в рекламе, на открытках и т. п.

1939—1941 гг. стали периодом активной территориально-политической экспансии нацистской Германии в реализации ее курса на завоевание мирового господства и связанное с этим максимальное расширение территории рейха. Нацистское руководство идеологически обосновывало это целью обретения «жизненного пространства» («Lebensraum») для этнических немцев. Языковая политика нацизма трансформировалась на этапе начала военной экспансии с провозглашением «Великогерманской империи» («Großdeutsches Reich»), с проявлением так называемого внешнего «Kulturkampf», новой школьной реформой, установкой на германизацию захваченных территорий, бесславно завершившись стагнацией и катастрофическим «падением» 1942—1945 гг.

С началом и в ходе Второй мировой войны, агрессии Германии против соседних государств ситуация в «споре антиквы и фразтуры» резко изменилась и появилась новая установка на «Deutsche Normal-Schrift». Неожиданно в начале 1941 г. использование фразтуры в печати и на письме было запрещено закрытым распоряжением властей (партийно-канцелярская директива рейхсшлятера М. Бормана от имени фюрера), что технико-экономически было явно затратным. Это немотивированно связывалось

якобы с вредным влиянием на старую гарнитуру литер так называемого «еврейского письма» («Judenlettern» ‘еврейские шрифты’) через некое «сионистское проникновение» их в немецкое книгопечатание (ДУБИНИН 2023: 70). Контроль за исполнением директивы поручался рейхслайтеру по делам прессы и директору центрального издательства НСДАП М. Аманну (первоначально в отношении распространяемых за рубежом германских изданий). Предвестником «смены веков» стал выход с лета 1940 г. новой, но вскоре самой массовой еженедельной немецкой газеты «Рейх» под редакцией Геббельса, полностью набираемой антиквой.

Вероятно, появление нового лозунга «Antiqua als Normal-Schrift!» («Антиква — нормативная графика») и квази-запрет готики были связаны с тем, что трудно читаемая фрактуря якобы осложняла пропаганду в «восточных землях рейха». Жители оккупированных территорий, «вольнонаемные» и массово ввозимые для принудительного труда иностранные рабочие, эксплуатируемые заключенные-западноевропейцы не могли читать тексты с фрактурой в отличие от антиквы. Впрочем, это не согласовывалось с упомянутой традицией сохранения печатной готики в ряде стран Европы, в частности в Скандинавии и Прибалтике, длительное время находившихся под влиянием кайзеровской Германии.

Возможно имело место и личное предубеждение Гитлера, установки на ускоренное решение «еврейского вопроса». Так, в 1940 г. он распорядился, в частности, также в связи с «конфликтом шрифтов» умерить прежние проявления «языкового пурризма» (POLENZ 1978: 162). Демонстративная реформа по внедрению «Normal-Schrift» включилась и в план по введению немецкого языка в завоеванных странах (SCHRIFTTUM 2007: 561). Это согласовывалось с тезисом Гитлера:

Через 100 лет наш язык станет языком всей Европы. При его изучении необычность букв не должна быть препятствием. Почему именно эти барочные завитки должны быть выражением немецкости? (ХАРЬКОВА 2008: 76).

Получила обоснование в связи с «освободительной войной против большевистского СССР» и новая идеологема нацистов о «защите Запада» («Verteidigung des Abendlandes») и переориента-

ции на «европейскость», что делало прежнюю дискриминацию антиквы более неуместной (POLENZ 1978: 162). Нацисты позиционировали себя уже как лидеры в этом «цивилизационном противостоянии»: использование как ключевого слова *das Abendland* вместо нейтрального *der Westen* маркировалось как признание восходящего к античности (*die Antike*) культурно-исторического единства европейских народов, нуждающегося именно в их защите.

В сентябре 1941 г. министерским распоряжением в школах рейха исключалось обучение письму по прежнему стандарту 1935 г. и использование шрифта Зюттерлина, где усматривались «нежелательные» теперь элементы фразктуры. Знакомство школьников с печатной фразктурой предполагало лишь навык чтения ранее уже изданных книг, а приоритетом объявлялось «латинское письмо» (т. е. антиква). Учебный стандарт «латинского письма» вступил в силу с 1942 г.

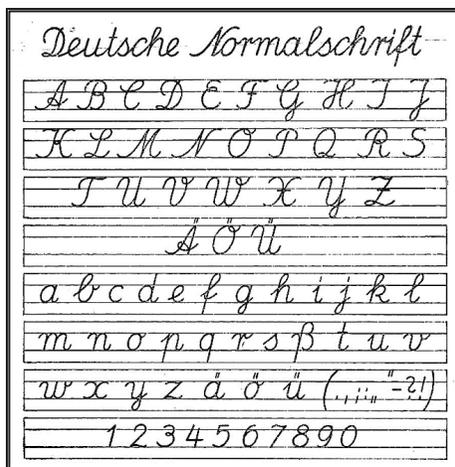

Рис. 7. Стандарт «немецкого нормативного письма» 1942 г.

Но многие немцы, изучавшие в школе родной язык по прежним стандартам — а это целое поколение, жившее в Третьем рейхе / Великогерманской империи — продолжали в 1940-е гг. использовать в быту на письме «зюттерлин». Печатная продукция (особенно деловая, рекламная, формулярная), а также наружная реклама (указатели, вывески и пр.) начала 1940-х гг. пестрили чересполосицей антиквы и остатков готики. Показательно, что такое смешение

в оформлении печатной продукции, например, для вермахта: словари-разговорники, пропагандистские брошюры, популярная / учебная «литература для ранца» («Tornister-Literatur») и т. п. с очевидностью снижали ее манипулятивный потенциал по формированию идейных само-установок для «армейца рейха» в декларируемой «победоносной войне на востоке» (Дубинин 2023: 72).

Таким образом, заидеологизированность и разновекторность языковой политики национал-социализма и, как следствие, алогичность и нецелесообразность эксцентричных «реформ графики» приводили к очевидной неэффективности использования графики как средства креолизации текстов. В результате дисконтинуальная нацистская имиджелогия в аспекте ее «графического дизайна» нередко оказывалась малоэффективной и иррациональной, осложняя дискурсивные практики своим «акторам».

© С. И. Дубинин

5. «МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПЛАСТ» В ЭССЕ К. ПИНТУСА *ПРЕЖДЕ ВСЕГО*: «СИМФОНИЯ», «ГАРМОНИЯ», «ДИССОНАНС»

Мне хотелось бы предварить статью несколькими словами о Валерии Михайловиче Бухарове как любимом преподавателе. Я учился на отделении немецкого языка переводческого факультета ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова. Курс истории немецкого языка вел тогда, в далеком 1977 году доцент В. М. Бухаров. Лекции и семинарские занятия в его исполнении запомнились на всю жизнь. Поражало невероятно редкое сочетание легкости, изящества, артистизма и научной основательности, солидности, точности и глубины. Позднее мне довелось не раз общаться с профессором Бухаровым, участвовать в заседаниях диссертационного совета, вместе работать. Первое студенческое впечатление подтверждалось неизменно. Неизменным остается и мое уважение к этому прекрасному германисту и достойному человеку.

Валерий Зусман

В германистике давно уже устоялось мнение, что эссе Курта Пинтуса *Прежде всего* («Zuvor») — образец экспрессионистской лирической прозы (ПЕСТОВА 2002: 262). Если искать историко-литературные параллели в немецкой словесности, то можно вспомнить «рапсодии» в прозе немецких штюрмеров — И. Г. Гердера, раннего Гете. Кстати, штюрмеров Пинтус в своем эссе упоминает (PINTHUS 1920: V).

Эссе *Прежде всего* — один из ярких манифестов экспрессионистского поколения, превосходный образец музыкальной прозы, первый поэтический текст сборника «Сумерки человечества». *Прежде всего* — эссе не литературоведческое, а литературное.

В эссе *Отзвук* (1922) Пинтус назвал свой сборник «парадигмой» экспрессионистской литературы (PINTHUS 1982: 111).

В 1960 г., спустя 40 лет после выхода в свет «Сумерек человечества», автор назвал свой давний текст характерным образцом прозы 1920-х гг. (PINTHUS 1976: 264). Не только в стихах сборника, но и в открывающем его прозаическом этюде присутствуют интенсивные смысловые вибрации, скачки напряжения, резкие контрасты. Автор не только характеризует тематику и тональность современной поэзии, но тут же и демонстрирует ее. Как и в теории относительности А. Эйнштейна, существенно повлиявшей на

атмосферу экспрессионистской эпохи (HATVANI 1917),¹ объект наблюдения Пинтуса неразрывно связан с наблюдателем.

В 1920 г. Пинтус открывает свой текст ударной мыслью: издатель публикует «сборник» — не «антологию» («Der Herausgeber dieses Buches ist ein Gegner von Anthologien; — deshalb gibt er diese Sammlung heraus» [PINTHUS 1920: V]). Сорок лет спустя подбор текстов в «Сумерках человечества» (1960) останется прежним. Утратив сенсационность, книга Пинтусом стала канонической, а «сборник», состарившись, превратился в «антологию».

Составителя «Сумерек человечества» привлекает синхронный срез, настоящее время культуры, ее горизонталь. Кругозор Пинтуса сформирован горизонталью, вертикаль его не интересует: «...man blicke rund herum, ... nicht vertikal, nicht nacheinander, sondern horizontal...» (ibid.).

В общепризнанных иерархиях, рангах и причинно-следственных связях Пинтус видит проекцию вертикали. Горизонтальное видение — «...man blicke... horizontal...» — фиксирует происходящее «здесь и сейчас», «симультанность» экспрессионистской поэзии, музыки и живописи.

Вместе с тем слово «симультанный» («simultan») отсылает не столько к визуальному, сколько прежде всего к акустическому ряду. В эссе *Прежде всего* появляется глагол horchen ‘прислушиваться’, ‘вслушиваться’. Примечательно словосочетание «...man horche quer durch...» («вслушиваться» во все сразу).

Наряду с панорамным зрением («...man blicke rund herum...») существует и «панорамное вслушивание». Пинтус вслушивается в «совместное», «одновременное», «симультанное» («zusammen, zugleich, simultan») звучание поэтических голосов (ibid.). Такое объемное слышание-вслушивание автор называет «симфоническим» (PINTHUS 1920: VI).²

¹ Как известно, на связь экспрессионизма с теорией Эйнштейна еще в 1917 г. обратил внимание П. Хатвани.

² Вот как в эссе *Прежде всего* говорится об этом «вслушивании» в экспрессионистскую поэзию: «Man horche in die Dichtung unserer Zeit. ...man horche quer durch... man höre zusammen, zugleich, simultan. Man höre den Zusammenklang dichtender Stimmen: man höre symphonisch» (PINTHUS 1920: VI).

Слово «симфония» в подзаголовке («Symphonie jüngster Dichtung») вводит в эссе особый «музыкальный пласт». В этот пласт входят слова, словосочетания, термины, встречающиеся в тексте и так или иначе отсылающие к музыке.

Верхний слой этого «музыкального пласта» улавливается легко. Здесь возможны простейшие подсчеты, свидетельствующие о том, сколько раз употреблено то или иное слово, какие слова и словосочетания повторяются. На основании количественных данных можно сделать вывод о присутствии темы «музыка» в тексте. Однако важнее сосредоточить внимание на внутреннем плане «музыкального пласта», т. е. на его смысле.

«Смысл» — неисчерпаемая философская категория. Обозначая лишь один из возможных подходов к ней, определим вслед за Антонием, митрополитом Сурожским, смысл как «...направленность того, что было произнесено или осталось невысказанным» (АНТОНИЙ 2018: 190). Смысл как «направленность» сказанного и несказанного о музыке составляет внутренний план «музыкального пласта» эссе *Прежде всего*.

Связанные с темой «музыка» словосочетания и слова имеют у Пинтуса двойную природу. Их можно одновременно интерпретировать и как музыкальные термины, и как литературные образы. Очевидно, они представляют собой гибридные семантические образования — метафорические термины или терминологические метафоры. Подобные смешения часто встречаются в культуре. Нередко случается так, что, скрываясь под маской «моделей и научных определений», метафоры начинают игру в терминологию (ЛОТМАН 1992: 35). В эссе Пинтуса «симфония» — одно из ключевых слов, своего рода полуметафора-полутермин.

Эта двойственность задана подзаголовком сборника — «Симфония новейшей поэзии» («Symphonie jüngster Dichtung»). «Симфония» здесь: образ, метафора под маской термина. С одной стороны, слово «симфония» отсылает к музыкальной терминологии. В справочниках по музыковедению под «симфонией» понимается «...музыкальное произведение для оркестра, гл. обр. симфонического... в сонатно-циклической форме» (МУЗЫКАЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ).³

³ https://gufo.me/dict/music_encyclopedia/симфония.

Классическая симфония включает, как правило, четыре части.

Сборник «Сумерки человечества» — «симфония новейшей поэзии», состоит, как известно, из четырех частей: «Падение и крик» («Sturz und Schrei»), «Пробуждение сердца» («Erweckung des Herzens»), «Призыв и возмущение» («Aufruf und Empörung»), «Возлюби человека» («Liebe den Menschen»). Названия частей контрастируют друг с другом. Сборник представляет собой восхождение от физического («Падение и крик») к метафизическому («Возлюби человека»).

«Внутренняя форма» слова «symphonia» (совместное, согласованное звучание, гармония) сближает музыкальный термин с литературной метафорой. Пинтус подчеркивает, что «Сумерки человечества» — это целостное полотно, «симфония», созданная поколением молодых поэтов.

Во *Втором отзвуке* Пинтус писал, что сборник «Сумерки человечества» возник благодаря осознанной воле поэтов к «совместным творческим устремлениям» («das Bewußtsein der Gemeinsamkeit, der Wille zu gemeinsamer Wirkung») (PINTHUS 1976: 271).

Если считать три предварения Пинтуса к «Сумеркам человечества» своего рода «единым текстом», то ключевыми словами этого текста являются «симфония, единство, гармония». На первый взгляд, эта триада противоречит духу экспрессионизма. Во *Втором отзвуке* (1960) акцент сделан на гармонии совместных художественных устремлений, а в предварении 1922 года автор говорит о «лирической симфонии» (PINTHUS 1982: 110). В эссе *Прежде всего* (1920) Пинтус размышляет о «симфонии» экспрессионистской поэзии, возникающей из «оглушающих диссонансов и мелодичных гармоний, нагромождений захлестывающих слушателя аккордов и взбесившихся полу- и четвертьтонов» (PINTHUS 1920: VI).⁴ Очевидно, что лексемы «симфония», «аккорд», «гармония», «диссо-

⁴ В оригинале: «Sondern es kommt darauf an, aus den lärmenden Dissonanzen, den melodischen Harmonien, dem wuchtigen Schreiten der Akkorde, den gebrochensten Halb- und Vierteltönen — die Motive und Themen der wildesten wüstesten Zeit der Weltgeschichte herauszuhören...» (PINTHUS 1920: VI).

нанс», «полутон», «четвертьтон» и другие составляют вполне очевидный внешний слой музыкального пласта эссе Пинтуса.

Вопреки культурологическим стереотипам позднейшего времени Пинтус не сводит экспрессионизм к диссонансам, а ставит их в один ряд с «мелодическими гармониями». Таким образом, в «музыкальном пласте» текста представлены связанные между собой контрастные образы. Пользуясь музыкальной терминологией, их синхронное звучание можно обозначить как динамический единовременный контраст.

Представляется, что музыку, живопись и поэзию экспрессионизма объединяют динамические единовременные контрасты. Интересно соотношение гармонии и диссонансов в музыкальном языке А. Берга. Конечно, гармония в музыке экспрессионизма совершенно другого типа, чем, скажем, в музыке Сен-Санса. Музыка французского композитора А. В. Михайлов назвал «удивительной и совершенной», «гладкой... даже заглаженной...». Так, симфоническая поэма «Юность Геракла» представляет собой

...апофеоз такой вольной и красивой, и великолепно выдержанной, без малейшего изъяна, и полной благородства и вкуса, полнокровной и полновесной, как вольно и спокойно льющийся поток, без складок, гармоничности (МИХАЙЛОВ 1997: 853-870).

В музыке нет никакого «претыкания, запинания», а есть «чудесная красота» «без какой-либо уступки разорванности» (ibid.).

В музыке экспрессионизма подобной гармоничности нет и не может быть. Гармония возникает лишь в краткий миг «просветления». Быть может, тем самым, в начале XX в. экспрессионизм отстоял сам принцип гармонии, стершийся и тиражированный в музыкальной риторике предыдущих эпох. Гармония — редкий островок, светящаяся точка на границе бытия и небытия. Именно так гармонии вводятся, например, в музыкальный язык оперы «Воцтек». В опере Берга редкие моменты гармонии и просветления связаны с лирическими вставками, с образом Марии. Примечательно, что над этой оперой Берг работал с 1914 по 1922 г. Первый акт оперы был закончен в 1919 г. В этом же году в издательстве «Ровольт» был опубликован сборник «Сумерки человечества».

В эссе *Прежде всего* симфония — образ, отсылающий к симультанному звучанию тем и мотивов «самого дикого и безудержного времени мировой истории» и редких островков гармонии. Переходы от настроения к настроению происходят молниеносно, с «бешеной скоростью» («mit rasender Schnelligkeit»). «Разительные» перемены состояний и кардинальные скачки настроений в экспрессионистской поэзии происходят столь быстро, что сливаются в одно целое. Воинственные призывы оборачиваются сентиментальными вздыханиями, обратной стороной этических уроков предстает анархическое неистовство («Mit rasender Schnelligkeit bewegt sich diese Dichtung vom fanatischen Kampf zur Sentimentalen, vom anarchischen Toben zur Didaktik des Ethischen»). «Симфонизм» экспрессионистской поэзии построен на динамическом единовременном контрасте, о котором пишет в своем эссе Пинтус.

Если «симфония новейшей поэзии» — один из ключевых символов сборника «Сумерки человечества», то составителя сборника традиционно сравнивают с дирижером оркестра. По знаку дирижера вступают группы инструментов, начинают звучать разные голоса. «Дирижер» стремится придать целостность звучанию. Как выглядит эта целостность в сборнике «Сумерки человечества»? По словам Пинтуса, «духовная симфония современной эпохи» представляет собой «разорванную тотальность»: «die geistige Symphonie der zerrissenen Totalität unserer Zeit...» (PINTHUS 1920: VIII). В сборнике «Сумерки человечества» возникает «хаотическая», «пелнящаяся», внутренне контрастная целостность экспрессионистской эпохи. Целостность, состоящая из разрывов.

© В. Г. Зусман, Н. Д. Зусман

6. О СЕМАНТИЧЕСКОМ РАЗГРАНИЧЕНИИ НЕМЕЦКИХ ТЕРМИНОВ *DIALEKT* И *MUNDART* (ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Введение

В фокусе интереса авторов — синонимичные (дублетные) термины *Dialekt* и *Mundart*, часто встречающиеся в научно-лингвистической литературе, посвященной проблемам фонетики, социолингвистики и диалектологии. Обследование источников, в которых встречается эта терминологическая пара, позволяет проследить хронологию их появления в словарном фонде немецкого языка, выявить совокупность значений каждого из упомянутых терминов, уточнить временные рамки формирования этих значений и выполнить сопоставительный анализ полученных данных.

С опорой на информацию, представленную в немецких этимологических словарях, отметим, что термин *Dialekt*, заимствованный из греческого языка (*διάλεκτος*) в лингвотерминологические системы современных европейских языков, впервые был упомянут в словаре П. Дасиподия *Dictionarium latinogermanicum et vice versa germanicolatinum* в 1537 г. в значениях 'свойство языка' и 'манера речи': «Dialectos. Ein eygenschafft der sprach/ oder eygene weisz zů reden» (DASYPODIUS 1537). Со временем он обзавелся рядом дополнительных значений, в результате чего его семантическая структура подверглась конкретизации: '1) разговор, беседа; 2) разговорный язык; 3) манера или стиль речи, в т. ч. произношение; 4) говор, наречие, диалект'. В состав терминосистемы немецкого языкознания эта лексическая единица была включена в XVII в. (PAUL 2002: 221; KLUGE 2011: 197; EWD 2014: 222).

Термин *Mundart* вошел в лингвистический обиход в качестве (не всегда признаваемого удачным в силу различий узуса и семантики) переводного эквивалента заимствованного термина *Dialekt* в XVII в. для обозначения 1) надрегионального варианта языка (в этом смысле термин понимается как название для национального языка, поскольку речь идет о Hochdeutsch); 2) возникшей естественным образом разновидности преимущественно разговорного языка, используемой языковым сообществом, ареал обитания

которого ограничен определенными географическими рамками; 3) особого произношения, свойственного жителям определенной местности; 4) научного понятия, являющегося ключевым для диалектологии как науки, занятой изучением проблем вариативности языка (PAUL 2002: 677; KLUGE 2011: 640; EWD 2014: 898).

Историко-лингвистический анализ терминов *Dialekt* и *Mundart*

В первом (лексикографическом) случае фиксации термина *dialectos*, относящемся к первой половине XVI в., интерес представляют оба значения, сформулированные Дасиподием. Если второе в специальных комментариях не нуждается, отражая манеру речи или говорения («eugene weisz zu reden»), включая произношение, то первое («Ein eygenschafft der sprach») представляется несколько туманным, поскольку не содержит никаких пояснений. Эта формулировка носит повторяющийся характер и встречается не только у Дасиподия, но и в других грамматических трактатах и словарях; см., напр., в (HEYL 1716: 233). Интересно, что именно такое определение диалекта («свойство языка») вошло, видимо, в перевод и в работы русских языковедов и лексикографов XVII—XVIII вв. Расширенное толкование этого определения обнаруживается в более поздних источниках, например, в *Dictionarium septem linguarum* Калепина: «DIALECTVS, διάλεκτος. Linguae alicuius proprietates, quod scilicet v. naquaeq. lingua peculiare habet, & à caeteris distinctum» (CALEPINO 1625: 112 об.). Однако под «неким свойством», присущим языку и отличающим этот язык от других языков, может пониматься какая угодно отдельно вычленяемая специфическая особенность данного языка. Ничто в формулировке этого значения не содержит прямой отсылки к диалекту как разновидности языка, употребляемой в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью.

Значение ‘особое произношение’ сохраняется у термина *Dialekt* в XVII—XVIII вв., причем в целом ряде работ произносительная сторона диалекта связывается с особенностями передачи его в письменной форме. Показательным в связи с этим может служить мнение Д. Морхофа, оспаривавшего точку зрения некоторых языковедов того времени, которые полагали, что писать

следует так, как говорят. Морхоф резонно заметил на это, что написанное на одном диалекте может быть ошибочно воспринято и истолковано носителем другого диалекта. Термины *Dialecti* и *Mundarten* у него равнозначны (MORNOF 1682: 469-470).

В 1693 г. в *Neu-ausgefertigtes herrlich grosses und allgemeines Italiänisch-Deutsches Sprach- und Wörter-Buch* М. Крамера находим определение диалекта, приравниваемого к термину *Mundart* и понимаемого как «ein absonderliche Redart und Ausspruch in einem Lande» (KRAMER 1693: 346). При этом Крамер дает пояснение: «Teutsche Sprach hat viel Mundarten» (ibid.). Содержательно близкие определения («Die Red-Art eines Landes») встречаются у Н. Дюэ в *Dictionnaire François-Alemand-Latin* (DÜEZ 1702: 346), у А. Молнара («die Redens-Art») в *Dictionarium Quadrilingve* (MOLNÁR 1708: 444), у К. Штейнбаха («Mundart, dialectus, dicendi forma. Es sind vielerley Mundarten in Deutschland, variae sunt dialecti Germaniae. <...> Redart (Mundart) dialectus») в *Vollständiges Deutsches Wörter-Buch vel Lexicon Germanico-Latinum* (STEINBACH 1734: 39), у Й. Фризия («Art zu reden») в *Dictionarium latino-germanicum* (FRISIUS 1750:194) и др.

И. Фриш в *Teutsch-Lateinisches Wörter-Buch*, говоря о различии значений у *dialect* и *mundart*, пишет:

Mund-Art, gebrauchen einige das Wort *Dialectus* zu übersetzen, aber es taugt nicht dazu. Mund-Art ist eine Art des Mundes, nicht der Sprache. Daher scheint Sprach-Art dem Wort *Dialect.* etwas näher zukommen (FRISCH 1741: 673).

Этот контекст интересен тем, что Фриш пытается, по сути, развести здесь понятия «язык» и «речь», соотнося диалект с вариантом или разновидностью языка («Sprach-Art»), а местный говор («Mund-Art») — с его произносительными особенностями, реализуемыми в живой речи.¹ Кроме того, определение говора, предлагаемое Фришем, указывает на отсутствие фиксации говора в письменной форме.

Научно обоснованное обособление диалекта как разновидности языка с опорой на особенности произношения появляется в конце XVIII в. в *Grammatisches Wörterbuch der deutschen Sprache*

¹ Для обозначения совокупности этих особенностей И. Аделунг позднее предложил использовать термин *Sprechart*.

К. Морица (MORITZ 1794: 70). *Dialekt*, который Мориц содержательно приравняет к *Mundart* и *Sprachart*, характеризуется особым произношением, сохраняя все языковые изменения и отклонения, свойственные языковому варианту, используемому в какой-л. местности. Невозможно представить себе ситуацию, когда язык, будучи распространен на сравнительно обширной территории, оставался бы неизменным во всех своих частях и во всех провинциях и областях, где им пользуются как средством общения. Вариативность языка проявляется, по мнению Морица, прежде всего на фонетическом уровне и только во вторую очередь — на лексическом (значения слов) и грамматическом (морфология) уровнях, а также в словообразовании. Собственно термин *Dialekt* Мориц считает искусственным, т. е. специально придуманным словом или термином («das gewählte Kunstwort»), выбранным в качестве альтернативы исконному обозначению *Mundart* (ibid.).²

В 1798 г. И. Аделунг в своем *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart* также выделил одну из главных особенностей диалекта (*Mundart* или *Dialect*), отличающих его от надрегиональной языковой вариации: особый способ говорения или особую разновидность речи («die besondere Art zu reden»), отличающую жителей одной местности от жителей другой местности (ADELUNG 1798: стб. 311). Наиболее характерной чертой такой речи наряду со словообразованием, словоупотреблением и специфической лексикой выступает произношение.

В числе немецких диалектов Аделунг называет два основных — верхне- и нижненемецкий, каждый из которых разделяется на субдиалекты («untergeordnete Mundarten»). Количество последних едва ли подлежит учету, поскольку в каждой местности говорят на языке, отличном от языка другой местности. С другой стороны, по мнению Аделунга, различные языки суть те же диалекты, которые, в свою очередь, в соответствии с их статусом и функцией (ролью) могут быть охарактеризованы либо как собственно языки

² Той же позиции относительно термина *Dialekt* придерживался и Аделунг (см. ниже).

(«Sprachen»), либо как основные языки («Hauptsprachen»)³.

Термин *Mundart* Аделунг, вслед за Фришем, считает неудачным, поскольку одним из его компонентов выступает Mund-, который едва ли годится для характеристики языка (более подходящей терминологической номинацией, с его точки зрения, является *Sprechart*)⁴.

В начале XIX в. особенности произношения продолжают оставаться основным критерием, позволяющим отделить диалект от надрегиональной языковой вариации. Ср. в *Ausführliches und möglichst vollständiges lateinisch-deutsches Lexicon* И. Шеллера: «der Dialect, i. e. eine besondere Art zu reden bey verschiedenen Völkern, die einerley Sprache haben, Mundart» (SCHELLER 1804: стб. 2902).

Й. Кампе использует термин *Dialect* в двух значениях, первое из которых полностью соответствует в плане содержания термину *Mundart*, понимаемому как

eine Art des Mundes, d. h. der Sprache, eine eigene Art zu reden in derselben Sprache, wie die Einwohner verschiedner Gegenden oder Hauptteile eines Landes haben und welche sich nicht allein durch verschiedene Aussprache... unterscheidet (КАМПЕ 1809: 363).

Dialect, или *Mundart*, представляет собой, с точки зрения Кампе, а также Аделунга (см. выше), за которым Кампе следует в трактовке данного понятия, неоднородное образование, поскольку может подразделяться на собственно диалект, т. е. манеру речи или говорения («*Sprechart*»), которую Кампе опять-таки определяет термином *Dialect* и которая может быть различной, и говор («*Untersprechart* (Idiom)»). Завершаются эти рассуждения выводом о том, что термин *Mundart* не является подходящим для выражения всех терминологических нюансов, как если бы мы, к примеру, вместо термина *Schreibart* 'вид или тип письма' использовали термин *Federart* 'вид или тип пера', поскольку Mund 'рот' — всего лишь инструмент, предназначенный для речепроизводства, равно как Feder 'перо' — инструмент для письма.

³ О термине *Mundart* в значении 'язык' см. ниже.

⁴ Термин *Sprechart* как обозначение для понятия «диалект» после Аделунга сравнительно часто встречается в лингвистических работах и словарях.

Авторы *Allgemeine Deutsche Real-Encyclopädie* (ADRE 1819: 178), как и Кампе, рассматривают термины *Dialekt* и *Mundart* как терминологические синонимы, понимая под ними «die Art, wie eine und dieselbe Sprache in verschiedenen Gegenden gesprochen wird».

Проблема содержательного разграничения терминов *Dialekt* и *Mundart* продолжала оставаться актуальной на всем протяжении XIX в. Попытку дифференцировать их предпринял Я. Гримм, предложив считать «Dialekt» понятием более высокого порядка (гиперонимом) для характеристики, к примеру, германских диалектов, по сравнению с понятием «Mundart» как более мелкой единицей членения языкового ландшафта (см. ниже цитату, приведенную Г. Паулем), но такая дифференциация развития не получила.

Усилия в этом направлении предпринимались и во второй половине XIX в., т. е. тогда, когда диалектология уже бесспорно утвердилась как молодая отрасль языкознания, а тонкие различия между языком, диалектом, наречием и говором, хотя бы и при отсутствии четко определяемых границ между ними, стали очевидны для многих исследователей. По этому поводу в 1863 г. в *Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft* А. Шлейхер заметил:

Aus dem bisher über die Differenzierung einer Grundform in mehrere zuerst wenig dann allmählich stärker voneinander abweichende Formen Dargelegten folgt, dass wir auf sprachlichem Gebiete zwischen den Bezeichnungen für die verschiedenen Stufen der Unterschiede, d. h. zwischen Sprache, Dialekt, Mundart, Untermundart keine festen und sicheren Begriffsunterschiede aufzustellen vermögen. Die Verschiedenheiten, welche durch diese Worte bezeichnet werden, haben sich allmählich gebildet und gehen ineinander über; noch dazu sind sie in jeder Gruppe von Sprachen ihrem Wesen nach verschiedenartig (SCHLEICHER 1863: 19).

Сходную точку зрения выражали в 1888 г. составители *Meyers Konversations-Lexikon*, считая диалект местной разновидностью языка, хотя и признавали, что провести границу, отделяющую язык от диалекта, крайне затруднительно (MKL 1888: 929).

На протяжении практически всей истории бытования терминов *Dialekt* и *Mundart* исследователи языка подчеркивали сниженный социальный статус как самой языковой вариации, обозначаемой этими терминами, так и тех слоев населения, которые этой вариацией в качестве средства устного общения пользовались в

повседневной жизни; ср.:

Es ist auch ein grosser Unterscheid unter den Dialectis und Mundarten/ nach welchen die Rede und Schreibart solte eingerichtet werden... Dann es sein einige gar zu rau/ und müssen durchauß nicht zum Muster gesetzt werden (MORHOF 1682: 480).

Gemeine Seelen sprechen demnach hier platt, gebildete den höheren Dialekt; wie in der Region des Scheines z. B. unser gemeines Volk plattdeutsch zu reden pflegt, der vornehme Stand hochdeutsch (SCHUBERT 1814: 4).

Иногда местный говор сравнивается даже с крестьянским просторечием (Bauernsprache):

Richard Steele... glaubt gar, man müsse die Schäfer-Gedichte in einer bairischen Mundart machen; so wie Theocritus sich im Griechischen des Dorischen Dialects bedienet hat (GOTTSCHED 1730: 393).⁵

Несмотря на это диалект проникал и в сферу письменной речи, хотя именно письменная речь служила своего рода заградительным барьером, отделявшим национальный языковой стандарт от, условно говоря, любых разновидностей субстандарта, не допуская смешения языковых «жанров». Тем не менее пример такого смешения можно встретить в *Teutsche Rhetorica Oder Redekunst* у И. Мейфарта: «Den Poeten ist erlaubet/ bißweilen einen Thüringischen/ Fränckischen/ Sächsischen Dialectum oder Mundart zugebrauchen: Denn Rednern ist es verboten» (MEYFART 1634: 63-64). Возможное объяснение этому находим у Ф. Цезена, который раскрывает причину такого смешения, ссылаясь на мнение М. Опица, утверждавшего, что хорошие стихи поэт должен писать на диалекте своей местности («wer einen guten Reim wil machen/ der muß vor allen dingen die mundart dessen landes/ wo er ist/ in acht nehmen») (ZESEN 1640: 40-41).

Заслуживающими внимания представляются также случаи употребления интересующих нас терминов в значении ‘язык’.

⁵ С другой стороны, ревнители диалектов и местных говоров выступали за их сохранение, поскольку считали, что диалекты лежат в основе национального языка, живое тело которого с исчезновением диалектов, образно говоря, превратится в труп («Ohne Mundarten wird der Sprachleib ein Sprachleichnam» [JAHN & EISELEN 1816: XLII]).

Подобное терминопотребление было весьма распространено, особенно в XVIII в., поскольку к основным немецким диалектам (Hauptmundarten) часто причисляли и Hochdeutsch, полагая его собственно немецким языком («die eigentliche deutsche Sprache») (KLÜGEL 1782: 397).

Приведем примеры такого терминопотребления:

Das i. mit e. in liegen/ siegen vnd dergleichen/ ist vns zu vnsrer Mundart nicht beschwerlich/ vnd wird vnzerzogen außgesprochen/ macht auch bißweilen einen Unterscheid an der Länge oder Kürtze eines Wortgliedes (LOGAU 1654).

Den Worten nach lasset sich nicht alles nach unserer teutschen Mundart ausdrücken (LANGE 1729: 423).

promener ses yeux sur les champs, und *faire sa Cour à une Dame*. Das sind barbarismi in unsrer Mundart, die kein Mensch versteht, der nicht Französisch kan (GOTTSCHED 1730: 257).

um so viel mehr, weil bey den Hochdeutschen ihre reine wohlfließende Mundart einem Erweise alle seine Kraft mittheilen muß (BODMER 1742: 73).

...Leute unter uns giebt, die es noch nicht einmal wissen, daß wir eine Sprache haben, und sie daher die hochdeutsche Mundart nennen (KLOPSTOCK 1774: 232).

Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen (ADELUNG 1793-1801) (в названии словаря Аделунга) и др.

Примечательно, что ни в одном из обследованных нами контекстов термин *Dialekt* в значении ‘язык’ вплоть до конца XIX в. не встретился. Тем более маловероятным кажется предположение о том, что такое терминопотребление было возможно в XX в.

Описание случаев использования терминов *Dialekt* и *Mundart* в (основном) значении ‘диалект’ с учетом высокой частотности контекстов и тривиальности значения представляется нецелесообразным.

Периферийные значения термина *Dialekt*

1. Термин *Dialekt* используется в переносном смысле при описании поэтического языка в *Entwurf einer systematischen Poetik...* К. Клодием: «Hier kommt alles auf einen guten Dialekt und Ohr des

Dichters an» (CLODIUS 1804: 366), «Minnesänger hatten noch poetischen Dialect» (ibid., II: 795).

2. Отсылка к речевому (произносительному) аспекту, отраженному среди прочего в семантической структуре термина *Dialekt*, интересным образом раскрывается в *Немецко-латинском и русском лексиконе* Э. Вейсмана. Латинскому термину *dialectus* здесь сопоставляется немецкий эквивалент *Rednersart*, который на русский язык Вейсман перевел как «риторический обычай» (TLRL 1731: 496). Здесь можно говорить о фиксации еще одного периферийного значения термина, связанного с риторикой как искусством красноречия.

3. В ряду периферийных значений термина *Dialekt* можно назвать манеру (стиль) письма или речи какого-л. конкретного автора, которая находит свое выражение на лексическом и грамматическом уровнях языка. Показательным примером в этом отношении может считаться характеристика, данная Ф. Шлегелем языку Хюльзена или его манере изъясняться:

Hülsen ist seines Gedankens und seines Ausdrucks völlig Meister, er geht sicher und leise; und diese ruhige hohe Besonnenheit bey dem weitumfassenden Blick und der reinen Humanität, ist es eben was ein historischer Philosoph in seinem antiquarischen und aus der Mode gekommenen Dialekt das Sokratische nennen würde (SCHLEGEL 1798: 80).

Развивая эту тему далее, можно вспомнить и о работах Гегеля. Критики писали, что Гегель

придумал свой диалект, треть слов которого не сыщется ни в одном лексиконе; да и некоторые другие немецкие писатели, несомненно, оказали бы услугу тому, кто пытается их читать, если бы к своим произведениям они прилагали небольшой глоссарий или поясняющие комментарии (перевод наш — *Авт.*) (AUGSBURGER ALLGEMEINE ZEITUNG 1840, Nr. 75).

Периферийные значения термина *Mundart*

1. В значении 'индивидуальная манера произношения, (иностранный) акцент' термин обнаруживается у В. Хейнзе. Поскольку речь идет о примере из беллетристики, здесь, скорее, можно говорить о слово-, а не о терминопотреблении:

Hier schied er von mir, ohne daß er mir weder sein Quartier, noch seinen Namen sagen wollte; bloß aus der Mundart bemerkte ich, daß er ein Fremder war (HEINSE 1787: 10).

2. В значении ‘жаргон’, которое в силу низкой частотности относится к периферийным и понимается как язык отдельной социальной группы (часто без пейоративной окраски), термин *Mundart* встречается редко. В частности, он используется в определении понятия ‘жаргон’ («die unverständliche Mundart») в *Wörterbuch der deutschen Sprache* К. Швенка (SCHWENCK 1838: 316).⁶

К этому примеру примыкают также контексты более раннего периода. В одном из них термин *Mundart* встречается при описании модного жаргона, характеризующегося употреблением французских заимствований (середина XVIII в.): «In gedachten Statutis kommt der Ausdruck *Sciences gages* etlichemahl vor, welches nach der heutigen Mund-Art *belles lettres* heißet» (GEUSAU 1742: 185). В другом — искомым термином в переносном смысле обозначается язык двора (Hofsprache), которому следует служить образцом для подражания: «Hat aber ein Volk mehr als einen Hof, wie z. B. ... Deutschland: so ist die Sprache desjenigen Hofes... für die beste Mundart zu halten» (GOTTSCHEID 1749: 2).

В следующем примере термин *Mundart* использован в переносном смысле при описании поэтического языка:

Unter denen also stehet die Gramatic oben an, so geringe sie auch manchem scheinen möchte. Massen sie uns ja dazu dienet, dasz wir die gemeine, wie auch die besondere poetische Mund-Art der Sprachen nicht nur genau kennen, als auch recht darnach schreiben lernen (GÜNTHER 1751: 3).

⁶ Это определение цитируется в *Das Deutsche Gaunerthum* Ф. Лаллемана в контексте описания воровского жаргона (Gaunersprache): «Man bezeichnet zuweilen die Gaunersprache mit dem sehr weiten, jedoch dem Gaunerthum ganz fremden Ausdruck Jargon. Schwenck, S. 294, erläutert Jargon kurzweg als „die unverständliche Mundart“ und fügt vergleichsweise das franz. jargon, ital. gergo, span. gerigonza, xerga (guirigay, Kauderwelsch), provenzal. gergonz, altnord. jargr hinzu» (AVÉ-LALLEMANT 1862: 28).

Против использования термина *Dialekt* в значении ‘жаргон’ выступали еще составители *Allgemeine Deutsche Real-Encyclopädie*, поскольку, по их мнению, жаргон (Jargon) — это разновидность языка, свойственная отдельным лицам или представителям некоторых сословий, «испорченная» некорректным словоупотреблением и избыливающая словами с неясной этимологией (ADRE 1819: 178).

3. Говоря о термине *Mundart* как ключевом понятии диалектологии, трудно свести выделение такого элемента в семантике термина, которое подметил Пауль, к отдельному значению, складывающемуся только на том основании, что *Mundart* — это «regionale schriftferne Varietät» в отличие от надрегионального варианта языка (PAUL 2002: 677), да и вообще к семантике как таковой. Пауль приводит ссылку на Гримма, который писал:

das verhältnis der mundarten und dialecte erscheint stufenweise ebenso. jede mundart ist volksmundart, heimlich und sicher, aber auch unbeholfen und unedel, dem bequemen hauskleid, in welchem nicht ausgegangen wird, ähnlich... dialecte sind... grosze? mundarten kleine geschlechter (GRIMM 1848: 827-828).

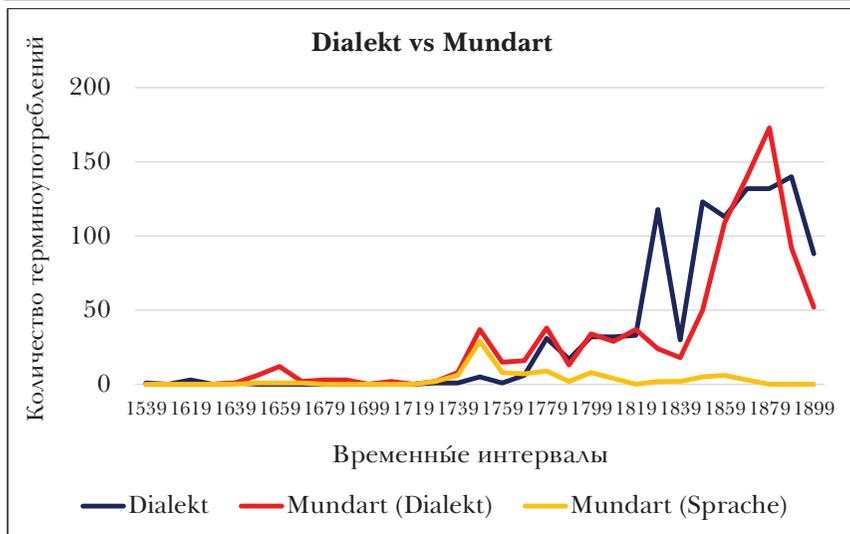
Однако из рассуждений Гримма следует только следующее:

1) статус местного наречия или говора («*mundart*») следует оценивать ниже, чем статус надрегионального варианта («в домашнем платье в люди не выйдешь»); 2) статус и ареал функционирования диалекта («*dialect*»), с одной стороны, и местного говора («*mundart*») — с другой, различен (диалект имеет более высокий статус, чем говор, распространен на большей по размеру территории и на нем говорит большее количество людей). Речь здесь идет не о семантике понятий «диалект» и «говор», обуславливающей их сходство и различие или отличие от национального языкового стандарта, а о функциональной стороне их бытования. Если исходить из функции, а не из семантики терминов *dialect* и *mundart*, то выделение в семантической структуре последнего такого значения как ‘ключевое понятие диалектологии’ едва ли представляется целесообразным.

Историко-статистический анализ

На основе текстовых материалов, размещенных на портале Deutsches Textarchiv. Grundlage für ein Referenzkorpus der neuhochdeutschen Sprache,⁷ созданном Академией наук (Берлин-Бранденбург), можно получить и сопоставить статистические данные относительно употребления терминов *Dialekt* и *Mundart*, начиная с XVII в., с поправкой на возможную неполноту корпуса (см. Диаграмму).

⁷ <https://www.deutschestextarchiv.de>.

1. Термин *Dialekt*. С привлечением дополнительных источников, не вошедших в корпус, можно сделать вывод о том, что с 1537 г. и до середины XVIII в. фиксируются единичные случаи употребления термина в традиционном его значении с использованием частично онемеченной греко-латинской формы ед. ч. *dialectos* (мн. ч. *dialectes*, *dialecten*). Начиная со второй половины XVIII в., количество терминопотреблений существенно возрастает, достигая пиковых значений к концу первой четверти XIX в. на фоне увеличения числа лингвистических исследований, и оставаясь стабильно высоким до конца третьей четверти XIX в. Высокая встречаемость термина в научных работах, посвященных преимущественно немецкому языку, сохраняется вплоть до конца XIX в. и позднее. Нелишним было бы заметить в связи с этим, что диалектология как научная отрасль языкознания начала складываться именно в первой половине XIX в., каковую тенденцию, в свою очередь, и отразил рост числа таких терминопотреблений.

До середины 60-х гг. XVIII в. термин практически встречается только в форме *Dialect*, которая, скорее всего, обусловлена влиянием латинской орфографической традиции (написание через «с»). Позднее в употребление входит форма *Dialekt*, которая начинает конкурировать со старой формой и постепенно вытесняет старое

написание. Это наблюдение, очевидно, может быть связано с процессом нормализации немецкой орфографии того времени. В отдельных случаях обнаруживается написание *Dialekt* (Т. Гиппель, 1778; А. Арним, 1818). В течение XIX в. формы *Dialekt* и *Dialect* используются параллельно с преобладанием написания через «k».

2. Термин *Mundart*. Этот термин уже с конца первой трети XVII в. применяется в двух основных значениях — ‘диалект’ и ‘язык’ (исключая единичные случаи употребления в иных, периферийных, значениях). На диаграмме эти два значения представлены по отдельности. Пик числа терминопотреблений в значении ‘диалект’ приходится на середину и третью четверть XIX в. В этом отношении показатели частотности термина *Mundart* хронологически коррелируют с показателями частотности термина *Dialekt*.

Использование термина в значении ‘язык’ в абсолютном выражении отличается гораздо меньшей частотностью. В этом значении он в основном встречается в словосочетаниях типа «(hoch)deutsche Mundart», «französische Mundart» и т. п. Рост случаев такого терминопотребления фиксируется на завершающем этапе процесса формирования немецкого национального литературного языка.

На протяжении XVII в. количество случаев употребления термина *Mundart* значительно превышает аналогичный показатель, фиксируемый у термина *Dialekt*. Можно даже говорить о практически полном вытеснении в этот период времени термина *Dialekt* термином *Mundart*. Широко известен факт засорения словарного фонда немецкого языка к началу XVII в. иностранными заимствованиями (*Überfremdung*), что послужило толчком к активизации пуристических тенденций, не пощадивших в том числе и терминологию на греко-латинской основе, и обусловивших развитие параллельного корпуса лингвистической терминологии с привлечением ресурсов национального языка.

7. ОСМЫСЛЕНИЕ ИНТЕРЕСА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Введение

Лингвокультурное моделирование реальности привлекает к себе внимание многих современных исследователей (БУХАРОВ 2001; ВЕЖБИЦКАЯ 1996; ВОРКАЧЕВ 2014; ВОРОБЬЕВ 1997; ДЕМЕНТЬЕВ 2013; ДЕМЬЯНКОВ 2007; ЗУСМАН 2001; КАРАСИК 2004; КОРНИЛОВ 2003; КРАСАВСКИЙ 2008; МАМОНТОВ 2000, 2007; СЛЫШКИН 2000; СТЕПАНОВ 1997; СТЕРНИН 2008; ШАКЛЕИН 2012). В качестве единицы описания обычно рассматривается концепт — квант переживаемого знания, включающий понятийное, образное и ценностное содержание, представленный в индивидуальном, групповом и этническом языковом сознании в разных типах дискурса. Изучение концептов как когнитивных ментальных образований направлено на установление характеристик значимой информации, структурирования и преобразования ее в индивидуальном и коллективном сознании, в то время как лингвокультурный подход к концептам предполагает сравнение различных картин мира и описание общих и различных признаков того или иного осмысливаемого фрагмента реальности. Типы концептов весьма разнообразны, как и разнообразна концептуализируемая реальность.

Понятийные характеристики концепта ИНТЕРЕС и смежных ментальных образований

К числу важных ментальных образований, еще недостаточно изученных в лингвокультурологии, относится *интерес* — познавательная потребность человека, стремящегося понять действительность. Понятийное содержание этого концепта представлено в определениях словарей и справочников.

Например, *Словарь современного русского литературного языка* трактует *интерес* как внимание, проявляемое к кому-л. или чему-л., занимательность, увлекательность, важность, значение, выгода, польза или только стремления, потребности, запросы (ССРЛЯ).

Это может пониматься как внимание, которое проявляется к кому-л. или чему-л., вызванное желанием лучше, глубже, шире узнать, увидеть, изучить и т. п. Синонимом концепта является *любопытство* — т. е. то, что заслуживает внимания, на что следует обратить внимание. Обычно это стремления, потребности, заботы

и т. п., которые характеризуют кого-л., которыми живет кто-л., которые составляют преимущественное содержание мыслей, речи и т. п. кого-л. Это может быть то, что выгодно, полезно кому-л. или чему-л., составляет благо для кого-л. или чего-л. (БУСРЯ).

Longman Dictionary интерпретирует *interest* через следующие высказывания:

1) if you have an interest in something or someone, you want to know or learn more about them; 2) an activity that you enjoy doing or a subject that you enjoy studying; 3) a quality or feature of something that attracts your attention or makes you want to know more about it; 4) the extra money that you must pay back when you borrow money; 5) the things that bring advantages to someone or something (LDCE).

В словаре *The American Heritage Dictionary of the English Language* читаем:

1) A state of curiosity or concern about or attention to something; an interest in sports. Something, such as a quality, a subject, or an activity, that evokes this mental state. 2) Often interests. Regard for one's own benefit or advantage; self-interest 3a) A right, claim, or legal share. 3b) Something in which such a right, claim, or share is held. 3c) A person or group of persons holding such a right, claim, or share. 4. Involvement with or participation in something. 5a) A charge for a loan, usually a percentage of the amount loaned. 5b) An excess or a bonus beyond what is expected or due. 6a) An interest group. 6b) The particular cause supported by an interest group (AHDEL).

Сравнение приведенных определений позволяет выделить следующие общие смысловые признаки: 1) желание субъекта, 2) желание узнать что-л., 3) объект, вызывающий такое желание, 4) внимание к этому объекту, 5) польза для субъекта, лежащая в основе желания. В англоязычных словарях в дополнение к этим признакам добавляется признак «процент, который нужно уплатить за взятые в долг деньги, л. процент, который банк выплачивает клиенту, хранящему деньги в этом банке». Этимология этого латинского заимствования прозрачна: иметь важное значение, буквально «быть между, среди, внутри».

Прилагательное *интересный*, обозначающее причину проявления внимания к объекту интереса, имеет ряд синонимов в русском языке: *занимательный, занятный, жгучий, животрепещущий,*

любопытный, увлекательный, забавный, курьезный, небезынтересный. Эти слова объединены признаком «привлекательность» и противопоставляются по уточняющим признакам «доставляющий удовольствие», «важный», «необычный», «притягательный».

Английское прилагательное *interesting* подразумевает притягательность объекта, вызывающего такое чувство. Синонимы этого слова уточняют его семантику в следующих направлениях: *engrossing* (захватывающий, увлекательный) акцентирует силу такой притягательности, *absorbing* (всепоглощающий) сравнивает это состояние с засасыванием, *intriguing* (интригующий) выводит на первый план привлечение внимания (WNDS).

Интересное противоположно скучному. Предмет сам по себе не может быть интересным или скучным, таким он становится только для субъекта. Скучное — это то, что не только не вызывает желание познавательного освоения соответствующий объект, но сопряжено с неприятными переживаниями напрасной потери времени и приводит к унынию.

Скука — понятийное содержание.

1. Тягостное душевное состояние, вызываемое отсутствием дела, интереса к окружающему и т. п. 2. Уныние, тоска, царящие где-л., вызываемые однообразием обстановки, отсутствием дела, интереса к окружающему и т. п. (ССРЛЯ).

Состояние тоски, с трудом переносимой апатии, болезненного равнодушия к окружающему и т. д., обычно вызываемое бездельем или отсутствием интереса к чему-л. (В. И. Даль: томление бездействия) (БУСРЯ).

Boredom — the feeling you have when you are bored, or the quality of being boring. Boring — not interesting in any way (LDCE); Uninteresting and tiresome; dull. Syn.: boring, monotonous, tedious, irksome, tiresome, humdrum. These adjectives refer to what is so lacking in interest as to cause mental weariness. Boring implies feelings of listlessness and discontent. What is monotonous bores because of lack of variety. Tedious suggests dull slowness or long-windedness. Irsome describes what is demanding of time and effort and yet is dull and often unrewarding. Something tiresome fatigues because it seems to be interminable or to be marked by unremitting sameness. Humdrum refers to what is commonplace, trivial, or unexcitingly routine (AHDEL).

В определении *скуки* можно увидеть следующие признаки: 1) тягостное душевное состояние, 2) вызываемое: а) отсутствием интереса к окружающему, б) бездельем, в) однообразием обстановки.

В русском языке идея скуки уточняется в синонимах слова «скучный»: *нудный, монотонный, рутинный, тягостный, канительный*. Эти слова объединены значением ‘вызывающий тоску’ (тягостное душевное состояние) и различаются признаками надоедливости, однообразия, отсутствия новизны, тяжести, медлительности. В английском языковом сознании, по данным словарных толкований, выделяются аналогичные признаки, при этом акцентируется утомительность и отсутствие новизны.

Интерес как желание узнать что-то новое уточняется в русском языке в значениях слов, характеризующих постоянные качества человека — любознательность и любопытство. Любознательный человек стремится к приобретению новых знаний, в значении прилагательного «пытливый» акцентируется стремление все понять. Любопытный человек проявляет интерес ко всему для него новому, но при этом такой интерес бывает праздным, мелочным и нездоровым.

В английском языке эти качества отрицательно оцениваемого познавательного интереса обозначаются прилагательными *curious, inquisitive, prying, snoop, nosy*:

Curious — wanting to know about something (LDCE); *Inquisitive* — asking too many questions and trying to find out too many details about something or someone (LDCE); *Prying* — to pry — to try to find out details about someone else's private life in an impolite way (LDCE); *Nosy* — always wanting to find out things that do not concern you, especially other people's private affairs (LDCE).

Заметим, что у этих слов в ряде случаев нет однословных эквивалентов в русском языке (*inquisitive* ‘излишне любопытный’, *prying* ‘назойливо любопытный’, *snoop* ‘излишне любопытный’, *nosey* ‘любопытно-пронзырливый’). В толкованиях синонимов акцентируется стремление узнать чужие секреты, вмешаться в чужую жизнь, с хитростью, подобно собаке, вынюхивающей след (WNDS).

Образно-ситуативные характеристики концепта ИНТЕРЕС

Образно-ситуативные признаки концепта ИНТЕРЕС выявляются путем анализа высказываний с этим словом и с помощью опроса информантов. Для этого рассматриваются разные частеречные вербализации данного концепта. Высказывания с этим словом, размещенные в «Национальном корпусе русского языка»,¹ уточняют признаки, выделенные в словарных определениях.

В текстовых примерах уточняется идея привлекательности факта, который признается интересным:

А для журналистов всегда важно найти какой-нибудь интересный факт, какую-нибудь интересную судьбу (И. Архипова).

А что касается тридцатилетнего цикла, напомним интересный исторический факт: после Великой Французской революции ее завалы разгребали до 1830 года (А. Салуцкий).

Нет, он в чистом виде автор с чудными шутками и способностью найти интересный поворот в теме... (И. Кио).

С интересным человеком приятно вести беседу:

Автор полусотни поэтических книг для детей и взрослых, поэм, сказок, рассказов, очерков и воспоминаний о В. Маяковском, Н. Островском, А. Серафимовиче, переводчик, литературный критик, тонкий психолог и большой знаток детских душ, мудрый воспитатель и талантливый педагог, он остался в памяти знавших его как интересный собеседник и блестящий рассказчик, подлинный рыцарь дружбы и любви, аристократ духа (В. Арефьева).

Мужчина интересный, рост высокий, я это люблю, хотя сама вышла за низенького, и лицо интеллигентное, хотя прелести особой нет, но зато сразу виден ум, правда? (И. Грекова).

Интересное впечатляет:

— Прочтите, вам должно понравиться, — посоветовал он. — Я там поместил очень интересный этюд. Ничего особенного, конечно, но очень картинно и впечатляюще (Ю. Домбровский).

Воланд заговорил: «Какой интересный город, не правда ли?» (М. Булгаков).

Интересным считается нечто необычное:

¹ ruscorpora.ru.

В 1 книге Царств глава 28 есть весьма интересный фрагмент, в котором описывается посещение царем Саулом женщины-медиума в Аэндоре, во время которого произошло загадочное явление умершего пророка Самуила (А. Кашкин).

Но самый интересный дом во всей деревне — серебристый, в виде космической ракеты (А. Лисаченко).

Дмитрий, почему вы взяли такой интересный псевдоним? (Д. Соколов).

Вызывает интерес нечто странное:

Разгоряченные переживаниями, мама и ее подруга сняли варежки, мама заметила какой-то интересный лак на ногтях подруги, та сказала, что ездила на юг этим летом — там и купила у цыган (А. Сальников).

Чрезвычайно интересный случай — наблюдение фотографий внутренней поверхности масок (Г. Рожкова).

Неизвестное часто кажется интересным:

Зимой он вдруг явился к нам в телогрейке, валенках и сказал, что уезжает на месяц в Калининскую область: завербовался в артель лесорубов. Говорят, интересный народ эти лесорубы. Пощупать их психологию (Ю. Трифонов).

Интересное оценивается как нечто курьезное и занятное:

Сын сделал из этого эпизода интересный вывод, что воровать у жуликов прилично, и вывод этот оказал некоторое влияние на его последующую жизнь (Э. Лимонов).

Говорил он о людях, чьи дела вел, как-то странно, — без злобы, без волнения: «интересный был человек», «чудак», «симпатяга» (В. Гроссман).

Есть что-то, что тебя там удивляет, раздражает? — Есть момент интересный. Но это не раздражает, скорее, просто забавно (А. Лесняк).

Интересное может быть запретным:

Вторая: защита от любопытного народа, который может повалить валом в интересный объект, особенно если он на доступном для автомобилизированного населения расстоянии от жилых мест (Г. Ведерников).

Нужно будет заснять один очень интересный объект, и там, вполне возможно, будут крутиться на подступах агенты в штатском... (А. Бушков).

Текстовые примеры на английском языке, взятые из «Британского национального корпуса»,² уточняют признаки, выделенные в словарных дефинициях.

Интересное означает привлекательное:

The Jewellery Quarter is home to several excellent restaurants in interesting historic surroundings. В Ювелирном квартале находится несколько отличных ресторанов, расположенных в интересном историческом окружении (здесь и далее перевод мой — В. К.).

Birmingham lies in a wealth of beautiful countryside, historic houses, interesting towns and pretty villages. Бирмингем расположен в замечательной местности, он богат историческими постройками, там много интересных городов и красивых деревень.

We have a wide range of interesting and exciting trips lined up for you. У нас широкий выбор интересных и увлекательных поездок, предназначенных для вас.

The town today is one of the most interesting resorts on the south coast — as you'll soon discover. Этот город сегодня — один из самых интересных курортов на южном побережье, как вы скоро в этом убедитесь.

Интересным признается нечто достойное внимания:

Antique furniture and needlework with a wide variety of unusual and interesting plants in the gardens. Старинная мебель, вышивки и множество необычных и интересных растений в садах.

...it is interesting to note that they both value intuition. Интересно заметить, что они оба ценят интуицию.

It is interesting that Piaget failed to recognise what Vygotsky (1933, tr. 1976) observed about a young child's play: that it is rule-bound. Интересно, что Пиаже не знал о работе Выготского (1933, перевод 1976), в которой сказано о детской игре: она подчиняется правилам.

Уточняется объект, который считают интересным:

I'm enjoying watching Villa play and it will be interesting to see how many fans want to show their appreciation. Мне нравится смотреть

² <https://www.english-corpora.org/bnc>.

пьесу «Вилла», и будет интересно увидеть, сколько фанатов захочет выразить свою оценку.

...for both purposes, television scored significantly higher amongst those who found politics interesting at the end of the campaign. ...исходя из обеих целей, телевидение оказалось гораздо важнее для тех, кто интересовался политикой, когда кампания завершилась. As a character actor you get interesting parts, good money and enough time off to enjoy it. Как актер характера вы получаете интересные роли, хорошие деньги и много свободного времени, чтобы наслаждаться этим.

Интересное значит необычное:

...time plays a variety of interesting tricks. Время разыгрывает множество интересных трюков.

Типичны примеры, в которых друзья описаны как интересные люди:

We've made interesting friends there and we like it. У нас там появилось много интересных друзей, и нам это нравится.

He said: "I've met lots of interesting people that I would never have seen before". Он сказал: «Я встретил много интересных людей, с которыми никогда раньше не встречался».

Интересно то, что заставляет нас мобилизовать наш интеллектуальный потенциал:

A technical problem such as this raises interesting methodological questions. Такая техническая проблема ставит перед нами интересные методологические проблемы.

I find all this dead interesting. This is the sort of stuff you should be asking us. По-моему, это ужасно интересно. Это как раз то, о чем вы будете нас спрашивать.

He's in an interesting and frightening dilemma, about to retire. Он стоит перед интересной и пугающей дилеммой — уходить ли в отставку.

Интересное осмысливается как неожиданное:

The only thing that makes it bearable is the irrational belief that somebody interesting will come on in a minute... Единственное, что позволяет это вынести, — иррациональная вера в то, что кто-то интересный появится через минуту.

Не все способны интересно рассказывать о своем опыте:

Not least because he is the first senior politician for some time to write a book that is stylish, witty, beautifully observed and therefore vastly superior to the plodding tone employed by most ex-Cabinet ministers who confuse being there with being able to write an interesting account of what happened. Не в последнюю очередь потому, что он первым из старших политиков написал книгу в интересном стиле, умную с интересными наблюдениями и поэтому значительно превосходящую тяжеловесную продукцию, которую производит большинство бывших членов кабинета министров, путающих свой опыт с умением написать интересный отчет о том, что было.

Таким образом, текстуальное уточнение признаков того, что считается интересным, позволяет выделить идеи привлекательности, необычности, странности, неожиданности и курьезности в описаниях соответствующих ситуаций. Отметим дискурсивную важность этого концепта в рекламных текстах.

Заслуживает внимания ассоциативное осмысление интереса в реакции информантов на прилагательное «интересный» (РАС 1994).

Интересный — человек (89), собеседник (56), фильм (51), рассказ (31), мужчина (20), разговор, случай (15), книга (11), роман (10), журнал (9), увлекательный (8), скучный (7), друг, занимательный (6), вопрос, глупый, очень (5), вечер, день, спектакль (4), заманчивый, концерт, любопытный, предмет, товарищ (3), веселый, захватывающий, кино, молодой человек, момент, неинтересный, ответ, парень, поэт, привлекательный, сон, увлеченный, факт (2), алгоритм, безызвестный, белый, боевик, большой, век, вид, вкусный, восхитительно, вратарь, всесторонний, глаза, год, гость, грустный, детектив, деятель, доклад, документ, думать, жанр, жутко, забавный, забытый, загадочный, заинтересованно, заинтересовать, занятный, звук, знать, известный, интеллектуал, кайфовый, кинофильм, космос, красивый, кто, лекция, лучший, любезный, любознательный, любопытство, магнитофон, мальчик, матч, мир, мозги, муж, мужик, мэн, не интересный, не оторваться, не очень, неглупый, необычный, неплохой, непредсказуемый, новость, обмен, огромный, оппонент, особый, отдых, очень редко, педагог, пейзаж, план, плащ, повествовать, поворот, подход, подход к человеку, познавательный, поход, пресный, приятный, противный, раздел, сдвиг, сидят и слушают, синий, скука, сложный, слон, смотреть, совет, соль, стена, стоит посмотреть, субъект, тип

лица, труд, урок, учебник, учитель, цветы, черт, читать, чушь, этюд, юноша, яркий (1) (РАС, Т. 1).

Ассоциации информантов показывают, что интересными чаще всего признаются люди и оцениваемые объекты, прилагательные с положительной оценкой доминируют, и в целом этот концепт является оценочным индикатором.

Ценностные характеристики концепта ИНТЕРЕС

Ценностные характеристики в осмыслении интереса имеют амбивалентный характер. С одной стороны, акцентируется положительная оценка стремления к познанию и узнавания чего-то нового, с другой — осуждается желание узнать нечто запретное или нарушающее чужую приватность. В книге, посвященной изучению любознательности в разных ее проявлениях, А. Мангель отмечает, что этот концепт

несет в себе как позитивный, так и негативный смысл. Позитивный, поскольку любопытный ко всему проявляет внимание; а негативный, потому что он прилагает все силы к детальному исследованию вещей, тщательно скрытых, не предназначенных для посторонних глаз и несущественных (МАНГЕЛЬ 2017).

Эта идея отчетливо выражена в одном из библейских апокрифов — Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова (3:21): «Чрез меру трудного для тебя не ищи, и, что свыше сил твоих, того не испытывай».

В пословицах мы не находим одобрительной оценки интереса и любознательности (ЖУКОВ 1993; RIDOUT & WITTING 1969). Вероятно, любознательность рассматривается в народной культуре как компонент получения знаний, как учеба, и это оценивается положительно, но не комментируется. Но любопытство однозначно осуждается: *Любопытной Варваре на базаре нос оторвали. Любопытство — не порок, а большое свинство. Много будешь знать, скоро состаришься. Не тычь носа в чужое профсо. О чем не сказывают, о том не допытывайся. Curiosity killed the cat.*

Назидательный смысл этих речений сводится к тому, что любопытных людей, проявляющих нездоровый интерес к тому, что их не касается, наказывают.

В афористике осмысление интереса представлено гораздо более обширно, чем в пословицах (ДУШЕНКО 2001; ЕРМИШИН

2006). Это можно объяснить тем, что афоризмы фиксируют наблюдения о природе человека и не сводятся к рекомендациям правильного поведения. Но если пословицы, будучи анонимными суждениями, отражают (с некоторыми оговорками) национальное мировосприятие, то афоризмы носят подчеркнуто личностный характер. Значимым моментом в лингвокультурном плане, возможно, следует признать лишь отсутствие афоризмов на определенном языке на определенную тему, поскольку эта тема не актуальна для этой лингвокультуры, но для такого вывода нужно проанализировать огромное количество афоризмов.

В английском языке слово *curiosity* обозначает и любознательность, и любопытство. Суждения с положительной оценкой этого качества весьма многочисленны:

Любознательность предшествует открытию (Р. Дюк). Любознательность побуждает нас двигаться вперед, экспериментировать, открывать новые двери (У. Дисней). Тот, кто потерял любознательность, уже мертв (Дж. Блюм).

Интерес признается одной из основ человеческого поведения:

Два рычага движут людьми — интерес и страх (Наполеон Бонапарт).

Но этому суждению противоречит другое изречение:

Миром правят не интересы, а страсти (А. Шартъе).

Осуждается интерес только к себе:

Интерес только к себе является врагом всех других чувств (Ф. Д. Рузвельт).

Интерес может противопоставляться сочувствию:

Мы ищем сочувствия, а получаем в лучшем случае заинтересованность (Д. Квиллар).

Отсутствие интереса к миру не является спасением от невзгод:

То, что ты не интересуешься политикой, не означает, что политика не будет интересоваться тобой (Перикл).

Интерес порой основан на холодном расчете:

Политики не питают ни любви, ни ненависти. Они руководствуются не чувствами, а интересом (Ф. Честерфилд).

Любая тема может стать интересной:

На свете нет такого понятия, как неинтересная тема. Зато есть такое понятие, как безразличный человек (Г. Честертон).

Столкновения мнений делают мир интересным:

Перестав быть спорной, мысль перестает быть интересной (У. Гэзлитт).

Больше всего людей интересуют люди:

Для человека нет ничего более интересного в мире, чем люди (В. фон Гумбольдт).

Вместе с тем причины такого интереса часто бывают низкими и корыстными:

Если бы ты ведал, из какого источника текут людские суждения и интересы, то перестал бы домогаться одобрения и похвалы людей (Марк Аврелий).

Людям свойственно интересоваться тем, что их не касается или не заслуживает внимания:

Больше всего люди интересуются тем, что их совершенно не касается (Дж. Б. Шоу). Люди в своем большинстве живо интересуются всем на свете, за исключением того, что действительно стоит знать (О. Уайльд).

Вряд ли можно согласиться с суждением великого психиатра:

Если человек начинает интересоваться смыслом жизни или ее ценностью — это значит, что он болен (З. Фрейд).

Возможно, этот вывод касается не смысла жизни, а переживания отсутствия смысла.

Ирония видна в следующих суждениях:

Если любопытство касается серьезных проблем, оно уже именуется жаждой познания (М. Эбнер-Эшенбах). Хорошая репутация ясно доказывает, что у вас не слишком любопытные соседки (Анон.).

Осмысление интереса в афористике свидетельствует о том, что любознательность и любопытство делают жизнь интересной, но в основе такого интереса часто обнаруживаются не самые благородные мотивы. Людям свойственно интересоваться тем, что их не касается.

Заключение

Интерес представляет собой движущую силу познавательной активности, является одним из важных индикаторов личности, характеризуя субъекта, стремящегося узнать нечто новое и получающего от этого удовольствие. Отсутствие интереса к окружающей реальности сопряжено с неприятным переживанием скуки, т. е. напрасной потери времени. В качестве черты характера человека постоянный интерес к познанию осмысливается как любознательность, вместе с тем интерес к чужим секретам квалифицируется в языковом сознании как любопытство. Понятийные характеристики концепта ИНТЕРЕС сводятся к признакам желания, познания, привлекательности объекта и пользы от полученной информации, однако осуждается излишнее и назойливое желание получить определенные сведения. Ситуативно-образные характеристики интереса акцентируют привлекательность, необычность и курьезность объекта. Ценностные признаки концепта ИНТЕРЕС специфически представлены в текстах пословиц и афоризмов. В пословицах акцентируется предписание не проявлять любопытства к тому, что не касается субъекта. В афористике однозначно положительно оценивается любознательность, но прослеживается амбивалентная оценка интереса как полезной познавательной активности, с одной стороны, и осуждения расчетливости как мотива интереса и его направленности на объекты, не стоящие внимания, с другой.

© В. И. Карасик

8. СНЯТСЯ ЛИ ЧАТ-БОТАМ КОРПУСЫ ТЕКСТОВ? (К ПРОБЛЕМЕ ГАЛЛЮЦИНАЦИЙ ГЕНЕРАТИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ)

Введение

Человек всегда мечтал о помощнике, что нашло отражение в сверхъестественных могущественных существах в мифологии, фольклоре и художественной литературе, способных выполнить любое задание. В XX в. на смену волшебным персонажам пришли роботы. Термин *робот* (чешск. *robota* 'подневольный труд') был впервые использован К. Чапеком более 100 лет назад (ZIWEI & al.). Миниатюризация и совершенствование компьютерных технологий дали людям возможность использовать роботов во многих отраслях экономики. Первая четверть XXI в. ознаменовалась развитием генеративных языковых моделей, известных как чат-боты. Научный интерес к этой теме особенно вырос в 20-е гг. XXI в. Число статей по запросу *generative language models* в «Science direct» за 2001—2020 гг. составило 10615, тогда как за 2022—2024 гг. уже 10061, а на портале «eLibrary.ru» по запросу *чат-бот* 9170 статей против 11533 за соответствующие периоды.¹ Развитие этой технологии открывает новые перспективы в области создания текстов и прикладного использования языковых ассистентов. Во многих статьях обсуждаются перспективы использования чат-ботов в образовании, науке, банковском деле, психологии, туризме и т. п. (БАТРАЕВА 2022; ГЛАДКИХ 2023; ИВАХНЕНКО & НИКОЛЬСКИЙ 2024; КАМЕНЩИК 2023; КАПУСТИНА и др. 2023). Визионеры и футурологи восторженно предсказывают искусственному интеллекту большое будущее: в ближайший год он должен превзойти «разум любого человека, к 2029 г. ИИ может стать умнее всего человечества,² а еще через 20 лет привести всю цивилизацию в состояние технологической сингулярности.³ В то же время история знает примеры, когда исследователи выдавали желаемое за действительное: например, в поисках таинственного

¹ [https://en.wikipedia.org/wiki/Hallucination_\(artificial_intelligence\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Hallucination_(artificial_intelligence)).

² <https://tass.ru/ekonomika/20220741>.

³ <https://habr.com/ru/companies/itglobalcom/articles/737476>.

противовесного южного континента португальский мореплаватель Педро Фернандес де Кирос в 1606 г. сообщал королю об открытии материка, «занимающего четверть света» (ВЕРЕТЕННИКОВ 2023), когда на самом деле открыл остров в Океании площадью всего около 4000 км². Отдельные исследования указывают на проблемы чат-ботов при попытках сгенерировать научную статью или юмористическое высказывание (ЗАШИХИНА 2023; ЛИХАЧЕВ 2023). Во многих работах отмечается склонность чат-ботов к «галлюцинациям», т. е. ответам, не имеющим отношения к действительности (ZIWEI & al. 2023).

Цель работы заключается в исследовании проблемы «галлюцинаций» генеративных языковых моделей. Поставленная цель обуславливает необходимость решения следующих задач: создать корпус немецкоязычных текстов, сгенерированных чат-ботом, провести их лингвостилистический анализ и проверить на наличие фактических и логических ошибок, рассмотреть существующие пути решения данной проблемы. Объектом исследования послужили «галлюцинации» чат-бота,⁴ предметом — тексты, сгенерированные языковой моделью.

Материал и методы исследования

В ходе исследования использовались следующие методы: метод лингвостилистического анализа, сравнительный метод, описательный метод, метод частотного анализа лексики. В качестве материала выступили тексты разговорного, художественного и научного стилей, сгенерированные языковой моделью ChatGPT 3.5.⁵ Общий объем проанализированного материала составил 41 текст (15 диалогов на повседневные темы, 25 текстов с объяснениями грамматических правил немецкого языка и 21 — с немецкими сказками), сгенерированный согласно следующим промптам:

1) *Schreib bitte ein Gespräch zum Thema...* (использовались темы для повседневных неформальных бесед *Pausengespräch* пособий с модельными тестами экзамена *B2 für Beruf* издательств Klett, Langenscheidt, Hueber);

⁴ https://docs.google.com/forms/d/1JFV9Fls7Om5hI-yKX6IZ5M8hLh14Y-U_7MNH1ZKzHvo/edit.

⁵ <https://chat.openai.com>.

2) Erklär bitte das Thema... (источником грамматических тем послужил справочник *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht* издательства Langenscheidt);

3) Erzähl mir bitte das Märchen... (тексты сказок представлены на сайте kurzemaerchen.de).⁶

Сгенерированные тексты подвергались лингвостилистическому анализу и частотному анализу лексики и сверялись с эталонными объяснениями грамматических правил или текстами сказок. При наличии ошибок языковой модели предлагался дополнительный промт с просьбой уточнить предыдущий текст. Тексты, созданные языковой моделью, сохранялись в документе Microsoft Word 2021 объемом более 13000 слов. Статистические данные по «галлюцинациям» чат-бота сохранялись в табличном процессе Microsoft Excel 2021.

Результаты исследования и их обсуждение

Опрос, проведенный среди пользователей чат-ботов (Галлюцинации языковых моделей), показал, что большинство респондентов участвовали в диалоге с языковой моделью (86,1%) и сталкивались с языковыми, фактическими или логическими ошибками в ответах чат-бота (80,6%). Информанты также отметили, что в 15,4% случаев неточности удавалось устранить с помощью дополнительного промта. Причинами предоставления недостоверной информации пользователи считают несовершенство самой языковой модели, неточность или сложность запроса, а также базы данных, используемые для обучения чат-ботов, которые изначально содержат ошибочную, неполную или, наоборот, избыточную информацию. В качестве потенциального решения информанты называют улучшение языковой модели вплоть до создания общего искусственного интеллекта, совершенствование запроса пользователя и использование верифицированных специализированных баз данных.

Общий объем 15 проанализированных текстов разговорного стиля составил 3545 слов. Разговорный стиль аутентично передается языковой моделью за счет синтаксических и фонетиче-

⁶ <https://kurzemaerchen.de>.

ских эллипсов (A: *Moin, Alter! Schon wieder im Stau gestanden heute Morgen?* B: *Moin, ja Mann, voll die Katastrophe! Ich hab fast 'ne Stunde gebraucht, um hierher zu kommen. Und du so?*) и лексики, соответствующей заданной тематике: (*Urlaub, Teamarbeit, Idee, Kollegen, Erfahrungen, Weiterbildung, Homeoffice, Projekte, Flexibilität*). Анализ лексики также выявил склонность чат-бота к идеализации участников коммуникации и их взаимоотношений, для которых характерна исключительная вежливость, взаимопонимание и эмпатия (*Das klingt vernünftig! Absolut! Das kann ich nachvollziehen! Das klingt nach einer guten Idee! Definitiv. Da sind wir uns einig!*). Такая модальность задается предварительными настройками чат-бота и даже в случае уточнения промта (*Die Kollegen könnten mal auch nicht einverstanden oder verärgert sein und sich miteinander streiten*) участники диалога склонны к достижению компромисса. Единственную логическую ошибку (нарушение закона противоречия) языковая модель допустила в диалоге о свободном времени: (*Aber besonders liebe ich Filme, die mich **zum Nachdenken anregen**... Ein guter Film kann wirklich Wunder bewirken, wenn es darum geht, **den Kopf frei zu bekommen***).

Значительно больше противоречий было обнаружено в текстах научного стиля. Сравнение таких текстов с эталонами также позволило выявить ряд фактических ошибок. В ходе эксперимента чат-боту было предложено объяснить грамматические темы о глаголе и его грамматических категориях (*Klassen von unregelmäßigen Verben, Klassifizierung der deutschen Verben nach syntaktischen und semantischen Kriterien, infinite Verbformen im Deutschen, Hilfsverben und Modalverben, subjektive Modalität, Genera und Modi der Verben u. a.*). Всего было рассмотрено 15 тем, по 14 из которых языковая модель дала ответ после первого запроса, допустив в 11 случаях фактические и в 4 — логические ошибки. После второго запроса по 11 темам фактические ошибки встречались в 9 случаях, а логические в двух. Общий объем сгенерированных текстов научного стиля составил 4962 слова.

Для анализа текстов художественного стиля языковая модель сгенерировала немецкие сказки (*Rotkäppchen, Hänsel und Gretel, Aschenputtel, Rumpelstilzchen, Der gestiefelte Kater, Der tapfere Schneiderlein u. a.*). Созданные тексты объемом 4611 слов грамматически корректны, однако могут содержать стилистические и жанровые

несоответствия: *Der clevere Wolf imitiert ihre Stimme, um Erlass zu erhalten*. Эпитет *clever* был заимствован только в XX в.,⁷ выражение *die Stimme imitieren* свойственно скорее научному стилю, а *Erlass erhalten* — официально-деловому. По первому запросу было сгенерировано 13 текстов. Фактические ошибки присутствовали в девяти текстах, логические — в четырех. По второму запросу было создано еще 8 текстов, содержащих 7 фактических и 6 логических ошибок. По трем запросам языковая модель отказалась генерировать текст, ссылаясь на недостаточность информации (*Es tut mir leid, aber ich kann kein Märchen mit dem Titel „Das Lumpengesindel“ finden*).

В целом в 25 сгенерированных текстах научного стиля только 6 не содержали фактических или логических ошибок (24%), а в художественном стиле доля таких текстов составила 23,8% (5 из 21).

Характерной логической ошибкой языковой модели было нарушение закона противоречия. В текстах с грамматическими правилами такое противоречие, возникшее в результате «галлюцинации» чат-бота, чаще всего обнаруживается в примерах, не соответствующих «правилу». Для **выдуманного** 2 класса глаголов *e – ie – o* подбирается **неподходящий** пример: *in dieser Klasse ändert sich der Vokal im Präsens von “e” zu “ie” und im Partizip Perfekt von “ie” zu “o”. Ein Beispiel ist „sehen“ (ich sehe, sah, gesehen)*. Сгенерированным сказкам присущи **сюжетные нестыковки**: счастливый Ганс отправляется домой, а в конце сказки возвращается к хозяину: *Er bindet das Gold in ein Tuch und macht sich auf den Weg nach Hause... Er geht fröhlich weiter und kehrt schließlich zu seinem alten Meister zurück, bei dem er einst gearbeitet hat*.

Фактические ошибки возникают в условиях дефицита информации в базе данных языковой модели или несовершенства механизмов ее интерпретации. Оптимальным решением для таких запросов был бы отказ в генерации текста, однако языковая модель предпочитает «галлюцинировать» — выдумывает несуществующие данные о грамматике немецкого языка: несуществующие классы глаголов, новые формы инфинитивов *Infinitiv Plus-*

⁷ <https://www.sciencedirect.com/search?q=generative%20language%20models&lastSelectedFacet=years>.

quamperfekt, изобретенный залог *Medium* или сюжеты сказок, в которых коза выбрасывает волка в окно: «*Die Mutter Ziege warf den Wolf aus dem Fenster, und die sechs Geißlein, die noch im Bauch des Wolfes waren, sprangen heraus, gesund und unversehrt*», волк глотает семь камней, чтобы сделать свой голос тоненьким: «*Der Wolf, der sich in der Nähe von frischer Beute wusste, gab nicht auf und ging in den Wald, um sieben große Steine zu finden. Diese schluckte er und machte seine Stimme so weich wie die der Geißmutter*», а кот в сапогах заманивает короля в реку под предлогом готовящегося нападения разбойников: «*...näherete sich der Kater dem König und erzählte ihm, dass Räuber planten, ihn zu überfallen. Er bat den König, zu seinem Schutz im Fluss zu schwimmen*». С учетом полученных данных дисклеймер о возможных ошибках языковой модели должен предупреждать пользователей о том, что чат-бот предоставляет недостоверную информацию в 75% случаев.

Создание общего ИИ в будущем позволит решить проблему «галлюцинаций» языковых моделей, поставив человечество перед новыми вызовами.⁸ В качестве доступных на сегодняшний день решений следует отметить уточнение пользовательских запросов и предоставление языковой модели доступа к верифицированным специализированным базам данных. С одной стороны, запросы должны быть направлены на получение отдельных фактов, а не общей картины мира, например, вместо *Präpositionen im Deutschen* — *Präpositionen mit Dativ*, с другой стороны, языковая модель должна проходить тренировку под контролем специалистов в разных научных отраслях на основе справочников, учебников и научных текстов с целью создания узконаправленных специальных языковых моделей.

Заключение

Проведенное исследование показало, что генеративные языковые модели способны создавать аутентичные тексты разговорного стиля на заданную тему. Сгенерированные тексты научного и художественного стиля чаще всего отличаются от исходных текстов сказок и грамматических правил и содержат фактические и логические ошибки. На современном этапе развития

⁸ <https://habr.com/ru/companies/itglobalcom/articles/737476>.

языковые модели не могут быть использованы как источники достоверной информации. Для преодоления подобных ограничений необходимо упрощать запрос до поиска отдельных фактов и под контролем специалистов создавать узконаправленные модели для решения конкретных задач.

Подключение чат-бота к ресурсам Интернета с целью более точного ответа грозит созданием информационного уробороса. Обучаясь на все более обширном языковом материале, все более совершенная языковая модель будет генерировать все большее количество текстов в Интернете. В дальнейшем ей придется в качестве первоисточника использовать тексты собственной генерации, что приведет к неизбежной деградации вновь создаваемых текстов. Опыты с нейросетью, создающей изображения на основе своих предыдущих генераций, показали, что через определенное количество итераций нейросеть смогла сгенерировать только сетку из вертикальных и горизонтальных линий. Другой, более насущной и реальной угрозой представляется использование языковых моделей для дезинформации, пропаганды и навязывания определенной картины мира. Борьба за культурный и информационный суверенитет обуславливает необходимость дальнейшего лингвистического исследования языковых моделей.

© Э. В. Лихачев

9. МЕНТАЛИТЕТ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА

Изучение взаимосвязи менталитета и языка является одной из актуальных проблем современной лингвистики. Менталитет можно назвать картиной мира в сознании человека, а значит, мы можем говорить о том, что менталитет оперирует концептами.

Термин *менталитет* происходит от латинского слова *mens, mentis* 'ум, мышление, образ мыслей'. Это латинское слово, в свою очередь, происходит от индоевропейского корня «май». Древнеиндийское *манас* 'ум, дух, разум', авестийское *майнью* 'дух, помысел'. Слова с аналогичным корнем «мэн» встречаются в древнерусском, болгарском, польском и других языках. Они имеют общее происхождение — от индоевропейского корня «мэн». Понятие родилось в XIV в. в языке средневековой схоластики. В дальнейшем этот термин стал употребляться и в обычной речи, им обозначались предпочтительно коллективные системы мироощущения и поведения. В большинстве европейских стран данный термин стал активно употребляться в научной литературе лишь с середины XIX в. и звучит на разных языках примерно одинаково: французское «*mentalité*», английское *mentality* и немецкое *die Mentalität* могут быть переведены на русский язык как 'направление мыслей, умонастроение, направленность ума, склад ума, ответственное развитие, образ мыслей, способ мышления'.

Принято считать, что в научный оборот понятие *mentalité* ввел французский психолог и этнограф Л. Леви-Брюль (ЛЕВИ-БРЮЛЬ 1930). Основы современной отечественной теории менталитета изложены в трудах Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, И. И. Ильина, Н. О. Лосского, Л. П. Красавина, А. Я. Гуревича, М. А. Розова. По мнению большинства отечественных ученых, менталитет этноса является устойчивым способом освоения и осмысления окружающего мира.

Рассматривая вопрос о факторах, оказывающих влияние на формирование менталитета, необходимо подчеркнуть значимость природно-географических, социально-экономических и политических особенностей жизни этноса. Так, например, согласно Бердяеву,

Широк русский человек, широк, как русская земля, как русские поля. Славянский хаос бушует в нем. Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности, он расплывается в пространстве (БЕРДЯЕВ 2007:15).

И далее, перефразируя его же, отметим, что, пожалуй, самой «непостижимой», «загадочной» и женской чертой русской души является ее двойственность. В русской душе уживаются анархизм и культ государства, национальная терпимость, «всечеловечность» и шовинизм, свобода духа и «жуткая покорность», «святость» и «свинство». Среди других по-женски выраженных особенностей русской души можно выделить открытость: Россия всегда в пути, в становлении и радикально меняется. А любимое русское «авось» говорит о непредсказуемости и лишает смысла планирование. К особенностям русской души относятся также фатализм и пассивность, связанную с ним, — чувство беспомощности перед властью, природой, судьбой и безволие (русские часто не доводят до конца то, за что берутся).

Немец же, по мнению Бердяева, не может существовать в безграничности, ему чужда и противна славянская безбрежность, все должно у немца быть на месте, все распределено, без самодисциплины, ответственности немец не может существовать, он организатор, русский же привык быть организуемым. Ильин по сути пишет об этом же:

От чувства, что наши богатства обильны и щедры, в нас разлита некая душевная доброта, некое органическое, ласковое добродушие, спокойствие, открытость души, общительность... всем хватит, и еще Господь пошлет (ИЛЬИН 2007).

Согласно Ильину, русская идея есть идея сердца, которую русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства. Любовь, подчеркивает он, есть основная духовно-творческая сила русской души. Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение любовью и верою (ibid.).

Уже в XIX в. ученые понимали язык как «духовную силу». Одним из первых был Вильгельм фон Гумбольдт, который обос-

новал воздействие языка на духовное развитие народа. Он отмечал, что разные языки — это различные видение мира разными народам, каждый язык имеет особую внутреннюю форму, обусловленную самобытностью народного духа, в каждом языке заложено самобытное мирозерцание (Гумбольдт 1984).

Грамматический строй языка также может передавать особый стиль национального менталитета. Например, иррациональность как черта русского менталитета появляется в огромной роли, какую играют в русском языке безличные и неопределенно-личные конструкции. Тем самым с говорящего как бы снимается ответственность за происходящее: *не сложилось, не довелось, уговораздилось, почастливилось, случилось*. Сосредоточенность русского человека на состоянии души проявляется в обилии глаголов, называющих различные эмоциональные состояния: грустить, печалиться, кручиниться, тосковать, горевать и т. д. В русском языке имеет место богатое варьирование синтаксических конструкций: *Он грустит. Ему грустно*. Примечательно, что для немецкого менталитета характерна, в свою очередь, сосредоточенность на причинно-следственных связях: *vor Wut platzen* ‘разрываться от гнева’, *vor Angst schwitzen* ‘потеть от страха’. Один из ключевых концептов немецкой культуры *ORDNUNG* ‘порядок’ совершенно очевидно проявляется в языковой экономии у немцев. Это находит свое отражение в словосложении, когда широко представленные сложные слова в результате сжатости составляющих их элементов способны передавать богатое понятийное содержание. Чего стоит хотя бы такой пример из истории немецкого языка: *der Gegendiehandeindentaschenhaltenverein* ‘Союз по борьбе с держанием рук в карманах’.

Грамматика каждого языка своеобразна и самобытна несмотря на основные общечеловеческие категории членения мира. Например, чтобы перевести на немецкий язык русское предложение «Я сделал эту работу», мы должны знать, что в русском языке для выражения совершенного действия достаточно морфологического средства в виде приставки «с-»: *сделал*. В немецком же языке следует построить сложную конструкцию из смыслового глагола *machen* ‘делать’ в так называемой форме *Perfekt* с использованием вспомогательного глагола *haben*: *Ich habe*

diese Arbeit *gemacht* 'я имею эту работу сделанной'.

Л. Вайсгербер рассматривал язык как творение нации, в котором находит отражение процесс познания всех прошлых поколений. По его мнению, в языке, с одной стороны, отражается общая ментальность, характерная для всего человечества, а с другой — он несет в себе особенности, типичные только для его носителей. Созданное Вайсгербером учение об ориентированной на содержание грамматики (*inhaltsbezogene Grammatik*) способствует раскрытию формирования мировоззрения носителей разных языков, которое фиксируется в структуре языка и активно ею формируется (ВАЙСГЕРБЕР 1993).

Язык запечатлевает мировоззрение народа. Отношение людей к окружающему миру проявляется в специфических связях между элементами языка и поэтому в разных культурах одно и то же понятие (например, *интеллигенция*) получает разные коннотации.

Проиллюстрируем эти мысли примером простых приветствий на трех языках.

Традиционным приветствием китайцев является вопрос: «Ты кушал?».

Русские при встрече говорят: «Здравствуйте!», что может восприниматься как пожелание здоровья собеседнику. Аналогичные по смыслу приветствия характерны для многих славянских языков по причине генетического родства. А вот грузины, приветствуя друг друга, говорят: «Гамарджоба!» (Гамарджвеба), что переводится как 'победа'. Отвечая на приветствие или прозвня тост, грузины говорят: «Гагимарджос!», что есть желают победы, а более точно, говорящий желает собеседнику, чтобы Всевышняя сила (притом, неопределенная, нейтральная) дала ему победу. В этом проявляется воинствующий характер горца.

Г. Д. Гачев представляет национальные языки как могучие инструменты, позволяющие проникнуть в субстанцию национального «Космо-Психо-Логоса».

В фонеме каждого языка имеем портативный космос в миниатюре... так что можно и не ездить в чужую страну, чтобы постичь ее менталитет, а вслушаться в ее язык» (ГАЧЕВ 1998; 2003).

Например, интонация немецкого языка нередко воспринимается иностранцами как слишком категоричная из-за резких и отрывистых тонов. А австрийская интонация более мелодичная и мягкая. Такие различия могут помочь нам получить представление и об особенностях национального менталитета.

Очевидно, что не только менталитет участвует в формировании и развитии языка, но и сам язык влияет на формирование и развитие менталитета. Усваивая чужой язык, человек усваивает и национальную ментальность, а после усвоения языка социокультурные факторы оказывают влияние на язык, определяя языковой менталитет.

Как справедливо отмечала В. Н. Телия, «язык окрашивает через систему своих значений и ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» (Телия 1996). Например, русский концепт УЮТ не является эквивалентом концепту GEMÜTLICHKEIT австрийской и немецкой культуре, понятие «гламур» понимается в России иначе, чем в Голливуде. Эти примеры наглядно демонстрируют взаимозависимость и взаимообусловленность языка, культуры и менталитета.

В. И. Шаховский при исследовании эмотивных концептов отмечал, что у различных этносов фонды культурных концептов различны и это объясняет несовпадение ментальных связей и их вербализации. Например, в США слово *business* изначально означает ‘думать, изобретать, вертеться’ и таким образом зарабатывать, получая прибыль. А в России это слово на начальном этапе его вхождения в русский речевой оборот ассоциировалось с воровством (ШАХОВСКИЙ 2008).

Исследованием менталитета носителей разных языков активно занималась А. Вежбицкая. Особый интерес представляют для нее единицы, не имеющие близких соответствий в сопоставляемых языках или имеющие аналоги, но с лингвоспецифическими компонентами. Например, значимым для русского сознания *истина* и *правда* в немецком языке соответствует лишь одно слово *Wahrheit*, а в английском — только *truth*. *Истина* в русском сознании является идеалом, который русский человек может не найти и при этом всю жизнь может искать *правду*. Поэтому и существуют в русском языке многочисленные слова и выражения,

репрезентирующие важный для русской концептосферы концепт ПРАВДА: *правда-матушка, резать правду-матку, не в силе Бог, а в правде* (ВЕЖБИЦКАЯ 2001).

Все вышесказанное свидетельствует о том, что язык, культура и менталитет представляют собой неразрывное единство, определяя и обуславливая друг друга. Ключевые концепты становятся базой для формирования национальной картины мира и оказываются системно и иерархично организованными. Например, русская языковая картина мира представлена концептами ПРАВДА, ДУША, ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ, ВОЛЯ, ТОСКА, ПЕЧАЛЬ, БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ, УДАЛЬ, СУДЬБА, СЧАСТЬЕ, РАЗЛУКА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Это, как правило, такие понятия, которым трудно и чаще всего невозможно найти полный эквивалент в других языках и их значения передаются только описательным способом. В частности, к такой группе слов можно отнести слова *неудобно, совестно, попрекать*.

Ю. С. Степанов описывает самые значимые для русского этноса концепты. Среди них кроме уже названных выше отмечаются и подробно им анализируются такие концепты как МИР, РУСЬ, РОДНАЯ ЗЕМЛЯ, СТРАННИКИ И ИЗГНАННИКИ, СУЩНОСТЬ, ВРЕМЯ, ВОДКА И ПЬЯНСТВО, РЕМЕСЛО, ЗНАНИЕ, НАУКА, ЧИСЛО, СЧЕТ, ДВОЕВЕРИЕ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ЧЕЛОВЕК, ЛИЧНОСТЬ, СОВЕСТЬ, НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН, МОРАЛЬ, БУРАТИНО, ВЕЧНОЕ, ВЕЧНОСТЬ, КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ, БАБА ЯГА, СВЯТОЕ И СКВЕРНА, ЧЕРТ, БЕС, СТРАХ, ГРЕХ, ПРИЧИНА, ЦЕЛЬ, ЭВОЛЮЦИЯ, ЯЗЫК (СТЕПАНОВ 2001).

Немецкая концептосфера включает несколько иной состав базовых (ключевых) концептов, имеющих разную степень эквивалентности в других национальных концептосферах, в частности, в русской и австрийской. Рассмотрим, к примеру, базовый немецкий концепт *ORDNUNG*, охватывающий все сферы общественной и духовной жизни немецкого социально-культурного сообщества. Имя концепта имеет словарное соответствие в русском языке 'порядок', которое, по нашему мнению, является псевдоэквивалентом немецкого концепта, поскольку оно не пе-

редает ни понятийного содержания концепта, ни высокой значимости этого концепта для немецкой культуры (МЕДВЕДЕВА 2011).

Все концепты в сознании носителей языка связаны ассоциативно. Продемонстрируем этот факт на примере нескольких ключевых немецких концептов: ПОРЯДОК (ORDNUNG) возможен тогда, когда немцы, будучи дисциплинированными (DISZIPLIN) и послушными (GEHORSAMKEIT), подчиняясь (UNTERORDNUNG) своему долгу (PFLICHT), по закону (GESETZ) выполняют свою работу (ARBEIT) прилежно (FLEISS), старательно (MÜHE), качественно (QUALITÄT) и в срок (PÜNKTLICHKEIT). Кажется, что в сознании носителей немецкого языка все указанные понятия нанизываются словно бусинки на одну цепочку.

Назовем еще ряд базовых немецких концептов, отражающих специфические черты и особенности немецкого национального характера: GENAUIGKEIT, DIREKTHEIT, AUFRICHTIGKEIT, WAHRHAFTIGKEIT, REGEL, MOBILITÄT, SAUBERKEIT, GEIST, SPARSAMKEIT, AUTOLIEBE, WILLE, HAUS, PERFEKTIONISMUS, IDEALISMUS, GRÜNDLICHKEIT, SICHERHEIT, MACHT, KRAFT, RAUM, SCHULD, TOLERANZ, MUSS, KRIEG.

Австрийскую концептосферу ярко характеризуют следующие национально маркированные базовые концепты: NEUTRALITÄT, FRIEDEN, GESELLIGKEIT, LANGSAMKEIT, HÖFLICHKEIT, KONFLIKTVERMEIDUNG, KOMPROMISS, KOMPLIMENT, SCHMEICHELEI, GRANTIGKEIT, LEBENSFREUDE, LEBENSGENUSS, ZUFRIEDENHEIT, LUSTIGKEIT, DEPRESSION, AUSGEGLICHENHEIT, NEID, FATALISMUS, TOD, HUMOR, HEURIGER, SCHMÄH, SELBSTIRONIE, INNERE IMMIGRATION, LEICHTIGKEIT, MUSIKALITÄT, MOZART, STRAUS, OPERNBALL, JODELN, TITEL, VEREIN, BEAMTE, BÜROKRATIE, PROTEKTION, WIEN, PRATER, FIAKER, TRADITION, DIRNDL, PATRIOTISMUS, KAISER, SISI, KONSERVATISMUS, SKEPTIZISMUS, MANNIGFALTIGKEIT, FLEXIBILITÄT, IMPROVISATION, LANGSAMKEIT, ENTGEGENKOMMEN, HINEINDENKEN IN ANDERE, CHARAKTERLOSIGKEIT.

Остановим свое внимание на одном из самых характерных австрийских концептов. Особо отмечаемая многими культурологами австрийская ВЕЖЛИВОСТЬ (HÖFLICHKEIT) присуща,

разумеется, и немцам. Но в Германии она носит несколько официальный характер. Более того, у Гете в *Фаусте* находим такое любопытное высказывание: *Im Deutschen lügt man, wenn man höflich ist* 'Ажет речь немецкая, когда она учтива'. При этом в Австрии в моде выражение: *Höflichkeit ist Trumpf!* 'Вежливость — козырь!' Действительно, в Австрии до сих пор остаются актуальными формулы приветствия и прощания типа: *Küss die Hand!* 'Целую руку!', *Habe die Ehre!* 'Честь имею!', *Gnädiger Herr!* 'Милостивый государь!', *Gnädige Frau!* 'Сударыня!', *gschamster Diener* 'Ваш покорный слуга'. Немцы же воспринимают уважение традиций австрийцами как старомодность и оценивают австрийскую вежливость как слишком вежливую (*zu höflich*), преувеличенную и наигранныю (*übertrieben höflich*).

Известный врач, юрист и публицист Райнер Эрлингер дал такие определения феномену вежливость:

Die Höflichkeit ist somit eine zu tiefst demokratische, noch mehr egalitäre Haltung... In der Tat lebt man mit der Höflichkeit friedlicher und gesünder (ERLINGER 2016). Вежливость есть тем самым глубоко демократичное и взвешенное отношение... В самом деле, с вежливостью жить миролюбивее и здоровее.

Многие присущие австрийской лингвокультуре концепты также известны немецкому сознанию. Однако они отличаются и по понятийному объему, и по степени социальной важности. Например, *Kaffee*, *Kaffeehaus*, *Gemütlichkeit*, *Ruhe* оказываются в жизни австрийцев более важными, чем для немцев.

Любимая в Австрии поговорка *ubi Bohjne, ibi patria* 'там, где кофейные зерна, там и родина' — явное перефразирование латинской пословицы *ubi bene, ibi patria* — базируется, конечно же, на трепетном отношении австрийцев к кофе.

В австрийской культуре широко используется устойчивое выражение *Nur net hudeln!* 'Только не торопиться!' У Петера Хандке есть любопытное выражение: *Ruhe — das ist Österreich!* 'Спокойствие — вот что такое Австрия!' И это тоже яркая и признанная особенность австрийского менталитета. Медлительность — очень важная ценная установка в австрийской культуре.

Не менее важным представляется также особое отношение австрийцев к юмору. Прежде всего следует отметить высокую

степень австрийской самоиронии. Ярким примером может служить приписываемая некому австрийскому политику такое высказывание: «Австриец любит разглядывать свой пуп. Я имею в виду, что он видит в себе весь мир» (JAMES 2005) Следует отметить, что австрийский менталитет является отражением того факта, что австрийцам свойственно отрицание нового и скептический взгляд в сторону перемен (ЗАБОЛОТСКИХ 2018).

Разумеется, представленный список концептов, входящих в три национальные концептосферы, не следует рассматривать как исчерпывающий уже хотя бы потому, что они состоят не только из имен существительных, их образуют также и различного рода устойчивые и переменные словосочетания, и пословицы, и поговорки, и крылатые выражения. Например, в русской культуре это *23 февраля, 8 марта, не лаптем щи хлебать, не хлебом единым*. В немецкой культуре — *Ordnung über alles!* ‘Порядок превыше всего’, *3. Oktober ‘Tag der Deutschen Einheit’*, в австрийской культуре — *Maria Theresia, Schöne Leiche, Entweder-und-Oder-Politik* ‘Политика Или-Или’, *Wiener Walzer, Wiener Küche, Wiener Kaffeehaus, Das ist nicht mein Kaffee!* ‘Это не мое дело!’, *Verfluchtes Kaffeehaus!* ‘Черт возьми!’, а также многие другие языковые маркеры национального характера и традиций во всех указанных языках.

Менталитет порождает соответствующую ему культурную картину мира. Для всех народов видимый и ощущаемый мир один, но все-таки принимается по-разному. Западный человек полагается на свою энергию, инициативу, а русский — на верховную власть. У германца — вкус к отвлеченной мысли, у русских — смыкание знания с душой, ума — с сердцем.

Проникнуть в тайны национального менталитета можно прежде всего через язык. Язык выражает культуру этноса и формирует ценности, идеалы, моральные и нравственные установки. В значениях языковых знаков фиксируется национальный склад мышления. Таким образом, для изучения проблем ментальности и менталитета следует обращаться к национальному языку, в котором кроются ответы на важнейшие вопросы, как-то: что такое стиль мышления, культура, национальное самосознание этноса? Проблемы языковой объективации национального менталитета еще ждут своего решения. Первостепенное значение при этом,

на наш взгляд, имеют исследования национальных языковых картин мира на основе анализа национальных концептосфер, поскольку концепты представляют собой важнейшие единицы менталитета.

© В. Т. Малыгин

10. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БИЗНЕС-МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Введение

Мы живем в мире, в котором человек воспринимает многие вещи не напрямую, а иносказательно или посредством метафор — стилистически оформленных образных высказываний, описывающих явление или предмет. Метафорами наполнена вся наша жизнь; об этом говорили многие ученые: филологи, философы, психологи, специалисты в других научных областях. Так, например, американский лингвист-когнитивист Дж. Лакофф (George Lakoff) и американский философ и логик М. Джонсон (Mark Johnson) исследовали метафору как языковое явление и ее влияние на процессы порождения, восприятия и осознания высказываний, а также на закрепление содержащегося в этой метафоре смысла (LAKOFF & JOHNSON 1980).

В последнее время наблюдается новый всплеск интереса к описанию метафоры в целом и к пониманию метафорических моделей, парадигм или образов, которые формируют и конструируют бизнес-знания, практики и структуры. Написан ряд диссертаций, посвященных особенностям функционирования метафор в медийном дискурсе (ШИБАНОВА 1999; ШИРЯЕВА 1999; КОЛОТНИНА 2001; ТЕМНОВА 2004; САНЦЕВИЧ 2004 и др.), в деловом и рекламном дискурсах (ЧИЛИКИНА 2012; КЛИМЕНОВА 2010; ВЕРШИНИНА 2016 и др.), юридическом, спортивном, медицинском дискурсах и т. п.; создаются словари метафор различных предметных областей. Например: Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. *Словарь русских политических метафор*, 1994; *Concise Dictionary of Metaphors and Similies*, 2014; *Metaphors Dictionary*, 2001; Chetwynd J. *The Field Guide to Sports Metaphors: A Compendium of Competitive Words and Idioms*, 2016; Grothe M. I. *Never Metaphor I didn't Like: A Comprehensive Compilation of History's Greatest Analogies, Metaphors, and Similes*, 2008; Wilkinson D. *Concise Thesaurus of Traditional English Metaphors*, 2013; Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Yu. *Materials for the dictionary of metaphors and similes Russian literature XIX-XX centuries. Issue 1. Birds* (Russian

Edition), 2018; последние издания учебных одноязычных словарей. В частности, в *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners* отдельно выносятся информация о частотных концептуальных метафорах. Появляются различные корпуса деловых текстов, на основе которых проводятся соответствующие исследования и составляются словари бизнес-метафор, например, *Online PolyU Business Corpora*¹ включает три сопоставимых корпуса китайских, английских и японских деловых текстов, большинство из которых взяты из разделов газет, посвященных бизнесу и финансам, написанных на этих языках, которые охватывают новости и отчеты от аудита и бухгалтерского учета. Помимо газет, другими источниками данных корпуса являются документы компаний, годовые отчеты, пресс-релизы, а также онлайн-версии брошюр, листовок и других рекламных текстов, доступных в Гонконге или Японии.

Известный отечественный нейропсихолог А. Р. Лурия в своей работе *Язык и сознание* поднимал существенный вопрос,

какие мозговые механизмы обеспечивают понимание подтекста, то есть ответственны за «глубину прочтения текста», за процесс перехода от внешнего значения речевого сообщения к его внутреннему, скрытому, эмоциональному смыслу? (Лурия 2022: 421).

Можно сказать, что именно метафоре предназначена роль формирования мысли говорящего посредством эмоционально-экспрессивной формы ее выражения.

Метафора проявляется в разных сферах деятельности человека и используется в разных жизненных ситуациях, в том числе на работе. Деловая жизнь человека часто напрямую или опосредованно связана с международным бизнес-пространством: это может быть работа в иностранной компании, обращение к зарубежным деловым инстанциями, работа с профессиональными источниками, общение с бизнес-партнерами. При этом от хорошего специалиста требуется высокий уровень профессионального владения иностранным языком, как минимум английским.

Поскольку роль метафоры, в том числе при обучении деловому английскому языку, не до конца исследована, и, как резуль-

¹ <https://www.corpus4u.org>.

тат, не имеет пока широкого распространения в подходах к обучению, в данной работе выдвинута *гипотеза* о том, что бизнес-метафора, являясь лингвистическим и психологическим феноменом широко представленном в современном деловом дискурсе, может быть использована как инструмент для понимания происходящих в деловых мультилингвальных кругах процессах. Авторами предпринята попытка изучить этот феномен и предложить способы его использования при изучении и практическом применении делового английского языка.

Теоретические предпосылки и аспекты проявления бизнес-метафоры в деловом дискурсе

Понятие «метафора» и ее проявления в дискурсе

Понятие «метафора» достаточно емкое и многозначное. В самых общих чертах его можно обозначить как образное выражение.

Еще в древнем античном мире риторы употребляли *flores eloquentiae* ‘цветы красноречия’ — тропы и фигуры речи, справедливо полагая, что они способствуют более образному восприятию и лучшему запоминанию высказывания.

В *Словаре лингвистических терминов* под редакцией О. С. Ахмановой термин метафора определен как «перенос значения. Троп,² состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т. п.», а сам процесс метафоризации в том же издании определен как «расширение смыслового объема слова за счет возникновения у него переносных значений и усиления его экспрессивных свойств» (АХМАНОВА 2020: 231).

Оригинальные идеи Лакоффа и Джонсона о концептуальности метафоры были изложены ими в книге *Metaphors we live by* (1980). Авторы предложили переосмыслить подход к пониманию уникальной роли метафоры в системе когнитивного восприятия и отражения окружающего мира. В исследовании отмечается, что

язык воображения, особенно метафора, необходим для выражения уникальных и наиболее важных для отдельных личностей аспектов опыта, для персонифицированного понимания обычного согласования значений слов недостаточно (ЛАКОФФ & ДЖОНСОН 2004: 212).

² Троп в переводе с греческого означает ‘поворот, оборот, образ’.

В системе западного и отечественного языкознания метафора традиционно описывалась как языковое явление. Труд Лакоффа и Джонсона помог раздвинуть рамки традиционного подхода и воспринять метафору как изначально ментальную, понятийную конструкцию, ответственную за восприятие и мышление, заполненную ключевыми образами, посредством которых развивается человеческая мысль. Лакофф отмечал, что понятийная система человека метафорична по своей сути. Чем больше индивид абстрагируется, тем больше метафорических слоев требуется для выражения мысли. Люди в обычной жизни часто не замечают, что они употребляют в своей речи метафоры, так как многие метафоры стали настолько устоявшимися в нашей речи, что мы уже с трудом можем проследить историю их происхождения (ibid.).

Во второй половине XX столетия начали появляться новые направления в искусстве и философии. Это привело к тому, что сухой формализм, укоренившийся в сознании как необходимая составляющая делового общения, стал на рубеже XXI в. сдавать свои позиции, сознание человека стало тяготеть к более свободной и образной форме выражения. Необходимо отметить, что изменения коснулись не всех областей деловых взаимоотношений. В наши дни разумный баланс, безусловно, соблюдается; не оспаривается необходимость в четком и однозначном представлении материала, например, в договорных отношениях или в официально публикуемых отчетах, инструкциях или формах-анкетах. Но наряду с этим в устном общении на бизнес-конференциях, круглых столах или в рабочих группах, а также во внутренних рассылках компаний стали все чаще появляться так называемые «живые тексты», насыщенные запоминающимися фразами и меткими определениями, что способствовало новому отношению к подаче информации и, как результат, к лучшему пониманию и запоминанию бизнес-целей. Это послужило причиной тому, что в деловую речь стали все больше проникать метафоры. Они не только служили инструментом сопряжения сухого делового стиля с разговорным, но помогали сделать важные акценты на тех ключевых понятиях или целях, о которых в этих текстах говорилось.

Лакофф отмечал, что

причина нашего пристального внимания к метафоре заключается в том, что она объединяет разум и воображение. Мышление, как минимум, предполагает категоризацию, выведение следствий и умозаключений. Одна из множества ипостасей воображения связана с восприятием сущности одного вида в терминах сущности другого вида — то, что мы называем метафорическим мышлением. Таким образом, метафора — это воображаемая рациональность (ЛАКОФФ & ДЖОНСОН 2004: 215).

Типология метафор

В разное время ученые задумывались над тем, как провести классификацию метафор. В статье Т. Ф. Кияненко «Естественная классификация метафор по структурно-генетическому признаку» уже в 1968 г. отмечалось, что

проблема классификации метафор... имеет большое значение для самых различных областей языкознания... этот интерес к классификации вполне закономерен, ибо научная классификация дает возможность обнаружить объективный закон, охватывающий все классифицируемые явления, и если роль метафоры в развитии языка действительно велика, то закон, обнаруженный через классификацию метафор, должен, по-видимому, быть одним из основных законов развития языка (КИЯНЕНКО 1968: 59).

В той же статье автор ссылается на известного швейцарского лингвиста Ш. Балли, который «в частности, классифицирует метафоры по семантическому (и в то же время психологическому) принципу, выделяя три типа метафор: живые, ослабленные, стершиеся» (ibid.: 61).

Живая метафора — это метафора, которая живет в сознании. Она ассоциативна и связана, по определению Балли, с «живой этимологией, существующей в языковом сознании» (БАЛЛИ 2001: 51). Балли отмечал, что живая речь человека отличается от логически определяемой схемы, так как подвергается воздействию эмоционально-экспрессивных факторов, что затрудняет классификацию ее языковых проявлений, таких, например, как метафора.

Стершаяся или стертая метафора — это устоявшаяся метафора, которую мы употребляем по привычке, и смысл которой хорошо и давно всем известен. Ее фигуральный характер практически не ощущается, в связи с ее широким употреблением. В

деловом языке примерами стертой метафоры могут служить такие выражения как *бизнес-пространство, деловой завтрак, кофе-брейк*.

Ослабленной метафорой называют сравнение. Так, в английском языке simile ‘сравнение’ — это троп с использованием сравнительных наречий like или as ‘как’, что вносит конкретику в восприятие создаваемого образа, основанного на контрастном сопоставлении, и являет собой пример упрощенной или ослабленной метафоры.

Т. И. Вендина выделяет следующие типы метафор:

— сухие метафоры (образность которых стерлась в процессе эволюции языка);

— образные метафоры (иносказательные обозначения предметов или явлений внешнего мира; они придают экспрессивную окраску высказыванию);

— поэтические метафоры (образные метафоры, характерные для художественной литературы);

— газетные метафоры (характерные для публицистических материалов);

— авторские метафоры (индивидуальные, характерные для стиля того или иного автора) (ВЕНДИНА 1998).

Интересно, что автор выделяет в своей классификации газетные метафоры, которые в современном понимании представляют собой метафоры медиадискурса, однако другие предметные области функционирования не рассматриваются.

Существуют иные классификации метафор, например, предложенная российским лингвистом В. П. Москвиным:

— по семантическому признаку (по виду субъекта — основному или вспомогательному);

— по формальному признаку (живые, ослабленные и мертвые, как у упомянутого выше Бали);

— по функциональному признаку (словесные метафоры, подразделяющиеся на частеречные и синтаксические, метафоризированные словосочетания, фразовые и текстовые метафоры) (МОСКВИН 2019).

В свою очередь, в книге *Язык метафор* А. Гоатли так группирует метафорические модели в английском лексиконе:

— общие овеществляющие (general reifying): создание, разрушение, преобразование, передача, обращение, обладание, воздействие, пространство, место, близость, измерение, форма, части, восприятие и видение;

— конкретное овеществление (specific reifying): физические свойства могут фигурировать как абстрактные качества;

— одушевление и персонификация (animizing and personifying): абстрактные сущности представлены не просто как конкретные, но как одушевленные и человеческие;

— материализация абстрактного процесса (materializing abstract process): внутренние ментальные процессы метафорически представлены как перцептивные процессы (GOATLY 1997: 46-53).

Лакофф и последователи его теории концептуальной метафоры предложили свою типологию метафор, в основе которой была градация по отношению к понятийной системе человека:

Ориентационные метафоры — в их основе заложена пространственная ориентация и связанные с ней «оппозиции» или противопоставления: верх — низ, внутри — снаружи, спереди — сзади, глубокий — мелкий, центр — периферия и т. д. При этом жизненный опыт человека на его когнитивном уровне подсказывает, что стремление вверх — это хорошо, а падение вниз — плохо, когда чего-то много — это тоже хорошо, а когда мало, то плохо.

В деловом английском можно привести такой пример, как 360 feedback ‘метод «360 градусов»’ — термин, используемый в отделе по работе с персоналом, заключающийся в сборе данных посредством анкетирования для оценки работника его окружением, конечной целью которого является выявление соответствия компетенций работника занимаемой должности.

Онтологические метафоры — в их основе заложен наш жизненный опыт, который связан как с восприятием неких физических объектов (предметов, веществ, нашего тела), так и наших чувств, деятельности, эмоций и т. д. Метафоры такого типа связаны со способностью человека физически существовать и ощущать мир, а также с его способностью распознавать объекты и явления, вычленять, оценивать и т. д. Среди них Лакофф выделяет такие метафорические объекты как «сущность» («entity»), «вместилище» («container»), «олицетворение» («personification»),

когда некий материальный объект интерпретируется через связанные с человеческим восприятием характеристики.

Примерами этого типа метафор могут быть такие выражения, как: «*мягкий характер*», «*погружаться в размышления*», «*инфляция атаковала нас*».

Структурные метафоры — это метафоры, охватывающие более сложные и абстрактные понятия.

Необходимым «условием для утверждения о существовании той или иной структурной метафоры является ее регулярность, подтвержденная некоторым числом соответствующих метафорических выражений... Это число не уточняется, однако очевидно, что чем больше корпус примеров, тем более обоснован вывод о наличии метафорического отображения (СКРЕБЦОВА 2018: 52).

Примером могут служить такие метафоры как «*спор — это война*», «*жизнь — это путешествие*», «*время — это деньги*» и т. д.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что почти в каждой предметной области есть свои метафоры. Известны исследования политических метафор, медицинских метафор, юридических метафор и т. п. Настоящая работа посвящена вопросам моделирования и конструирования бизнес-метафор.

Бизнес-метафора как ядро высказывания

Метафоры делового английского языка могут отражать и действительно отражают ценности, убеждения и нормы, которые преобладают в языке делового общения в англоязычных странах и во многих международных компаниях, в которых английский является лингва-франка. Образные выражения часто оказываются предпочтительным способом передачи смысла, и участники общения склонны использовать метафорические выражения как в письменном, так и в устном дискурсе. Благодаря метафорам пользователи делового английского языка могут выражать взгляды, чувства и мнения в более эмоциональной и убедительной манере.

В связи с особенностью метафоры емко и образно выражать смысл, она часто приобретает статус фразы-клише. Так, язык делового общения содержит множество примеров универсальных метафор, которые встречаются во многих языках, например, те, которые представляют бизнес как борьбу или войну. С помощью

образных выражений люди могут передать образ деловых отношений как борьбу с конкурентами за завоевание рынка, объединение и консолидацию усилий, формирование партнерств (to win a market; price war, strategic alliance).

В деловом языке метафора часто заменяет некое понятие, которое появляется в языке в связи с новыми идеями, технологиями или с новыми концептами. Примером использования метафоры в авиаиндустрии может служить, например, метафора Open Sky 'Открытое небо', которая заключает в себе смысл пространства, в воздушных пределах которого действуют определенные международные авиационные соглашения.

При изучении делового языка важно учитывать процесс метафоризации, поскольку в каждой индустрии определение каких-либо специфических понятий или явлений часто передается именно посредством метафоризации. Возникающие образные выражения составляют своеобразный «словарь терминов», на котором общаются «посвященные». А. А. Реформатский говорил, что «любое слово, а тем более термин — это сгусток смысла» (цит. по: СУРИКОВА 2021: 53). В профессиональной среде с ее многозадачностью и требованием соблюдения сроков исполнения (deadlines — это выражение само по себе представляет собой метафору, в основе которой лежит концепт ВРЕМЯ) возникает потребность емкого выражения мыслей,

поэтому в тематически специализированной сфере терминология, организованная в терминосистемы, становится наиболее экономным языковым средством отражения действительности и выражения смысла (ibid.: 53-54).

Новичок, приходящий в такую узкопрофессиональную среду, часто не понимает смысл разговоров, которые ведут коллеги, общаясь друг с другом в рабочей обстановке или во время перерыва на кофе, за столом переговоров или на конференциях, а также в деловой переписке. Освоение этого профессионального сленга облегчается контекстной составляющей. Поэтому при обучении деловому английскому важно читать учебные деловые тексты несколько раз: сначала — для прочтения с целью понимания основного смысла (ознакомительное чтение), затем для вы-

явления в тексте метафор (поисковое чтение), и в конце — прочтение с целью понимания самого текста (изучающее чтение). Данный прием психологически настраивает на встречу с неизвестными понятиями, мотивирует их поиск, а также формирует навык контекстного восприятия смысла высказывания.

Лакофф рассматривает примеры, в которых метафорично (по своей сути) представлено понимание того, что хорошо, и что плохо. Движение вперед — это хорошо, высокие цели, движение вверх — это тоже хорошо. Тормозить процесс, топтаться на месте, падать вниз по карьерной лестнице — это плохо. Пространственные метафоры, о которых говорит автор, заложены в нашем восприятии мира на уровне подсознания, поэтому мы и оперируем ими в нашей жизни. Это универсальные понятия, сформированные у нас с детства; они находят выражение и в обыденной жизни, и в деловом общении (LACKOFF & JOHNSON 1980).

Важно понимать механизм введения бизнес-метафоры в текст. Часто используется центральное, ядерное слово или словосочетание, которое может стать новым термином или понятием. Смысл введения в текст образного выражения сходен с задачами древних риториков — донести смысл так, чтобы образно закрепить его в памяти слушающего или читающего. Часто такие новые понятия или термины имеют толкование в самом тексте: их объясняют с целью донести смысл, например, предваряя вхождение в текст бизнес-метафоры, или напротив, вводят термин, который объясняется далее по тексту, часто с применением видео ряда (например, картинок, графиков и т. д.) или уместного примера.

Иногда перевод бизнес-метафоры на родной язык вообще не нужен, так как он может исказить заложенный смысл либо из-за отсутствия прямого аналога (эквивалента), либо из-за семантической особенности конкретного языка. На практике такие образные выражения так и применяются на языке оригинала, они часто становятся устоявшимися выражениями, используемыми в том числе в профессиональной среде, например, benchmarking 'бенчмаркинг', back-office 'бэк-офис'.

Есть и другие бизнес-метафоры, которые сродни обычным образным выражениям; они могут употребляться не только в де-

ловой речи. Такие примеры чаще встречаются среди концептуальных метафор, к которым мы привыкли и на происхождение которых не обращаем внимания. Например, фраза *his income fell last year* ‘его доход упал в прошлом году’. Это пример концептуальной ориентационной метафоры: *more is up less is down* ‘больше — верх, меньше — низ’.

При ознакомлении текстов с бизнес-метафорами очень важно учитывать особенности их употребления с опорой на контекст, так как даже устоявшиеся метафоры могут приобретать в отдельных случаях уникальный смысловой оттенок.

Функционирование бизнес-метафор (на материале авторского корпуса деловой переписки)

Метафору можно определить как перенос литературного значения слова в другой контекст, что означает, что одна вещь описывается в терминах какой-то другой вещи, например, время — деньги, дойная корова, спящая красавица. Именно идея сравнения или сходства, заложенная в суть метафоры, создает ее основу, при этом вместо буквального значения слова или выражения носители родного языка могут легко применить метафору, и смысл высказывания с его переносным значением будет понятен собеседнику. Метафоры несут в себе специфику культурного слоя, раскрывая при этом модели мышления, характерные для отдельных людей и групп. Метафоры делового английского языка способны и по своей сути действительно отражают те ценности, убеждения и нормы, которые преобладают в языке делового общения в англоязычных странах, при этом образные выражения становятся неотъемлемой частью бизнес-общения во многих международных компаниях.

Устоявшиеся бизнес-метафоры

В статье Э. Дженрих «Метафора в деловой коммуникации»³ предлагается следующая типология бизнес-метафор:

- по формальному признаку, то есть исходя из структуры;
- по семантическому признаку, то есть исходя из контекстного значения фразы, в которой используется метафора.

³ <https://cyberleninka.ru/article/n/metaphors-in-business-communication/viewer>.

Структурный подход, по мнению автора, представляет собой деление метафор по морфологическим и синтаксическим признакам, таким образом его можно применять к устойчивым выражениям, попавшим в словари. Рабочий корпус данного исследования представляет собой коллекцию деловых текстов, который позволил выделить «живые» (современные) и устаревшие (стандартные) метафоры. Работа с корпусом представляет хороший способ выявления наиболее частотных слов и выражений посредством такого инструмента, как конкорданс и списки ключевых слов. В подкорпус, где хранятся тексты делового языка, поступает информация из разных источников, таких как периодика, реклама и маркетинг, опубликованные рамочные договоры, образцы бизнес-переписки, финансовые документы и т. д.

Ниже приведены некоторые примеры устоявшихся бизнес-метафор из различных областей, разделенных на категории по количественному признаку.

1. Однословные бизнес-метафоры.

Anchор ‘якорь’ — единица для сравнения показателей (в маркетинге);

Bubble ‘пузырь’ — экономический цикл от быстрого роста актива до его снижения;

Dog ‘собака’ — маленький бизнес, не имеющий определяющей доли на рынке;

Float/Flotation — плавающий (курс);

Goodwill — деловая репутация компании;

Incubator ‘инкубатор’ — компания, занимающаяся поддержкой проектов молодых предпринимателей;

Mushroom ‘гриб’ — грибное управление, т. е. управление компанией, в которой каналы связи между менеджерами и сотрудниками работают неэффективно, и где руководство «держит сотрудников в неведении» в отношении бизнес-решений, которые влияют на их работу и занятость;

Template ‘шаблон’ — любой текст, документация или процедуры, которые могут быть повторно использованы более одного раза в новом контексте без каких-либо существенных изменений в исходном.

Примеры использования однословных бизнес-метафор.

Goodwill is the largest intangible asset on the company's balance sheet. Деловая репутация является крупнейшим нематериальным активом на балансе компании.

Company's management recently announced the *templates* recommended for use in official correspondence. Недавно руководство компании объявило о шаблонах, рекомендованных для использования в официальной переписке.

2. Двухсловные бизнес-метафоры.

Back-office 'бэк-офис' — сотрудники, несущие функции по оформлению, учету и регистрации договоров, проведению финансовых операций, анализу и т. д. и не принимающие непосредственного участия в продажах и обслуживании клиентов;

External Secondment 'внешний заместитель' — работник, временно исполняющий работу в другой организации, например, дочерней;

Fixed assets 'основные средства' — закрепленные активы, т. е. оборудование, техника, здания и т. д.;

Golden Parachute 'золотой парашют' — крупная выплата выходного пособия при увольнении;

Garden leave 'командировка в сад' — отстранение от должности на оговоренный с сотрудником период с сохранением заработной платы, при котором сотрудник не допускается к работе;

Head office 'головной офис' — офис по месту регистрации компании;

Sister company 'дочерняя компания' — компания, находящаяся полностью или частично под контролем Головной компании;

Tangible assets 'материальные активы' — осязаемые, материализованные активы компании (финансовый термин);

Talent Pool 'кадровый резерв' — база данных потенциальных кандидатов на должности в компании.

Примеры использования двухсловных бизнес-метафор.

Did you hear that Sam Williams has left Simon & Co last month and was given a *golden parachute*? Ты слышал, что Сэм Уильямс покинул «Саймон энд Ко» в прошлом месяце и ему выдали «золотой парашют»?

There were many representatives from the *head office* at the regional conference. На региональной конференции было много представителей, приехавших из головного офиса.

Unsuccessful staff will be inducted into the *Talent Pool*, upon the completion of the recruitment process and will be informed ahead of time.
Не прошедшие отбор сотрудники будут включены в кадровый резерв по завершении процесса найма и будут проинформированы об этом заранее.

3. Составные бизнес-метафоры.

Asset-stripping ‘обнажение активов’ — освобождение от активов, т. е. поглощение компании, акции которой котируются ниже стоимости ее активов, с целью их последующей продажи для получения прибыли;

Benchmarking ‘бенчмаркинг’ — сопоставительный анализ на основе имеющихся эталонных показателей, обычно формируемый посредством анализа данных крупных компаний, согласившихся открыто разместить информацию;

Blue-collar workers ‘синие воротнички’ — сотрудники, исполняющие трудовую функцию рабочего класса;

Brainstorming ‘брейнсторминг’ или ‘мозговой шторм’ — напряженная работа по поиску нестандартных новых решений;

Cheerleader ‘чирлидер’ — мотиватор, т. е. человек, который разделяет определенные идеи или планы и старается увлечь этой идеей других;

Data-mining ‘интеллектуальный анализ данных’ — процесс, который компании используют для превращения необработанных данных в полезную информацию. При этом используют программное обеспечение для поиска закономерностей в больших массивах данных, чтобы больше узнать о клиентах, извлекают информацию из наборов данных и сравнивают ее, чтобы помочь бизнесу принимать решения;

Deadline ‘дедлайн’ — крайний срок, к которому должно быть что-либо сделано;

Greenfield ‘зеленое поле’ — регион, в который продавец продает товары или услуги компании, которые ранее не продавались и воспринимаются в новинку;

Headcount ‘штатная единица’ — дословно: подсчет голов;

Kickback ‘взятка’ — «откат»;

Money-grabbing ‘захват денег’ — мошенничество;

Offshoring ‘оффшоринг’, ‘дальний берег’ — решение бизнеса

(или правительства) переместить часть бизнеса или его регистрацию за рубеж с целью упрощения его ведения или оптимизации затрат;

Outsourcing ‘аутсорсинг’ — привлечение внешних сотрудников;

Shortlist ‘короткий (выверенный) список’ — выбранный список кандидатов после их отбора;

Startup ‘стартап’ — запуск нового бизнеса, проекта, работа с нуля;

Underwriting ‘андеррайтинг’ — страхование; дословно: подпись.

Примеры составных бизнес-метафор.

The manufacturing company decided to sign a contract with an agency that will provide them with *outsourcing* employees. Производственная компания решила подписать контракт с агентством, которое предоставит им аутсорсинговых сотрудников.

Jill was offered a job, because employer liked her experience in different *startup* projects. Джилл предложили работу, потому что работодателю понравился ее опыт участия в различных стартап-проектах.

The group announced a £50 million investment in insurance *underwriting*. Группа объявила об инвестициях в размере 50 миллионов фунтов стерлингов в страховой андеррайтинг.

Классификация устоявшихся бизнес-метафор

Устоявшиеся бизнес-метафоры интересно исследовать, исходя из предложенных Лакоффом категорий или концептов.

Концепт ВОЙНА, БОРЬБА И СОПЕРНИЧЕСТВО

Recent *aggressive advertising campaign* held by Adidas in Stockholm shifted the customer demand and left their yesterday’s allies to count loses. Недавняя агрессивная рекламная кампания, проведенная компанией Adidas в Стокгольме, изменила потребительский спрос и заставила ее вчерашних союзников подсчитывать убытки.

The CEO of the company concluded his speech at the conference by reciting the slogan: Promote our mission and *beat the competition!* Генеральный директор компании завершил свое выступление на конференции девизом: «Продвигайте нашу основную идею и обходите конкурентов!»

The company had to slow its expansion because of *cut-throat competition*. Компании пришлось замедлить свое расширение из-за жесткой

конкуренции.

We are having some confusion around the *lines of command*. У нас возникла некоторая путаница в вопросах субординации.

Концепт ИГРА и СПОРТ

Our employees will have the opportunity to work with *leading edge technologies* that will impact the nation's most critical infrastructures. Наши сотрудники будут иметь возможность работать с передовыми технологиями, которые окажут влияние на наиболее важные инфраструктуры страны.

Coca-Cola was a *play hardball* when it entered the Hong Kong market and pushed local producers of national soft drinks. «Кока-кола» вела жесткую игру, когда вышла на рынок Гонконга и потеснила местных производителей национальных безалкогольных напитков.

Today, gaming technology takes a *huge leap* forward. Сегодня игровые технологии совершают огромный скачок вперед.

In the NLP approach, *win-win negotiations* are recognized as the most successful, because they are based on rapport. В подходе НЛП беспроблемные переговоры признаются наиболее успешными, поскольку они основаны на взаимопонимании.

Концепт ТЕЛО, ЗДОРОВЬЕ и МЕДИЦИНА

Government is trying to *brainwash* them into thinking that war cannot be avoided. Правительство пытается промыть им мозги, заставив думать, что войны избежать невозможно.

Interest rates are rising fast, and more people than ever before are up to the *eyeballs* in debt. Процентные ставки быстро растут, и больше людей, чем когда-либо прежде, по уши в долгах.

They will participate in workshops and get *hands-on experience* leading classes. Они примут участие в семинарах и получат реальный опыт ведения занятий.

Концепт ЦВЕТ

Sales in the *brown goods* sector have doubled in five years. Продажи в секторе электроники удвоились за пять лет.

It was a *golden opportunity* for Mary to join Baker & McKenzie just after her graduation from Oxford law school. Для Мэри это была прекрасная возможность поступить на работу в Baker & McKenzie сразу после окончания Оксфордской юридической школы.

The campaign was little more than *greenwashing* to improve the oil company's image. Эта кампания была не более чем обманчивым пиаром, направленным на улучшение имиджа нефтяной компании.

Концепт ЖИВОТНЫЕ

Many *copycat* products can be found in the Hong Kong market. На рынке Гонконга можно встретить много подделок.

Poland became one of central Europe's *economic tigers*, with an annual growth rate of 5 to 7%. Польша стала одним из экономических тигров Центральной Европы с ежегодными темпами роста от 5 до 7 процентов.

Wildcat drilling is a big risk but investors could reap huge profits if oil is found. Бурение на «дикой природе» сопряжено с большим риском, но инвесторы могут получить огромную прибыль, если нефть будет найдена.

Современные бизнес-метафоры

В этом разделе предлагается анализ аутентичных текстов, содержащих актуальные бизнес-метафоры, взятые из открытых источников авиакомпании «Оман Эйр». Примеры для анализа взяты из информационной рассылки: бизнес-новости, рекламные акции, объявления, дайджесты индустриальных событий и прочее. Деловые документы проанализированы с целью выявления бизнес-метафор для понимания заложенного в них смысла, целостного восприятия текста и осознания целей и задач, которые ставят авторы, посылая данную информацию сотрудникам компании и партнерам по бизнесу.

- (1) Oman Air Holidays, the *tour operating arm* of Oman Air — has launched a digital platform giving locally owned and operated SMEs in travel and tourism sector greater *online presence* and visibility in front of a broader range of international customers. Oman Air Holidays — партнер Oman Air в туристической индустрии — предложил новую платформу, позволяющую местным предприятиям среднего и малого бизнеса в сфере туризма расширенное размещение на онлайн-платформах, где они будут заметны более широкому кругу международных клиентов.

В этом предложении использована метафора частей тела («operating arm»), несущая смысл использования руки как инструмента для проведения каких-либо активных действий.

Online presence — метафора присутствия (в Интернете), аналогично присутствию одушевленного существа в каком-л. месте.

- (2) Digitalization initiatives bring Omani SMEs *out of shadows and into the spotlight* where they can *truly shine* as local service and product provid-

ers. Инициативы по цифровизации выводят оманские предприятия среднего и малого бизнеса из тени в центр внимания, где они смогут по-настоящему проявить себя в качестве местных поставщиков продукции и сервиса.

В предложении применены три метафоры света: выйти из тени («be out of shadow»), превратиться в прожектор — центр внимания («spotlight»), заблистать / проявить себя («truly shine»). Все они в контексте связаны с инициативами — абстрактными понятиями, которые посредством образных выражений выходят из тени в свет, т. е. попадают в центр внимания и, подобно звездам, начинают там блистать. Таким образом, авторы текста концентрируют внимание читателей на перспективах использования предлагаемой цифровой платформы, рекламируя свои услуги.

(3) Despite the ongoing global pandemic, 2022 is *destined to be* exciting, productive and rewarding. Несмотря на продолжающуюся пандемию 2022 г. суждено стать впечатляющим, продуктивным и успешным.

Метафора судьбы, предназначения выбрана в данном новогоднем послании от генерального директора не случайно. Предыдущий период был для авиаиндустрии убыточным в связи с приостановкой полетов авиакомпаний по всему миру из-за пандемии Covid19. Для поддержания духа сотрудников было выбрано позитивное образное выражение «*destined to be*» ‘суждено стать’ с целью убедить коллег, что грядущий год принесет перемены к лучшему.

(4) The *underlying objective* of the plan is to *right-size the airline* so we can reach our targeted operational “*break even*” point by 2025. Основная цель нашего плана заключается в том, чтобы правильно оценить возможности авиакомпании, чтобы мы смогли достичь запланированной точки безубыточности к 2025 году.

В этом предложении наблюдается сразу несколько образных выражений. Метафора *underlying objective* ‘подчеркнутая задача’ — основная цель — выступает здесь как ключевой момент: подчеркнутость, выделенность, метафора акцента, внимания.

‘*To right-size the company*’. Это выражение — пример трансформационной метафоры, при котором существительное *size* (размер) вместе с прилагательным *right* (правильный) выступают

в роли глагола to right-size ‘правильно определить размер’. Грамматическая конструкция с переходным фразовым глаголом to right-size the airline выражена метафорически и означает правильную оценку компании. С точки зрения концептуального подхода, выражение to right-size — это математическая метафора, при использовании которой происходит перенос значения с математической сути расчета размера на оценку компании в целом.

Экономический термин break even (или break-even point) означает точку безубыточности и является по своей сути метафорой. Этот термин употребляется в основном в финансовой сфере и обозначает покрытие расходов доходами, при котором не возникает ни прибыли, ни убытка.

Представляется, что данный материал в последующем может быть аккумулирован в специализированный тезаурус по деловому английскому языку и представлен в идеографической форме.

Заключение

Метафоры особенно распространены в деловых текстах как на английском, так на других языках, и метафорическое значение часто занимает более важное место, чем буквальное. Эта тенденция должна учитываться при установлении определения и порядка следования смыслов в бизнес-лексиконе. Каждая культура имеет свой «пакет» метафор, и их значения также меняются в зависимости от регистра. Различия заключаются в отдельных метафорах, используемых в каждом языке, а не в концептуальной структуре. Поскольку процесс коммуникации — это в некоторой степени творчество, метафоры неизменно воплощают культурные ценности и аналогии, характерные для контекста, в котором они возникают. В связи с этим представляется важным продолжать исследование по составлению корпуса текстов деловой коммуникации и обратиться не только к выделению метафор, но и к изучению культурологического компонента. Например, даже там, где используются сходные образы, существуют значительные различия в метафорических коллокациях и употреблении в разных языках.

Для изучения бизнес-метафоры как лингвистического феномена в настоящей работе был использован общий филологиче-

ский подход при анализе различных примеров устойчивых и современных бизнес-метафор, а также метод контекстуального анализа с опорой на теорию концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона.

Приведенные примеры бизнес-метафор и их анализ показывают, насколько обширным является образный словарь современного делового английского языка, и каковы формы его представления. Бизнес-метафоры отражают многие явления современного мира, начиная с профессионального сленга и заканчивая теми выражениями, которые перешли из делового языка в повседневную речь, представляя собой уже стершиеся метафоры.

Вместе с тем количество новых образных выражений растет ежедневно, и современный деловой язык уже давно не является тем скучным и формализованным проявлением делового документооборота, каким он был всего несколько десятилетий назад. Напротив, современный деловой язык — это живой и подвижный организм, который совмещает в себе фактологическую основу, присущую деловому стилю, и образность литературного языка. Можно сказать, что на современном этапе деловой язык приобретает новую форму подачи информации, не последнюю роль в которой играют бизнес-метафоры.

© С. А. Маник, Ю. В. Бородовская

11. DIE PHONOSTILISTISCHEN AUSSPRACHEVARIANTEN IM FREMDSPRACHENUNTERRICHT

Einführung

Die geltenden Hochschulprogramme für den Fremdsprachenunterricht (FU) Deutsch berücksichtigen in der normativen Phonetik vor allem die Aussprachenorm (Standardaussprache), die in den Aussprachewörterbüchern fixiert ist. Dabei werden leider die stilistischen Aussprachevarianten meistens außer Acht gelassen. Die innere Differenzierung von Existenzformen der Sprache wie Literatursprache (Standard), Umgangssprache, Dialekt (regionale Verbreitung) sowie Verteilung auf soziale Gruppen (sog. sprachliche Varianten der Fach- und Gruppensprachen) wird in der Linguistik seit langem behandelt. Einen besonders großen Aufschwung fanden die Untersuchungen der sozialen Natur der Sprache in den letzten Jahren.

Die in den letzten Jahrzehnten durchgeführten experimentellen Forschungen beweisen deutlich, dass die Aussprachenorm nicht homogen, sondern sehr variabel ist (BEITRÄGE... 1961). Sie ist wesentlichen Veränderungen unterworfen, die ihre Erklärung im Vorhandensein einer Reihe von funktionalen, regionalen und sozialen Sprachnormen findet. Dabei spielt die Sprechsituation eine wesentliche Rolle. Sprachliche Differenzierungen bilden sich dann entsprechend den unterschiedlichen sozialen, funktionalen und situativen Kommunikationsbedürfnissen heraus und „beruhen auf den Determinationen der extralinguistischen Dimensionen Zeit, Raum, soziale Position (soziale Biographie) und Situation“ (SCHÖNFELD 1985). Das bedeutet also, dass „verschiedene Typen gesellschaftlicher Tätigkeit unterschiedliche Arten sprachlich-kommunikativer Tätigkeit und dementsprechend eine Differenzierung des sprachlichen Zeichensystems erfordern“ (SCHARNHORST 1986). Diese Faktoren der gesellschaftlichen und sprachlichen Realität — in ihrer Verbundenheit und gegenseitigen Determiniertheit — dienen und dienen auch jetzt als Objekte soziolinguistischer Forschungen. Längere Zeit wurden diese Faktoren aber im praktischen FU nicht berücksichtigt.

Aussprachevarianten des Deutschen

Noch Ende des 19. Jahrhunderts wurde der erste Anstoß zu einer Regelung der gesprochenen deutschen Sprache gegeben. Als Grundlage

dieser über den Mundarten stehenden Lautung wurde die Sprechweise auf den bedeutenden Bühnen jener Zeit gewählt. Die ursprüngliche Kodifizierung wurde später kaum verändert, obwohl inzwischen eine Akzentverlagerung von der Bühne auf Rundfunk, Film und Fernsehen erfolgte und andere sprachliche Spannungsstufen voraussetzte. Die Besonderheiten der Sprechweise zahlreicher sozialer Gruppen und Schichten einerseits und die phonostilistischen Besonderheiten der Sprache andererseits wurden ebenfalls ignoriert. Diese Tatsache ist nicht nur für die deutsche Sprache, sondern für alle Sprachen in ihrer sozialen Funktion von großer Bedeutung. Die Aussprachevarianten

...verhalten sich hier nicht wie Naturgesetze, sondern sie sind wandelbar und zu ergänzen. Es liegt in ihrem Wesen, dass sie sich einer veränderten kulturellen oder gesellschaftlichen Entwicklung anpassen. Tun sie es nicht, so sind ihre Forderungen nicht mehr normativ, sondern historisch (BEITRÄGE... 1961: 10).

Die Normierungsgrundlage der deutschen gesprochenen Sprache widerspiegelte anfangs kaum die realen kommunikativen Bedürfnisse der Sprachträger und noch weniger die deutsch lernenden Ausländer.

Die ersten Versuche einer funktional-stilistischen Differenzierung der Spracherscheinungen sind den Lexikologen zuzuschreiben, so z. B. den Autoren des *Wörterbuches der deutschen Gegenwartssprache* (WDGS 1969-1977), die die Lexik nach vier Stilschichten markiert haben. Eine andere Seite der Frage ist aber noch nicht berücksichtigt worden: die quantitative Verwendung lexikalischer Formen durch die Repräsentanten verschiedener sozialer Gruppen und Schichten, was die soziale Inhomogenität der Gesellschaft, ihre Gegliedertheit, zum Ausdruck bringt. Die hierbei zu überwindenden Schwierigkeiten bestehen darin, dass sich die Erforschung der Besonderheiten in der Sprechweise von Vertretern unterschiedlicher sozialer Gruppen (in Lexik, Grammatik und Aussprache) noch am Anfang der wissenschaftlichen Studien sind. Autoren mancher Aussprachewörterbücher meinten früher, dass der Aussprachestandard nur ein Typ der Aussprache sei.

Das Vorhandensein zahlreicher Aussprachevarianten, die sozio-phonetische und phonostilistische Unterschiede widerspiegeln, wurde kaum behandelt und ungenügend erforscht. Im *Großen Wörter-*

buch der deutschen Aussprache (GWDA 1972) wurde versucht, einige Unterschiede in der Sprechweise der Muttersprachler zu berücksichtigen, wobei drei stilistische Möglichkeiten in der Rede unter Beachtung der Veränderung der Sprechsituation gesehen wurden. Das sind laut Wörterbuch (1) die Rezitation und der feierliche Vortrag, (2) die Lesung von Manuskripten und schöngeistiger Prosa im Rundfunk und (3) die Aussprache des ruhigen, sachlichen Gesprächs oder eines Vortrags mit geringem Spannungsgrad (ibid.: 73). Diese Differenzierung beruht auf den zwei von Gottfried Meinhold beschriebenen phonostilistischen Bereichen: der gehobenen phonostilistischen Ebene und der phonostilistischen Ebene des Gesprächs (MEINHOLD 1973). Diese Gedanken stehen den Traditionen der russischen Linguistik (der Leningrader Schule) nahe, nämlich denen von Lew Ščerba und seinen Schülern, die ebenfalls den vollen (gehobenen) Stil der Aussprache und den Stil des Gesprächs unterscheiden. Das bestätigen auch die Forschungen von Sergej Gajdučik (GAJDUČIK 1973).

Soziophonetische und phonostilistische Aspekte der Aussprache

Der gegenwärtige Entwicklungsstand der Soziolinguistik verlangt von den Sprachwissenschaftlern die allseitige Erforschung der Probleme der sprachlichen Variabilität, die auch mit den konkreten sozialen und Gruppenmerkmalen (soziale Schicht, Generation, Gender) der Sprechenden verbunden ist. Im großen Maße betrifft das die Untersuchungen auf dem Gebiet der Aussprache — der Soziophonetik. Die Bestimmung der Zusammenhänge am realen Stoff mit den Soziostrukturen eröffnet neue Möglichkeiten für die Lösung der Frage der Stratifikation der Aussprachestile und stellt solche Forschungen in die Reihe besonders wichtiger und aktueller. Die Varietät von Ausspracheformen einer Sprache ist eng mit stilistischen oder kontextuellen Aspekten verbunden, weil die Gesprächspartner solche sprachlichen Mittel auswählen, die der gegebenen Sprechsituation angemessen sind. Beim Muttersprachler erfolgt diese Auswahl unbewusst; ein die Fremdsprache benutzender Ausländer wählt sie je nach erreichtem Sprachstand bewusst aus. Jeder soziale Sprachtyp verwendet Kombinationen von Aussprachestilen, die von unterschiedlichen Begleiterscheinungen abhängig sind. Je höher die Ausbildung und die Kultur, phonetische Erfahrung und das musikalische Gehör des

Menschen, desto breiter und vielseitiger ist das Spektrum seiner Aussprachevarianten. Unterschiedlichen Sprachsituationen und emotionalen Zuständen des Sprechenden entspricht eine bestimmte Auswahl phonetischer und intonatorischer Sprachmittel. Diese geben Auskunft über den Sprechenden, über seine emotionale Verfassung, seine regionale und soziale Herkunft und dienen vor allem der differenzierten Bewertung der Inhalte durch den Sprecher. Sie sind bei unterschiedlichen Sprechbedingungen andersartig gelagert, so z. B. bei der Behandlung ein und desselben Themas im Familienkreis oder unter Arbeitskollegen; anders spricht man unter vier Augen, mit nahen Freunden oder mit unbekanntem Leuten. Diese phonetisch-phonologischen Mittel wurden bislang in die Praxis des FU kaum systematisch einbezogen. Das hat weitreichende Gründe. Bis heute gibt es keine allgemein akzeptierte Klassifikation von Aussprachestilen. Strittig ist auch die Bestimmung des Begriffs „Aussprachestil“ und der Prinzipien, die dieser Klassifikation zugrunde gelegt werden könnten. Von den Ergebnissen der gegenwärtigen Linguistik ausgehend, kann aber die Schlussfolgerung gezogen werden, dass Aussprachestile die allgemeine Charakteristik der Redeäußerungen auf der phonetisch-phonologischen Ebene bilden, die entsprechend der sozial-kommunikativen Sprechsituation variiert und mit der sozialen Position des Sprechenden verbunden ist. Das ist der gesamte Komplex phonetischer Sprachmittel, der den Sprachäußerungen in bestimmten Situationen eigen ist, d. h., jeder Aussprachestil ist die Widerspiegelung aller Eigenschaften und Merkmale sowohl der segmentalen als auch der prosodischen Sprachmittel in ihrer besonderen strukturellen Korrelation.

Die Interaktion von sozialen, situativen und sprachlichen Strukturen

Das Zusammenwirken der Aussprachevarianten im konkreten Sprachkontext lässt noch zahlreiche Fragen offen. Eine davon ist die Bestimmung der Stilmerkmale, die sich auf Grund der Zusammenhänge zwischen den sprachlichen und sozialen Strukturen herausbilden. Das bedeutet, die Besonderheiten der Varietät der Aussprachemittel (z. B. der Vokale und Konsonanten) in der Rede des Sprechers einerseits mit der Sprechsituation und andererseits mit deren Zugehörigkeit zur sozialen Gruppe als einem Teil der sozialen Struktur zu verbinden (PETRENKO 1986a).

Experimentelle Forschungen der letzten Jahre beweisen, dass die Sprachmittel bei Wechsel der Sprechsituation wesentlichen Veränderungen unterworfen sind (GAJDUČIK 1973; MEINHOLD 1973; PETRENKO 1986a) Unsere Untersuchungen der Aussprache von deutschen Muttersprachlern unterschiedlicher sozialer Schichten haben das ebenfalls gezeigt. Wir haben versucht, die klassischen phonostilistischen Untersuchungsmethoden mit den Zielen der Soziophonetik (d. h. mit der Zugehörigkeit zur sozialen Gruppe als einem Teil der sozialen Struktur) zu verbinden. Diese Untersuchung steht in der Reihe der ersten Arbeiten zur Erforschung deutscher Soziolekte auf phonetisch-phonologischer Ebene (PETRENKO 1986b).

Die Aussprache der Probanden war in fünf unterschiedliche Sprechsituationen eingeteilt, die man nach dem Grad der Öffentlichkeit in zwei Gruppen mit weiterer Untergliederung einordnen kann. Die Sprechsituationen des nichtöffentlich-inoffiziellen Verkehrs sind: A. Der spontane und lässige Sprachverkehr; B. Der Sprachverkehr der Probanden unter Teilnahme des Untersuchungsleiters (das Ziel der Untersuchung war den Sprechenden bekannt); C. Die Situation des Interviews, wobei die Probanden Fragen des Versuchsleiters zu beantworten hatten (das Ziel der Untersuchung war bekannt; der Charakter des Sprachverkehrs war hier nur relativ inoffiziell); D. Die Sprechsituationen des öffentlich-formellen Verkehrs, wobei die Sprechenden einige Sprachtests absolvieren; E. Sorgfältig und korrekt Wortpaare und Sätze vorlesen.

Als Untersuchungseinheiten dienten sogenannte unbeständige phonologische Variablen (UPV von W. Labov 1966), d. h. deutsche Vokale und Konsonanten, die exakte Veränderungen aufwiesen. Es wurden verschiedene Arten und Typen der Reduktion und Assimilation deutscher Laute analysiert. Alle Fälle der nicht kodifizierten Realisationen der UPV wurden mit der Standardaussprache, der Umgangssprache und den territorialen Dialekten verglichen (DEUTSCHER SPRACHATLAS 1927-1956; WEIFERT 1964-1965; WÄNGLER 1974). An Experimenten nahmen Bürger der Bundesrepublik Deutschland teil. Was die Anzahl der Probanden betrifft, so konnten wir uns auf die von W. Labovs Feststellung berufen, dass die Grundmodelle der Klassen- bzw. Gruppenstratifikation schon bei 25 Sprechern deutlich zum Ausdruck kommen (LABOV 1975).

Die soziolinguistische Analyse der Variabilität der Aussprache gibt uns die Möglichkeit, die Gesetzmäßigkeiten festzustellen, die die „unbeständigen Regeln“ des Sprachverkehrs bestimmen. Die Realisation der UPV in unterschiedlichen Sprechsituationen ermöglicht die Bestimmung ihrer durchschnittlichen Indizes und deren Varianten für bestimmte Situationen in jedem Soziolekt. Diese Indizes betrachten wir als unbeständige Regeln der Realisation der UPV im konkreten Soziolekt (Idiolekt, Sexolekt, Annolekt), was als Aussprachenorm für eine bestimmte soziale Gruppe in bestimmten Sprechsituationen angenommen wird. Die Besonderheiten der Realisation aller UPV in der Aussprache einer sozialen Gruppe und die Bestimmung der durchschnittlichen Indizes dieser Realisationen sind ohne Zweifel mit der Auswahl eines Aussprachestils verbunden. Diese durchschnittlichen Indizes sind also unbeständige Regeln der Realisation der UPV und ihrer Varianten in der Rede der Probanden (z. B. der Studenten), d. h., sie sind differentielle Merkmale des studentischen Soziolektes, der Norm der Studentenaussprache. Mit Hilfe dieser Methode konnten die unbeständigen Ausspracheregeln für alle deutschen UPV (Vokale und Konsonanten) in jedem Soziolekt festgestellt werden (PETRENKO 1986b). Damit wollten wir aber kaum beweisen, dass diese Ausspracheformen in der Rede anderer sozialer Gruppen nicht vertreten seien. Es kann angenommen werden, dass sich gleichartige Realisationen in der Aussprache anderer sozialer Gruppen finden, diese aber anders verteilt und verbreitet sind.

Man kann zusammenfassend betonen, dass unsere Bestimmung der durchschnittlichen Indizes der Realisation a) die Feststellung der unbeständigen Regeln der Realisation der UPV im konkreten Soziolekt im Rahmen bestimmter Sprechsituationen und b) die Feststellung der Verbreitung von standardnahen und standardfernen Formen der Realisation im konkreten Soziolekt, die Verteilung von umgangssprachlichen und dialektal gefärbten Ausspracheformen ermöglicht. Damit können die Unterschiede in der Rede verschiedener sozialer Gruppen auf der phonetisch-phonologischen Ebene verglichen und später Tendenzen der Sprachveränderungen in der gegenwärtigen deutschen Sprache konkret besprochen werden.

Phonostilistische Varianten im Fremdsprachenunterricht

Das Studium der Formen der deutschen Standardaussprache verläuft — wie bekannt — in zwei Etappen: dem bewussten Erlernen

der deutschen Artikulation (phonematische und normative Merkmale der Phoneme) und der Automatisierung der Hör- und Artikulationsfähigkeiten in der deutschen Sprache. Beide Etappen der Fremdsprachenschulung können auch kombiniert werden. Ergebnis dieser Arbeit müssen phonetische Fertigkeiten sein, die die Varianten der deutschen Standardaussprache einbeziehen. Das heißt, die Ausspracheschulung ist eng mit soziolinguistischen und situativ-stilistischen Erscheinungen zu verknüpfen. Häufig wird jedoch nur die erste stilistische Variante geübt; d. h. die Studierenden gebrauchen in allen öffentlich-formellen und nichtöffentlich-informellen Sprechsituationen eine stilistische Variante, die einem muttersprachlichen Kommunikationspartner als unangemessen erscheint. Wenn wir alle Aussprachemöglichkeiten des Deutschen (außer der Dialekte) als Peripherie auffassen und ins Zentrum die erste stilistische Variante der Standardaussprache stellen, so wird deutlich, dass dem Ausländer im Prozess des Sprechstudiums alles fern bleibt, was nicht zum Zentrum gehört. Sehr wertvoll ist in dieser Hinsicht das Studium zahlreicher Schwächungen und Reduktionen in der gesprochenen deutschen Sprache, wie sie von G. Meinhold dargestellt wurden. Es darf aber nicht übersehen werden, dass die realen Aussprachevarianten nur in der Rede des Muttersprachlers deutlich zum Ausdruck kommen, der diese gemäß seiner sozialen Position und der gegebenen Sprechsituationen verwendet. Die Verteilung und die Auswahl von Ausspracheformen in der Rede zahlreicher sozialer Gruppen sind ohne Zweifel verschieden. Die Soziophonetik geht in der letzten Zeit der Beschreibung dieser Prozesse in der sprachlichen Kommunikation nach. Das Ziel dieser Untersuchungen besteht unter anderem darin, sowohl die Ähnlichkeiten als auch die Unterschiede festzustellen. Wenn sich früher die Phonetiker mit der Formulierung „So spricht man“ zufriedengaben, so erfordert die neue Etappe der Phonetik Forschung die Antworten auf Fragen wie: Wer spricht? Welche Sprechsituation liegt vor? Welcher sozialen Gruppe gehört der Sprecher an? Überlegungen dieser Art lenken auch den Phonetik Unterricht für Ausländer in eine neue Richtung: auf das Studium der soziophonetischen Aussprachevarianten der gegenwärtigen deutschen Sprache. Das heißt, es ist notwendig, das Studium der Standardaussprache des Deutschen mit Kenntnissen der sozial-stilistischen Aussprachevarianten zu ergänzen.

Fazit

Es bleiben natürlich noch mehrere Fragen auf diesem Gebiet unbeantwortet. Die methodischen Fragen der Durchführung solcher Arbeiten sind nicht genügend ausgearbeitet. Der praktische Ausspracheunterricht braucht aber jetzt kaum eine allgemeine Beschreibung der Sprechweise abstrakter Sprachträger. Solche Beschreibungen müssen unbedingt mit den Tatsachen der Soziophonetik ergänzt werden, damit der Ausländer — und nicht zuletzt der Sprachträger selbst — sich im Klaren wäre, welche Möglichkeiten ihm die Fremd- und Muttersprache bieten. Soziophonetische Studien in der Richtung der Untersuchung von Soziolekten auf der phonetisch-phonologischen Ebene können Hinweise auf sich entwickelnde Ausspracheveränderungen geben. Die Ergebnisse soziophonetischer Forschungen zum gegenwärtigen Stand der Sprachentwicklung lassen Ausspracheveränderungen auch aus historischer Sicht erkennen, woraus die Bestimmung von Ähnlichkeiten und Unterschieden der Sprachentwicklung resultiert.

© А. Д. Петренко, Д. А. Петренко

12. ЯЗЫКОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ГЕРМАНИИ

Введение

Глобализация — это процесс, который формирует динамику межкультурного сотрудничества, потоков миграции, развития транснациональных структур, преодоления языковых и культурных барьеров. Проблематика языковой вариативности миграционных потоков в Германии охватывает вопросы билингвизма и многоязычия, социальных, этнокультурных и этноязыковых отношений, «когда язык позволяет увидеть нелингвистическую реальность и сделать о ней обоснованные выводы» (БАБАЕВА 2018: 161).

Основы изучения языковой ситуации в Германии были заложены в трудах российских германистов М. М. Гухман (ГУХМАН 1981; 1985), А. И. Домашнева (ДОМАШНЕВ 1985; 2005), В. М. Бухарова (БУХАРОВ 1995; БУХАРОВ & ПЕТРЕНКО 2018; БУХАРОВ & МЕЛЕЖИК 2018; ВУКНАРОВ & al. 2020), и их идеи нашли свое продолжение в исследованиях основателя научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко, его учеников и последователей (ПЕТРЕНКО 1998; ПЕТРЕНКО & ХРАБСКОВА 2003; ПЕТРЕНКО и др. 2011; ПЕТРЕНКО и др. 2013; ПЕТРЕНКО и др. 2021; ПЕТРЕНКО & ШЕВЕЛЬ 2022; ПЕТРЕНКО & ВОВК 2022). Вопросы языкового взаимодействия жителей современной Германии находятся в центре внимания немецких ученых. В 2008 г. Институт немецкого языка в сотрудничестве с социальными психологами из Мангеймского университета провел опрос о языке и языковых отношениях в Германии. Одним из результатов было то, что для 90,2% респондентов немецкий был единственным родным языком. Иначе говоря, для подавляющего большинства населения страны немецкий является языком образования, дискуссий в бундестаге, судебных процессов, большинства газет; кроме того, англоязычная теле- и кинопродукция переводится и дублируется на немецкий язык (КОБЕНКО 2014: 7).

Следует добавить, что в ФРГ преобладает тенденция не только к использованию норм единого языка в общественной жизни, но также и к уменьшению вариативности произношения региональ-

ных разновидностей немецкого языка. В связи с ослаблением территориальных диалектов и широким распространением официально признанного произношения региональное разнообразие, так называемое «внутреннее многоязычие» («innere Mehrsprachigkeit»), все больше сжимается в пользу «моновариантной компетентности» («monovariante Kompetenz») (SCHMIDT 2017: 134).

Диалектная компетентность постепенно снижается в большинстве языковых регионов Германии — от старших возрастных групп к младшим. При этом, единственной разновидностью региональной речи, доступной молодому поколению, является так называемый региолект, устное воспроизведение письменной речи на основе фонологии соответствующего диалекта (BEYER & ADLER 2018: 223).

В современной Германии одноязычная и монокультурная часть коренного населения во многом определяет языковую политику, связанную с языками сообществ меньшинств. Сторонники идеи концептуального и институционального одноязычия Германии игнорируют, прежде всего, факт дополнительной языковой неоднородности, которая, во-первых, исходит от давно укоренившихся этнических меньшинств, таких как датское, фризское или сорбское население, и, во-вторых, является следствием повсеместного преподавания иностранного языка в сфере образования. Среди немецкоязычного населения в возрасте от 18 до 64 лет более 20 процентов говорили в детстве более чем на одном языке дома (HEILMANN & GROTLÜSCHEN 2020: 117). Однако феномен языкового разнообразия, ведущего к распространению билингвизма, лишь недавно стал привлекать повышенное внимание педагогов и политиков, при этом последствия двуязычного образования и их воздействие на рынок труда в Германии все еще недостаточно изучены (GOGOLIN 2021: 301).

Целью работы является анализ социолингвистической вариативности современного многополярного билингвизма, сформировавшегося в Германии к началу XXI в. в условиях новой общественно-политической реальности глобализма. Для достижения этой цели необходимо решение ряда задач, таких как уточнение предпосылок вариативности дополнительной языковой неоднородности населения ФРГ и установление наиболее очевидных

признаков парадигмы немецко-иноязычного билингвизма.

Научная новизна такого подхода заключается, во-первых, в определении объективных факторов индивидуальной и групповой двуязычной проактивности участников миграционных потоков, в которых задействованы как представители коренного населения, так и выходцы из других стран. Во-вторых, конкретизируются основные направления социально-экономической и политической интерактивности общественных и государственных структур, способствующей распространению билингвизма.

Современные аспекты распространения немецко-английского билингвизма

К началу XXI в. в Германии сложился немецко-английский билингвизм, хотя следует признать, что в распространении национально-английского билингвизма Германия уступает, например, странам Скандинавии и Нидерландам. В Германии английский язык не имеет официального статуса, и не существует отдельной области общественной жизни, где коммуницируют исключительно на английском языке. Однако немцы часто используют английский как для межличностных, так и профессиональных целей (ERLING 2002: 8).

В послевоенной истории Германии первым источником английского языка являлись присутствующие в стране американцы и британцы. Далее последовало внедрение английского языка в качестве обязательного предмета школьной программы. С 2005 г. английский язык преподается в начальных школах Германии, за исключением регионов, граничащих с Францией. Согласно базе данных Германской службы академических обменов (DAAD), около 10% программ обучения предлагаются на английском языке. Участие в Европейском сообществе и связи целых социальных групп с реалиями англо-американской экономики и культуры содействовали укреплению международных фирм, таких как Siemens, которые используют английский язык для делового общения на высшем уровне.

Германия также играет центральную роль в Европе, и английский язык постепенно становится языком Европейского Союза. Внутри Евросоюза деловые контакты через официальные

политические организации в основном существуют на английском языке, и он иногда считается «нейтральной территорией» для разговора между носителями разных языков. Кроме того, страны-члены Европейской Зоны свободной торговли ведут свой бизнес на английском языке несмотря на то, что для ее членов он не является родным языком (BEYER & ADLER 2018).

Столица Германии, Берлин — это международный город, где английский язык можно услышать почти в каждом автобусе или вагоне метро. Телевизионные шоу и фильмы по-прежнему, как правило, дублированы на немецкий язык, но в обществе присутствует английский язык на вывесках магазинов, в меню, на радио, в песнях, в рекламе и т. д. — есть множество англоязычных книжных магазинов и кинотеатров. В наши дни смешение английского и немецкого языков — это распространенный рекламный прием, и для понимания некоторых рекламных объявлений требуется определенное знание английского языка (см., например, слоган Макдональдса: «Oh, this is Frühstückseilachenjadie Chickens»¹).

Анализируя роль английского языка в Германии, можно убедиться, что немецко-английский билингвизм прочно закрепился в системе высшего образования. Немецкие студенты ко времени поступления в университет уже используют английский ежедневно как в академическом общении, так и в социальных сетях. Благодаря Интернет-технологиям, международной атмосфере Берлина, ЕС, а также популярности путешествий и пребывания за рубежом, студенты имеют неограниченный доступ к разнообразию языка во всех его глобальных контекстах. И если это верно для студентов, изучающих английский язык в Берлине, это также может быть действительным для студентов по всей Германии и даже, возможно, по всему миру.²

Поскольку студенты приобретают большую часть знаний английского языка в неакадемической обстановке и нуждаются в нем для обмена с людьми из всех кругов, его преподавание характеризуется более гибким социолингвистическим подходом,

¹ <https://www.dw.com/en/english-language-use-gets-a-boost-in-germany/a-66633711>.

² *ibid.*

соответствующим различным функциям двуязычной коммуникации (АММОН 2001: 343-350).

Государственные службы неохотно принимают распространение немецко-английского билингвизма, поскольку Гражданский кодекс признает официальным языком только немецкий. Однако времена, когда немецкие политики отказывались говорить по-английски, не так давно прошли: еще в 2009 г. министр иностранных дел Гвидо Вестервелле попал в заголовки газет в связи с интервью репортеру ВВС, который попросил его ответить по-английски: «В Германии, конечно, мы говорим по-немецки», — возразил либеральный политик.³

Бывший федеральный канцлер Ангела Меркель (2005-2021) почти никогда не говорила по-английски, хотя свободно владела им с детства. Даже в своем выступлении перед выпускниками Гарварда в 2019 г. или в интервью репортеру CNN Кристиане Аманпур она использовала немецкий язык.⁴ С другой стороны, ее преемник Олаф Шольц и такие высокопоставленные немецкие чиновники как министр обороны Борис Писториус и министр иностранных дел Анналена Бербок без проблем общаются по-английски за рубежом. Министр финансов Кристиан Линднер в 2024 г. участвовал в англоязычных дебатах об экономике Германии на телеканале Bloomberg.⁵

По иронии судьбы в наши дни больше всего выступает за расширение присутствия английского языка в официальных государственных делах именно Свободная либерально-демократическая партия Германии (СвДПГ), ранее возглавляемая Вестервелле. Либералы настаивают на более свободном использовании английского языка в государственных структурах, поскольку в бизнесе английский уже давно является предпочтительным языком в Германии как ведущей экономической державе, зависящей от активности крупнейших мировых компаний. Поэтому в начале августа 2022 г. кабинет министров одобрил законопроект, представленный министром юстиции Марко Бушманном от

³ <https://www.reuters.com/article/idUSTRE58R36L>.

⁴ <https://inosmi.ru/20190601/245195250.html>.

⁵ <https://www.rbc.ru/politics/06/02/2024/65c162999a794707bef089fe?-from=copy>.

СвДППГ, о расширении коммерческих судов страны, что позволит им также рассматривать дела на английском языке.⁶

Более того, с выходом Соединенного Королевства из Евросоюза в 2020 г., Германия, Франция и Нидерланды соревнуются за право предложить альтернативу британской правовой системе. В 2022 г. СвДППГ объявила о своей заинтересованности во введении английского языка в государственное управление в качестве второго официального языка. Недавно принятый Закон об иммиграции квалифицированных рабочих (Fachkräfte-einwanderungsgesetz) призван облегчить иностранцам поиск работы в стране, а также ускорить признание их квалификации в документах на других языках.

Однако Гражданский кодекс Германии все еще определяет немецкий язык как единственный официальный язык: иностранные заявления и документы, подаваемые в государственные учреждения, всегда должны быть переведены на него, поэтому включение английского в качестве второго официального языка должно быть одобрено федеральным правительством и правительствами федеральных земель, но пока только либералы призывают к такому изменению.

Ульрих Зильбербах, президент немецкого профсоюза государственных служащих, рассказал таблоиду Bild, что в правительственных учреждениях уже говорят на английском языке. «Языковая компетентность в администрации — это прежде всего вопрос денег», и значительная часть населения говорит на французском, арабском или турецком языке, а не на английском: «Нам нужно обучение, инструменты перевода и языковые посредники, но все это инвестиции в персонал», — заверил Зильбербах.⁷

Очевидно, что существуют два субварианта немецко-английского билингвизма: один на территории ФРГ — для коммуникации немцев а) в условиях социальных и личных контактов с иноязычными мигрантами, прибывшими в Германию с разными целями; б) в рамках реализации учебных программ в системе школьного и

⁶ <https://www.dw.com/en/english-language-use-gets-a-boost-in-germany/a-66633711>.

⁷ *ibid.*

университетского образования; в) с учетом социально-экономических и общественно-политических взаимоотношений с международными партнерами. Второй субвариант — за пределами Германии для коммуникации немцев а) в социальных и личных контактах с жителями других стран, владеющими английским языком; б) с учетом социально-экономических и общественно-политических взаимоотношений с международными партнерами; в) с учетом миграции немцев в другие страны.

Мы выдвигаем тезис о том, что оба эти субварианта со всеми подразделениями представляют собой не так называемый «компетентный» билингвизм, как считают многие авторы, а интерактивный билингвизм, прагматической направленностью которого является межкультурное и межнациональное взаимодействие немцев на английском как универсальном коммуникативном коде. Содержание критерия англоязычной коммуникативной компетентности варьирует в соответствии с социолингвистическими условиями коммуникации. Насколько корректен тезис интерактивного билингвизма межкультурного и межнационального взаимодействия для характеристики социолингвистических различий между этими субвариантами? Ответ на этот вопрос является целью нашего исследования.

Национально-немецкий билингвизм

Германия имеет долгую историю иммиграции, что привело к современному значительному этническому и языковому разнообразию населения. В 2018 г. четверть населения Германии (21 миллион человек) происходили из семей, переживших миграцию.⁸ По данным Федерального ведомства статистики на 2022 г. общее количество иммигрантов, получивших право постоянного проживания в Германии, составляло уже 2825000 человек. Две самые большие этнические группы из этого числа — это иммигранты из Турции и Польши.⁹ Рассмотрим особенности языковой вариативности, проявляющиеся в национально-немецком билингвизме представителей этих групп.

⁸ <https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population-Migration-Integration/Tables/migrant-status-residence.html>.

⁹ <https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-environment/Population/Migration-Integration/Tables/migrant-status-selected-countries.html>.

В исследовании Федерального ведомства статистики проводится тщательный анализ влияния уровня владения немецким языком на экономическое положение мигрантов. Поскольку международная торговля и глобальное переплетение производства являются важнейшими краеугольными камнями немецкой экономики, языковые навыки имеют особое значение на рынке труда в Германии (GAZZOLA & al. 2018). Однако в существующей литературе основное внимание уделяется знанию немецкого языка представителями этнических групп вне связи с языковыми навыками, возникшими в результате двуязычного или многоязычного воспитания (*ibid.*).

В контексте миграции и образования двуязычие часто рассматривается как недостаток, который способствует воспроизводству образовательных различий между немецкими студентами и студентами-мигрантами, между немецкими работниками и работниками-мигрантами вместо того, чтобы концептуализировать эти языковые навыки как ценный ресурс (GOGOLIN 2021). Напротив, согласно социолингвистическим исследованиям, билингвизм является положительным фактором, и билингвы добиваются лучших результатов в изучении нового языка, чем монолингвы, т. е. мигранты, владеющие английским языком, помимо «языка своего наследия» более успешно усваивают немецкий (BIALYSTOK 2009: 55).

Преимущества национально-немецкого двуязычия представляются весьма значительными, и они могут быть обусловлены такими факторами как социальная ценность языков, пути их местного и глобального распространения, этническая идентичность, маргинализация и дискриминация. Кроме того, в некоторых профессиях двуязычие может реально повысить производительность труда (например, в сфере услуг), в то время как в других случаях языковые навыки могут оказаться практически не важны (AGIRDAG 2014: 162).

Надо отметить, что несмотря на большое количество иммигрантов Германия имеет низкие показатели привлекательности среди иностранцев. В опросе, проведенном в 2023 г. сетью молодых мигрантов («экспатов») Inter Nations, базирующейся в Мюнхене, трудности проживания в стране без усвоения немецкого

языка стали центральным фактором низкого рейтинга Германии в этой социальной группе (MARKOWSKY & al. 2022).

Берлин — исключение из этого правила: в 2017 г. министр здравоохранения Йенс Шпан даже пожаловался, что в столице невозможно обойтись только немецким языком. «Меня беспокоит, что в некоторых ресторанах Берлина официантки говорят только по-английски. Я уверен, что в Париже этого не произойдет». В Берлине, в отличие от других регионов Германии, молодые иммигранты второго поколения, владеющие английским, легко находят работу в самых престижных магазинах без хорошего знания немецкого языка, в то время как их родители были лишены доступа к немецкому рынку труда несмотря на хорошее знание английского языка. Можно предположить, что с модернизацией иммиграционного законодательства повышенные требования к владению немецким языком в современной Германии, вероятно, уйдут в прошлое (*ibid.*: 12).

Немецкие исследователи иммиграции начала XXI в. фиксируют специфику двуязычных языковых навыков среди турецких иммигрантов второго поколения. Сосредоточиваясь на их так называемом «компетентном» двуязычии, т. е. свободном владении языком своей этнической группы, «языком наследия» и немецким языком, авторы отмечают, что сохранение «языка наследия» сопровождается более низкой языковой и, возможно, культурной, социальной и экономической интеграцией в принимающей стране. Причиной недостаточно высокого положения на рынке труда может быть этническая маргинализация, связанная с тем, что в билингвизме многих турецких иммигрантов принадлежность к этнической группе снижает интенсивность профессиональной коммуникации на немецком языке. Большинство этих иммигрантов не получают экономической выгоды от сохранения своего традиционного языка. Двуязычные иммигранты турецкого происхождения в более старшем поколении также демонстрируют значительный возврат к влиянию турецкого языка на их турецко-немецкое двуязычие (*ibid.*: 33).

В этой этнической группе обнаруживаются и гендерные экономические различия. Хотя женщины с большей вероятностью владеют двуязычными языковыми навыками, доходы мужчин

выше, т. е. турецкие женщины не получают адекватной отдачи от двуязычия в коммуникативно-интенсивных профессиях. В целом двуязычные языковые навыки, включая языки наследия иммигрантов, похоже, не являются особенно ценным ресурсом на немецком рынке труда.

Носители турецкого языка сталкиваются с рядом проблем при изучении немецкого языка, и их родной язык может определенным образом влиять на их произношение (SCHMIDT 2017; GAZZOLA & al. 2020; HEILMANN & GROTLÜSCHEN 2020; MARKOWSKY & al. 2022) Перечислим факторы этого влияния.

1. *Интерференция турецкой фонетической системы* на немецкое произношение. Фонетические системы языков значительно различаются, например, в немецком языке есть такие звуки как *ü, ö* и *ch*, которых нет в турецком языке. Носителям турецкого языка иногда сложно точно воспроизвести эти звуки. В турецком языке существует правило гармонии гласных, в соответствии с которым гласные в слове гармонируют друг с другом, а в немецком нет такой звуковой особенности. Носителям турецкого языка, возможно, приходится корректировать произнесение гласных, чтобы оно соответствовало немецкому.

В немецком языке есть определенные согласные звуки, такие, к примеру, как глухой велярный фрикативный звук [x] (как в слове *Vach*), которые могут отсутствовать или иначе реализовываться в турецком языке.

2. *Немецкое словесное ударение* не имеет аналогов в турецкой агглютинативной системе, поэтому носителям турецкого языка, возможно, придется адаптироваться к немецкой модели ударения в словах, где определенные слоги выделяются больше, чем другие.

3. *Интерференция турецких грамматических структур*. Турецкий и немецкий языки имеют различную грамматическую структуру. Турецкий язык является агглютинативным, а немецкий — языком синтетического типа, в котором доминирует словоизменение при помощи флексий — формантов, сочетающих сразу несколько значений. Флективный строй противоположен агглютинативному, в котором каждый формант несет только одно значение. Понимание и использование немецкой грамматики, вклю-

чая регистры и порядок слов, может создать проблемы для носителей турецкого языка.

4. *Лексико-семантические различия.* На лексико-семантическом уровне выделяются два основных вида различий: лексико-семантические аналоги и лексико-семантические дивергенты в турецком и немецком языках. В большинстве случаев между локально маркированными турецкими лексико-семантическими вариантами и их немецкими аналогами существует определенное семантическое сходство. Замены отдельных немецких лексических единиц (слов и устойчивых словосочетаний) лексическими единицами турецкого, которые не являются их словарными эквивалентами, т. е. имеют иное значение, нежели передаваемые ими в переводе единицы исходного языка. Некоторые слова на турецком и немецком языках могут выглядеть одинаково, но иметь разное значение.

5. *Культурный контекст.* Культурный контекст, в котором используется турецко-немецкий билингвизм, существенно различается в Турции и Германии. Понимание культурных нюансов и идиоматических выражений может оказаться сложной задачей для носителей турецкого языка, поскольку они могут руководствоваться усвоенными в стране исхода или семье убеждениями, ценностями, отношениями, социальной иерархией, религией, ролями групп и понятиями о времени. На то, как вы общаетесь, глубоко влияет культура, в которой вы выросли. Значение слов, значение жестов, значение времени и места, правила человеческих взаимоотношений — эти и другие стороны общения определяются культурой.

6. *Влияние турецкого акцента.* Носители турецкого языка могут сохранять турецкий акцент при разговоре по-немецки. Навыки произношения, выработанные на родном языке, могут влиять на произнесение определенных немецких звуков. Türkendeutsch — это модификация суперстрата немецкого языка, в которой турецкие звуки и лексические особенности смешиваются с грамматической структурой немецкого языка. Некоторые турки, принадлежащие ко второму или третьему поколению «гастарбайтеров», продолжают намеренно смешивать турецкий и немецкий языки. Этот смешанный язык используется только в частной обстановке, чтобы выразить связь говорящего с обеими культурами.

7. *Мотивация и уверенность.* Овладение немецким языком требует мотивации и уверенности. Некоторые носители турецкого языка могут столкнуться с психологическими барьерами, которые влияют на их желание общаться на немецком языке и на их языковое развитие. Отсутствие коммуникативных контекстов за пределами формального обучения может препятствовать коммуникации на немецком языке. Решение этих проблем включает целевое языковое обучение, программы культурной интеграции и создание инклюзивной и благоприятной среды обучения. Иммигрантам, носителям турецкого языка, необходимо погружение не только в немецкую языковую, но также и в культурную среду, где есть возможность практического применения языка. Погружение и регулярная практика имеют решающее значение для преодоления проблем турецко-немецких билингвов в коммуникации на немецком языке.

Турецко-немецкий билингвизм имеет длительную историю распространения в Германии, с начала 1950-х гг., когда десятки тысяч турецких гастарбайтеров прибыли в страну на определенный срок, после которого не стали возвращаться и со временем получили статус постоянных жителей. Необходимость языковых контактов с немецким населением заставила их усвоить поначалу минимальные языковые навыки, позволяющие выживать в стране пребывания. Таким образом были заложены основы билингвизма, который мы называем *билингвизмом выживания*. Для второго и третьего поколений немецких турок, ставших гражданами Германии, но сохраняющих связь с исторической родиной, билингвизм выживания переходит в *интерактивный билингвизм* межкультурного взаимодействия. По этой же модели идет становление и развитие билингвизма иммигрантов из стран Азии и Африки, чьи языки не входят в индоевропейскую семью языков.

Насколько сложно различить иммигрантов из европейских стран, в частности, из Польши, по их произношению? Это может быть непросто, но не невозможно. Все зависит от различных факторов, в том числе от уровня владения родным языком, степени владения немецким языком. Коллектив немецких и польских славистов разработал проект исследования польско-немецкого билингвизма, цель которого — комплексное описание польско-

немецкого двуязычия в Германии с учетом как лингвистических, так и социолингвистических аспектов. Одна из основных задач проекта — выяснить, различаются ли морфосинтаксические изменения, вызванные языковым контактом в речи билингов, в зависимости от поколения. Важным результатом проекта является создание мультимодального корпуса польско-немецкого двуязычия, который включает около 78 часов записей на польском и немецком языках с участием 58 представителей двух поколений.

Первое поколение состоит из людей, родившихся до 1945 г. в Германии на территориях, включенных в состав Польши в 1945 г. (Generation Polen). Другое поколение — это люди, которые также родились на этих территориях, но после 1945 г., т. е. уже в Польше, но позднее эмигрировали в Германию и живут там (PULACZEWSKA 2014). Добавим к ним современных иммигрантов из Польши и членов их семей, переехавших в Германию в рамках Евросоюза. Носители польского языка, проживающие в Германии, сталкиваются с рядом проблем, общаясь на немецком языке. К этим проблемам относятся следующие.

1. *Недостаточный уровень владения немецким языком.* Четыре фактора, закрепленные в Договоре о ЕС, составляют основу единого рынка: свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы (людей). Хотя число иммигрантов из Польши в Германию находится на подъеме, важно отметить, что поляки не имеют финансируемых государством возможностей обучать своих детей польскому языку, на котором говорят дома. Иммигранты из Польши с более высоким уровнем владения немецким языком, скорее всего, будут иметь менее близкое к польскому стандарту произношение. Те, у кого более низкий уровень владения языком, могут сохранить более заметные элементы польского языка.

2. *Перенос из более сильного родного языка фонетических и лексико-грамматических особенностей,* которые могут определенным образом воспроизводиться в коммуникации на немецком языке. Языковой перенос может заметно влиять на немецкое произношение. Точно также в речи иммигрантов, переселившихся в Германию из других европейских стран, может наблюдаться, в первую очередь, фонетический перенос, при котором звуки их

родного языка непреднамеренно маркируют их немецкое произношение. Этот переход может быть более заметен у людей с меньшим опытом владения немецким языком.

3. *Влияние региональной вариативности немецкого языка.* Немецкое произношение польских иммигрантов может различаться в зависимости от региона, и носители польского, как и других европейских языков, могут по-разному воспринимать и перенимать региональный немецкий акцент, что отражается на навыках устной речи. Это может повлиять на развитие грамотности, языковых навыков чтения и письма, которые пользуются высоким престижем, поскольку являются показателем формального образования и высокого социального статуса.

4. *Продолжительность воздействия немецкого языка.* Чем дольше этнические поляки знакомятся с немецким языком и культурой, тем больше у них шансов адаптировать свое произношение к его нормам. Иммигранты, усвоившие немецкий язык в рамках полного курса формального образования, демонстрируют стандартные нормы произношения. Люди, не прошедшие полный курс формального образования, могут демонстрировать более значительное влияние польской фонетики и грамматики.

5. *Социализация и интеграция.* Социализация в немецкоязычных сообществах и интеграция в немецкую культуру могут способствовать повышению уровня владения немецким языком. Те, кто активно общается с носителями языка и погружается в их языковую среду, могут перенять их акцент. Индивидуальные различия в способностях к изучению языка, мотивации и социализации могут привести к разным уровням владения немецким языком. Хотя могут существовать общие тенденции в произношении, основанные на родном европейском языке билингва, важно подходить к этому с осторожностью, поскольку языковые способности людей индивидуальны и сильно различаются. Кроме того, усложнению моделей произношения способствуют и такие факторы как возраст, опыт изучения языка и личные предпочтения (HANSEN & ZIELIŃSKA 2022; MARKOWSKY & al. 2022).

Заключение

Этнические языки иммигрантов из стран Азии и Африки в национально-немецком билингвизме воспринимаются многими

немцами как признак экономической, социальной и образовательной слабости, как препятствие для изучения немецкого языка. Они часто рассматриваются как социальная угроза интеграции, а сохранение этнических языков — как признак сепаратизма и нелояльности. Этому способствует экономическая слабость стран их происхождения.

Иначе относятся к иммигрантам из экономически более сильных стран, зачастую демонстрирующих национально-английский билингвизм, который позволяет достаточно комфортно проживать в Германии. Усвоение английского языка вне системы формального обучения является индивидуальной инициативой, которая высоко оценивается, а для поддержания уровня владения языком необходима групповая деятельность, которая во многом зависит от стереотипов национальной культуры.

Завершая анализ языковой вариативности современных миграционных потоков в Германии, необходимо подчеркнуть, что мы фиксируем три вида билингвизма:

1) немецко-английский интерактивный билингвизм межкультурного взаимодействия, который демонстрируют немцы в коммуникации с мигрантами из других стран на территории Германии, и за ее пределами, при посещении других стран;

2) национально-немецкий интерактивный билингвизм межкультурного взаимодействия, характерный для иммигрантов, владеющих немецким языком на достаточно высоком уровне и интегрированных в немецкий социум;

3) национально-немецкий билингвизм выживания тех иммигрантов, кто сохраняет связь с языком и культурой «страны наследия». Можно с достаточным основанием резюмировать, что такие прагматически обусловленные типы билингвизма характерны для миграционных потоков, целью которых являются и другие развитые страны.

© А. Д. Петренко, К. А. Мележик

13. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТИРОВАНИЮ ИНТЕРНЕТ-ЛИЧНОСТИ

*Дорогому Валерию Михайловичу,
другу по цеху речевиков-аналитиков
посвящается*

Введение

С появлением и развитием Интернета стала формироваться так называемая *цифровая коммуникация*, которая представляет собой составную часть *коммуникации социальной*. Все больше людей отдают предпочтение Интернет-общению, используя для цифровой коммуникации такие Интернет-ресурсы как: «Telegram», «WhatsApp», «ВКонтакте» и др. Постоянное использование Интернета выдвинуло на первый план возникновение такого понятия как *Интернет-личность* или *цифровая личность* применительно к *устной речи* (ПОТАПОВА & ПОТАПОВ 2017) и *письменным текстам* (ПОТАПОВА & КУРЬЯНОВА 2021). Она имеет свои отличия от языковой личности благодаря специфическим особенностям, что создает проблемы в ее идентификации традиционными методами *профайлинга*.¹

Первоначально термин *профайлинг* применялся в области криминалистики (профилирование) в направлении создания своего рода поискового психологического портрета подозреваемого.² В последнее время данный термин применяется в более широком контексте вплоть до обнаружения скрытой психологической информации об индивидууме (ЕКМАН 1985; ЭКМАН 2010).

Анонимность и возможность маскировки личности Интернет-пользователя привела к бесконтрольному и стихийному поведению коммуникантов в Интернет-сети. Появились такие понятия как *киберпреступление*, *киберугроза*, которые быстро распространились за последние годы. Все чаще в Интернете можно

¹О составлении лингвистами профайлинга говорящего или пишущего см. в (GIBBONS 2003).

²См. о понятии личности преступника, значении психиатрических и генетических отклонений, характеристике личности преступника, классификации преступников в (КРИМИНОЛОГИЯ 1994: 95-112).

столкнуться с нарушением авторских прав, мошенничеством, унижением человеческого достоинства, шантажом, вымогательством, появлением призывов к экстремистской деятельности, различного рода провокаций и другими противоправными действиями.³ В связи с этим требуется поиск новых методов профилирования цифровой личности. Эта проблема и обуславливает актуальность данного исследования.

Составление речевого портрета говорящего, т. е. лингвистическое профилирование основывается на описании психических явлений через установление их корреляции с признаками другого рода, в частности, с их проявлениями в речи. Этими задачами в лингвистическом профилировании занимаются *фоноскопическая и автороведческая экспертизы* (ГАЛЯШИНА 2001; ГАЛЯШИНА 2003А; КУРЬЯНОВА & ЛОПАТКИН 2022).

Фоноскопическая экспертиза занимается *идентификацией*⁴ (диктора распознают по его речевым характеристикам (по принципу «один из многих»)) и *верификацией* (эксперт определяет, принадлежит ли данный образец голоса конкретному говорящему или нет (по принципу «он — не он»)) говорящего по признакам его голоса и речи (ПОТАПОВА & ПОТАПОВ 2006).

Объектом фоноскопической экспертизы является фонограмма (звуковые записи). Спецификой такой экспертизы является тот факт, что эксперт должен владеть знаниями в таких областях как лингвистика, акустика, радиотехника, математика и др. (НОЛЛИЕН 1990; СИДОРЕНКО 2001; ГАЛЯШИНА 2003Б; ГАЛЯШИНА 2023).

Стоит обратить особое внимание на то, что человеческий голос может обладать не только лингвистическими особенностями, но и содержать информацию, касающуюся эмоционального состояния говорящего, его психологические и физиологические особенности, географическую и социальную принадлежность, уровень образования и т. д.

Подобные исследования всегда носят междисциплинарный характер и проводятся с учетом факторов, которые могут влиять

³ О противоправных действиях см. (КУРЬЯНОВА & ЛОПАТКИН 2022).

⁴ Например, об автоматическом распознавании говорящего по голосу (идентификации и верификации) см. более подробно в (ПОТАПОВА & МИХАЙЛОВ 2012: 388-421).

на изменение речевого сигнала. К ним относятся: стресс, психическое состояние, усталость, наркотическая или алкогольная интоксикация, болезнь, дефекты строения артикуляционных органов, а также различные способы маскировки голоса (БУРЫГИНА 2016). К маскировке голоса можно отнести трансформацию языка или диалекта говорящего, изменение категории возраста в речи, появление ярко выраженной характеристики «резкий / скрипучий голос» (creaky voice) (ПОТАПОВА & ПОТАПОВ 2006).

Автороведческая экспертиза — это вид экспертизы, в которой текст исследуется для установления его авторства, отдельных характеристик автора, условий создания текста. Характеристики автора можно выявить в рамках поуровневого анализа речи, начиная от пунктуационного и заканчивая дискурсивным.

При идентификации автора текста стоит также учитывать вероятность того, что автор мог маскировать индивидуальные особенности своей личности. Факт маскировки обычно можно определить путем выявления в тексте несоответствий между отдельными элементами языковых признаков. Например, может быть выявлена высокая степень развития орфографических навыков, которые не могут соответствовать низкой степени развития синтаксических навыков (МОИСЕЕВА & ОГОРЕЛКОВ 2022).

Традиционные методы, которыми пользовались лингвисты при проведении автороведческой или фоноскопической экспертизы, безусловно, являются базой всех лингвокриминалистических исследований. Переход к цифровой личности, которая реализует себя в виртуальной коммуникативной среде, потребовал от лингвистов-криминалистов новых фундаментальных разработок (КАРПОВА 2007; ЛУГОВИНОВА 2009). Цифровая личность обладает характерными языковыми особенностями, которые в Интернете проявляются очень ярко. В основном по причине анонимности, но также в отсутствии каких-либо редакторов. Интернет породил совершенно новую форму общения, находящуюся на стыке известных форм — *письменную разговорную речь*, которая отличается как от стандартной письменной, так и от стандартной устной речи (ПОТАПОВА & КУРЬЯНОВА 2021). Подобная речь может включать просторечия, неологизмы или иноязычные слова, а также она мо-

жет характеризоваться большим количеством ошибок⁵ и опечаток, ибо такая речь почти никогда не подвергается проверке и корректировке. Кроме того, характерной чертой цифровой личности является упрощение языка и стремление к использованию в процессе речепроизводства наименьших усилий.

Поскольку данная коммуникация имеет опосредованный характер и коммуниканты, как правило, не видят друг друга, т. е. отсутствует видеоканал, отсюда вытекает другая характерная черта виртуальной личности — *использование графических приемов передачи паралингвистической информации на письме*, например, жирный шрифт, курсив, подчеркивание, большие буквы, и т. д. Особая роль отдается эмодиконам (пиктограммам, изображающим эмоции), которые используются повсеместно в Интернет-переписке.

Таким образом, в связи с появлением и распространением сетевой коммуникации, изменяется и речевое поведение говорящего, что приводит к языковой трансформации. Интернет-личность приобретает свои качества и особенности, отличающие ее от языковой личности. Кроме того, в последние годы пользователи сети Интернет применяют различные средства цифровой обработки, предоставляющие автору *маскировку*, существенно меняя его особенности речи, таким образом усложняя работу эксперту по его идентификации, что ведет к поиску новых методов портретирования такой личности в судебной экспертизе (ПОТАПОВА & КУРЬЯНОВА 2022).

⁵ На важность исследования ошибок речи указывали еще И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, В. Вундт и другие крупные ученые. Поэтому позже появляются работы, например, (КРАСИКОВ 1980; КУКУШКИНА 1998), связанные с функциональным анализом и классификацией речевых ошибок, так как в психолингвистике проблема ошибок считается одной из центральных. В настоящее время начинают создаваться, например, базы данных (БД) ошибок для устранения и предотвращения в будущем возможных ошибок, допускаемых системами машинного перевода с помощью усовершенствования соответствующих программ, предназначенных для автоматического поиска и устранения неточностей перевода (ПОТАПОВА & al. 2022; ПОТАПОВА, ПОТАПОВ & KUZMIN 2023).

Методика распознавания личности обычно включает опору как на устную речь, так и на специфику формирования письменного текста. Именно письменная речь со всеми особенностями выражения многоуровневого формирования высказывания является, с нашей точки зрения, наиболее информативной, так как отражает своеобразие и особенности логико-языкового структурирования, свойственного письменной речи носителей анализируемого языка, а также не являющихся таковыми. Особенно эффективным предстают ошибки лексико-грамматического формирования текста. В качестве кинематографического примера подобной ситуации достаточно вспомнить комическую сцену из известного пятисерийного телевизионного фильма режиссера Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя» (1979), где одна из героинь фильма Мария Кольванова по кличке Манька Облигация заполняет анкету биографического назначения и начинает свой текст словами «Я, Манька [А]блигация...», что ментально ориентирует зрителя на социальный «портрет» упомянутого персонажа этой киноэпопеи.

Следует подчеркнуть, что именно письменная речь содержит в себе наиболее полно информацию о личности, так как сигнализирует не только об уровне образования пишущего, но также и о психологических особенностях передачи субъективной информации об окружающей действительности.

Для дальнейшего осмысления роли письменной речи при решении задачи идентификации личности обращаются преимущественно к наличию ошибок. Однако практически малоразработанным методом можно считать осмысление пишущим целого ряда лексико-грамматических особенностей конструируемого им текста. Логическое структурирование текста определяется, с нашей точки зрения, не наличием неудачно используемой лексики, а развитием глубинного интеллектуального механизма построения высказывания с учетом целого ряда особенностей восприятия автором текста различных внешних зрительных стимулов.

Экспертиза письменного текста основывается не только на оценке грамматических, лексико-семантических и синтаксических особенностей, но и на оценке графики и орфографии. Важ-

ным аспектом также является выстраивание социально-культурного портретирования подозреваемого. Приведем пример экспертизы письменного текста с угрозой отравить продукты питания для детей в некоей торговой сети в одном из городов Российской Федерации. Текст был написан на одном из славянских языков с применением кириллической графики. До проведения экспертизы специалистом в данной области знания в качестве подозреваемого предположительно был носитель болгарского языка. После проведенного детального анализа этого письменного текста стала вырисовываться следующая картина: текст был написан с использованием современной сербской графики, о чем свидетельствовало его соответствующее графическое оформление (например, начертание букв). Автор текста был охарактеризован как человек немолодой и из малообразованных слоев социума, так как об этом сигнализировала соответствующая религиозная лексика. После поимки преступника портретирование полностью подтвердилось: им оказался малообразованный носитель сербского языка среднего возраста.

Особенно информативным для решения определения автора письменного текста с учетом его национальности представляется обнаружение «следа» не только графических, но также и лексико-синтаксических особенностей текста, свойственных влиянию родного языка на неродной, что при проведении языковой экспертизы играет ведущую роль и относится к проблемам методики, называемой методикой code-switching (языковое перекодирование).⁶

Основой процесса code-switching является функционально-нейроартикуляторное оформление устной речи в процессе говорения и содержащая информацию о нейрофизиологических особенностях родного языка.

В связи с вышесказанным представлялось информативным провести специальный эксперимент, целью которого было выявление особенностей построения письменного текста как реакции на зрительный стимул. Остановимся на эксперименте в процессе

⁶ См., например, работы о механизмах code-switching: (ПОТАРОВА & ПОТАРОВ 2011: 249-255; ПОТАРОВА & ПОТАРОВ 2013; ПОТАРОВА, ПОТАРОВ & GORBUNOV 2023).

которого перед группой испытуемых приблизительно одного возраста была поставлена задача, решение которой было связано с наличием одного и того же внешнего стимула, в данном случае общеизвестного произведения живописи.

Экспериментальное исследование

Для решения поставленных в работе задач было проведено экспериментальное исследование. Цель исследования заключалась в портретировании и идентификации выбранного ранее одного респондента среди других участников эксперимента посредством выявления наиболее значимых частных признаков и особенностей его письменной речи.

В эксперименте приняли участие испытуемые: $n = 10$ человек (19-25 лет мужского и женского пола).

Материал исследования представляет собой написанное каждым респондентом на русском языке в электронном формате эссе по картине Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (см. Рис.).⁷

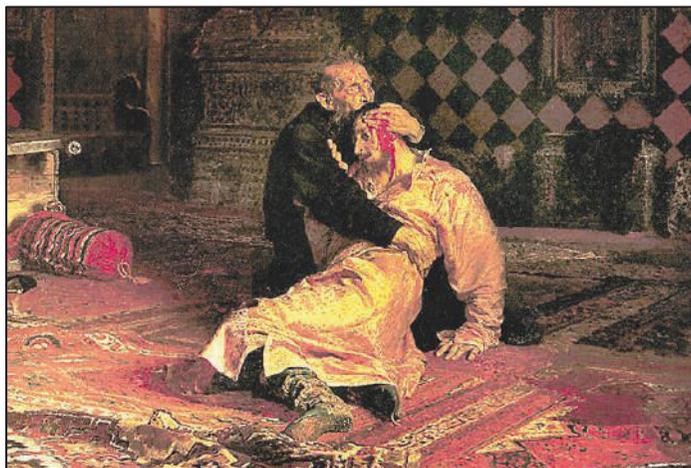

Рис. Картина Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года»

⁷ Эта картина также известна под названием «Иван Грозный убивает своего сына» — картина русского художника Ильи Репина, написанная в 1883—1885 гг.

Испытуемый, которого нужно идентифицировать в ходе исследования, предоставил также дополнительный образец письменной речи, на основе которого проводился сравнительный анализ для идентификации данного респондента.

Методика экспериментального исследования включает:

1) формирование базы данных (БД) для последующего анализа ($n=10$);

2) анализ материала:

— анализ тональности текста (все слова были поделены на три группы: негативные, позитивные и нейтральные). Результаты были переведены в относительные данные (в %);

— установление темпоральности текста (все глаголы в тексте были поделены на три временные группы: настоящее, прошедшее и будущее время. С учетом того, в какой группе больше глагольных форм, была выявлена темпоральность);

— анализ интертекстуальности текста (выявления наличия в тексте ссылок на чье-либо мнение).

Далее были рассмотрены частные языковые навыки письменной речи:

а) индивидуальные признаки пунктуационных навыков:

— устойчивое нарушение определенного правила пунктуации;

— своеобразное или преимущественное использование тех или иных знаков препинания;

б) индивидуальные признаки орфографических навыков:

— устойчивое нарушение правил орфографии;

в) индивидуальные признаки лексико-фразеологических навыков:

— употребление тех или иных лексем;

— устойчивые лексико-фразеологические ошибки;

— использование диалектизм, вульгаризмов, элементов того или иного жаргона, просторечия и др.;

г) индивидуальные признаки синтаксических навыков:

— использование простых и сложных предложений;

— нарушение норм синтаксиса;

д) индивидуальные признаки стилистических навыков:

— наличие стилистических ошибок;

- 3) обработка полученных данных;
- 4) описание полученных результатов и итоговое заключение проведенного эксперимента.

В ходе эксперимента был проведен поуровневый языковой анализ текстов. Проанализировав данные проведенного исследования, удалось выявить некоторые закономерности в текстах одного и того же автора и тем самым идентифицировать его среди других респондентов. К его характерным особенностям относятся:

- структура эссе;
- устойчивые нарушения пунктуационных навыков, в частности, отсутствие запятой в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях, в деепричастных оборотах;
- использование простых и сложных предложений, однако предпочтение отдается простым предложениям;
- частое употребление предложений с негацией и конъюнкцией;
- частое употребление фразеологизмов и устойчивых словосочетаний;
- частое употребление местоимений: «я», «мы», «ты», «Вы».

Обобщение проанализированных данных основного респондента (ОР) приведено в Табл. 1.

Таблица 1. Наиболее частотные особенности, позволившие идентифицировать основного респондента

Респонденты	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	ОР
Особенности											
Нарушения в пунктуации	1	1	2	2	5	2	2	0	0	1	6
Личные местоимения	4	3	8	0	15	4	9	13	0	2	18
Устойчивые словосочетания и фразеологизмы	5	3	5	5	11	6	7	8	5	5	10
Простые / сложные предложения	5 19	15 16	19 34	11 4	31 26	35 16	11 13	16 23	19 7	6 14	20 19

Негация / конъюнкция	8 1	6 0	11 2	4 1	6 5	13 2	4 2	10 2	2 2	10 2	12 13
-------------------------	--------	--------	---------	--------	--------	---------	--------	---------	--------	---------	----------

Результаты проведенного исследования дали возможность прийти к следующим выводам:

- дискурс сети Интернет характеризуется совокупностью различных параметров, проявляющихся в вербальных характеристиках письменного текста;
- апробируемый в данной работе методологический подход к анализу текста, подтвердил свою применимость при анализе письменных текстов для решения задач профайлинга и идентификации цифровой личности;
- предлагаемый в данной работе подход позволяет обеспечить целостный комплексный анализ письменной речи, позволяющий принять решение о тождестве авторов текста и составить его речевой портрет.

Заключение

Технологическое и коммуникативное развитие Интернета, переход личности в цифровое пространство обусловили появление новых возможностей для злоумышленников и мошенников совершать преступления дистанционно. Часто в сети Интернет можно стать жертвой мошенничества, шантажа, вымогательства. Это лишь малая часть угроз, с которой можно столкнуться в области Интернет-коммуникации (КУРЬЯНОВА & ЛОПАТКИН 2022).

Масштабное использование и стремительное развитие Интернет-технологий привело к переходу языковой личности к цифровой. Различные способы самопрезентации, разнообразие виртуальных сред общения, анонимность, вседозволенность в виртуальном поведении, письменная разговорная форма общения, упрощение речи это одни из основных признаков цифровой личности (ПОТАПОВА & ПОТАПОВ 2006; ПОТАПОВА И ДР. 2015; ПОТАПОВА & ПОТАПОВ 2022; ПОТАПОВА & ПОТАПОВ 2023; РОТАРОВА & РОТАРОВ 2014; РОТАРОВА & РОТАРОВ 2016).

Переход к цифровой личности усложнил задачи лингвокриминалистики, так как традиционные методы, используемые ранее для анализа речи, сейчас не справляются в полной мере с задачей профайлинга и идентификации личности. Они не позволяют выявлять информативную индивидуальную совокупность,

по которой можно идентифицировать и охарактеризовать цифровую личность. Поэтому основной задачей нашей работы было определение и апробация тех традиционных и имеющихся новейших методов, которые позволили бы по письменной речи решить задачи профайлинга и идентификации. Как результат, разработанный алгоритм позволяет портретировать и идентифицировать личность по письменной речи и, следовательно, может быть широко использован применительно к анализу письменных текстов, функционирующих в сети Интернет. Благодаря данным экспертизам специалист может установить автора как устного, так и письменного сообщения по его устойчивым вербальным умениям и навыкам при порождении устного высказывания, а также в рамках поуровневого анализа письменной речи.

Степень информативности наличия индивидуальных особенностей построения письменного текста определяется прежде всего применительно к различным языкам мира такими категориями как конъюнкция-дисъюнкция, негация, импликация, силлогизация и т. д. Использование вышеперечисленных параметров письменной речи не только характеризует грамотность пишущего, но также уровень его мыслительных способностей, знаний, эмоциональных реакций и др. Разработка методики анализа письменного текста имеет громадное значение как для лингвокриминалистических изысканий, так и для разработки программ искусственного интеллекта (ИИ) и для обучения нейронных сетей при создании высокоэффективной модели речевой коммуникации.

© Р. К. Потапова, В. В. Потапов

14. РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОТКРЫТЫХ БИБЛИОТЕК ЯЗЫКА ПРОГРАММИРОВАНИЯ *PYTHON*

Искусственные системы в наше время способны хранить и обрабатывать огромные массивы данных, решать сложнейшие вычислительные задачи, работая со структурированной информацией. Однако задача обучения машин пониманию человеческого языка и извлечению смысла из текста — это чрезвычайно сложная задача в силу принципиальной невозможности структурировать сами исходные данные (исходные тексты). Направление исследований, занимающихся изучением возможностей и разработкой методов машинного анализа естественного языка, называется NLP (Natural Language Processing). Конечной целью всей деятельности по разработке NLP-алгоритмов, по сути, является создание искусственного интеллекта (ИИ), который бы «осознавал» смысл текстов и самостоятельно мог формировать «осмысленные высказывания». Сейчас эти идеи рассматриваются только в теории, на практике же современные системы ИИ далеки от интеллектуальных в человеческом понимании (БАЙМУРЗИНА 2021). Системы «умных домов», чат-боты, генеративные нейросети с языковыми моделями — нам может показаться, что это интеллект, но пока это только алгоритмы. Сложные, основанные на обработке больших данных, методах машинного обучения, глубокого обучения, но все же алгоритмы. Таким образом, под автоматической обработкой текстов сегодня понимают применение различных алгоритмических методов (NLP) для извлечения какой-либо полезной информации из текстовых данных и синтеза некоторого результирующего действия на основе анализа этой информации.

Реализация NLP-алгоритмов может существенно отличаться в зависимости от особенностей прикладных задач, для решения которых применяются указанные методы. Одними из наиболее распространенных задач анализа текстов являются классификация (Text Categorization) и кластеризация (Text Clustering) текстов. При кажущейся схожести указанные задачи имеют существенные отличия: под *классификацией* понимается отнесение

каждого текста к определенному классу из заранее определенного перечня, а под *кластеризацией* — разбиение множества документов на кластеры, т. е. на подмножества тематически схожих документов, перечень которых заранее не определен. Указанные задачи относятся к направлению Text Mining, которое, в свою очередь, является частью научной области Data Mining (интеллектуальный анализ данных), и решаются на основе методов машинного обучения. Решения задач автоматической классификации и кластеризации текстов сегодня широко используются на практике, например, для распознавания спама, рубрикации новостей, классификации SMS-сообщений.

К интересным и привлекающим все большее внимание исследователей задачам направления Text Mining можно отнести *сантимент-анализ* (Sentiment Analysis), то есть оценку тональности (эмоциональной окрашенности) текста и *выделение мнений* (Opinion Mining). Первая является, по сути, задачей классификации, вторая — кластеризации текстов. В качестве массивов исходных данных используются комментарии в блогах, переписки форумах, отзывы в Интернет-магазинах и т. п.

Указанные направления в NLP-задачах появились относительно недавно и активно развиваются в связи с усилением роли социальных сетей, появлением онлайн-овых рекомендательных сервисов, содержащих большое количество мнений людей по разным вопросам. Краудсорсинг как практика использования знаний группы для выполнения различных задач, поиска оптимальных решений и упрощения сложных процессов применяется сегодня во многих областях деятельности. В связи с этим задачи автоматизации информационного поиска, выделения мнений, обработки и анализа тональности соответствующих текстов имеют широкие перспективы прикладного использования. Остановимся чуть более подробно на содержании и методах решения указанных NLP-задач.

Сложность проведения анализа «мнения» состоит в многозначности оценочной лексики, зависимости тональности слова от контекста, использовании модификаторов полярности и сравнений.

Поскольку тональность в тексте чаще всего выражена лексическими средствами (словами и выражениями), для разных языков существуют опубликованные словари оценочной лексики. Подобные словари могут быть сделаны и по отдельным предметным областям и создаваться как вручную, так и автоматически (БОЛЬШАКОВА 2017). Например, в *Extraction of Russian Sentiment Lexicon for Product Meta-Domain* (СНЕТВИОРКИН & ЛОУКАШЕВИЧ 2012) описан подход к автоматическому созданию словаря оценочной лексики в области товаров и услуг для русского языка ProductSentiRus. Словарь ProductSentiRus был получен путем применения обученной модели к наборам отзывов в нескольких предметных областях: фильмы, книги, игры, цифровые камеры и мобильные телефоны. Словарь представлен в виде списка нескольких тысяч слов, упорядоченных по мере снижения вычисленной вероятности их оценочности без указания позитивной или негативной тональности. Несмотря на то, что словарь составлялся по специализированным отзывам, вверху списка (с вероятностью оценочности $P > 0,92$) оказались общеупотребительные слова, не имеющие привязки к конкретным предметным областям, такие как *бесподобный, невнятный, отличнейший, обалденный, безумно, непонятно, отвратный* и т. п. На основе огромных массивов уже имеющихся обработанных текстов и сформированных словарей можно проводить автоматическую классификацию новых текстов.

При решении задач анализа текста (например, сантимерт-анализа или выделение мнений) с использование NLP-алгоритмов можно выделить два основных подхода:

1. *Классическое машинное обучение.* Предполагает предварительную обработку текстов (токенизацию, удаление стоп-слов, нормализацию, векторизацию), т. е. извлечение из него основных признаков и далее обучение ML-модели на этих признаках.

2. *Глубинное обучение.* Нейронные сети самостоятельно извлекают необходимую информацию из текстов. Для этого могут использоваться полносвязные нейронные сети с архитектурами word2vec, fasttext или GloVe, рекуррентные нейронные сети и самые продвинутые сегодня архитектуры — трансформеры, которые основаны на использовании механизма внимания (attention).

Оба эти подхода могут быть реализованы с использованием специальных функций открытых библиотек Python.¹ Основными библиотеками для решения NLP-задач являются:

- NLTK — ведущая библиотека для работы с данными на естественном языке и машинного обучения, содержит большое количество различных функций и методов обработки текстов;

- Scikit-learn — содержит множество функций, реализующих различные модели машинного обучения, а также предварительную обработку данных, например, векторизация, уменьшение размерности.

- SpaCy — содержит готовые функции для создания и обучения самых современных моделей нейронных сетей, позволяет решать задачи распознавания и связывания именованных сущностей, маркировки частей речи, лингвистически мотивированной токенизации и многие другие; предоставляется с предварительно обученными моделями для нескольких десятков языков и разных задач.

Рассмотрим их применение последовательно на примере решения задачи сантмент-анализа текста с помощью машинного обучения.

Токенизация (разбиение текстов на фразы, слова, создание словаря) — функции модуля `nltk.tokenize` библиотеки NLTK. Таких функций (токенизаторов) около 20-ти, каждая имеет свои особенности выделения токенов. Например, `.word_tokenize` разбивает текст на слова, `.sent_tokenize` — на предложения, `.TextTilingTokenizer` — на фразы-абзацы, `.TweetTokenizer` разбивает текст на слова с использованием особенностей переписки в Twitter, то есть на основе регулярных выражений, для поиска в исходном тексте гиперссылок, смайликов, телефонных номеров, имен пользователей Twitter и т. п.

Обработка словаря (удаление стоп-слов и пунктуации) — функции модуля `nltk.corpus` все той же библиотеки NLTK. При этом функции работают со словарями разных языков, например, русского — `.stopwords.words("russian")`, или английского — `.stopwords`.

¹ <https://pythonist.ru/8-luchshih-bibliotek-obrabotki-estestvennogo-yazyka-dlya-python-nlp/?ysclid=172wubzlkv806734134>.

words("english"). Можно также добавить к стоп-словам знаки пунктуации, загрузив словарь символов `punctuation` из библиотеки `String`.

Нормализация токенов (лемматизация и стемминг) — для лемматизации текста на русском языке можно использовать функцию класса `Mystem` (`Mystem.lemmatize`) из библиотеки `rumystem3` или функцию класса `Rymorphy` (`MorphAnalyzer.analyze`) из библиотеки `rumorphy2`; для стемминга — функцию класса `SnowballStemmer` из библиотеки `NLTK` (`SnowballStemmer("russian").stem`).

Векторизация обработанного текста (приведение в формат наборов числовых векторов) — выполняется с использованием функций классов `CountVectorizer` (`CountVectorizer().fit_transform`) или `TfidfVectorizer` (`TfidfVectorizer().fit_transform`) библиотеки `Scikit-learn`.

В результате выполнения предобработки данных получаем датасеты, которые в дальнейшем могут применяться для обучения модели и ее дальнейшего использования.

Обучение модели и определение тональности новых текстов — реализуется с использованием функций и классов библиотеки `Scikit-learn`. Здесь так же можно выделить несколько этапов: сначала выбирается модель `ML`, далее модель обучается и тестируется на подготовленных обучающих данных (это векторизованные тексты — датафрейм x , с известной оценкой тональности — датафрейм y). Исходные данные разделяются с помощью функции `.train_test_split` на обучающие (x_{train} , y_{train}) и тестовые (x_{test} , y_{test}) датафреймы, после этого модель можно применять для сантмент-анализа любого нового текста.

Наиболее часто используемая модель `ML` — логистическая регрессия, которая реализуется функцией `LogisticRegression`, но можно использовать и нелинейные модели, например, `KNeighborsClassifier`.

Для обучения модели используют функцию `.fit(x_train, y_train)`, для дальнейшего тестирования — функцию `.predict(x_test)`. С ее помощью получают результат работы модели на тестовых данных.

Завершающий этап — оценка качества работы модели путем сравнения полученных результатов моделирования и y_{test} в выбранной метрике (вычисление ошибки предсказания). Чаще

всего используются метрики, реализованные в функциях `.assigau()`, `.score()`, `.roc_auc_score` и др. Если точность достаточно высокая (более 0,8), то обученную модель можно применять для анализа любых новых текстов.

© О. Я. Родькина

15. ЦЕННОСТНО-ОЦЕНОЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕРМИНОВ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Введение

В работе представлена интерпретация материалов *Проектного словаря-справочника когнитивных терминов*, изданного под редакцией автора в 2022 г. В словаре представлена терминосистема когнитивистики как формат знания и как часть лексической системы языка. В основе словаря лежат материалы российского научного дискурса (РОМАНОВА 2022) Схема представления терминов в словаре включает, в том числе, их оценочную интерпретацию и примеры контекстов такой интерпретации. Из 60 терминов для 32 выявлены случаи оценочной интерпретации, что часто свидетельствует о неоднозначном понимании и восприятии этих терминов. Оценочная интерпретация когнитивного термина (например, как важного, необходимого или, напротив, как лишнего) является показателем ценностных научных позиций исследователя. Если такие термины являются наиболее частотными в нашей выборке, это свидетельствует об их значимости (ценности) для терминосистемы когнитивной лингвистики.

В терминосистему когнитивной лингвистики изначально входят, кроме того, термины с ценностно ориентированным, культурно значимым компонентом значения *ценностный*, т. е. «связанный, соотносящийся по значению с существительным *ценность*; относящийся к нравственным, эстетическим и другим духовным ценностям».¹ *Ценностный* в контексте данной работы понимается как 'значимый в системе' и 'оценочно значимый'. К таким терминам относятся, к примеру, следующие: *картина мифа, языковая картина мифа, менталитет, ментальность, память, знание, смысл, стереотип, миф, антропоцентризм, сознание, внимание, восприятие*.

Анализ ценностно-оценочной интерпретации терминов в научном дискурсе позволяет воссоздать реальную картину объекта, выявить проблемные случаи рассогласования содержания

¹ ru.wiktionary.org.

терминов, уточнить понятийный аппарат с точки зрения единого образа терминосистемы. Тот, кто начинает заниматься современными когнитивными науками самого разного спектра (лингвистика, нейролингвистика, психоллингвистика, математика, информатика, биология, психология, философия и др.), сталкивается с избытием новых понятий, пришедших из разных наук и получивших в когнитивистике свою собственную интерпретацию.

Сказанное выше определяет необходимость создания общего терминологического аппарата, о чем постоянно говорят когнитивисты. Прочитируем, например, мнение В. В. Колесова:

На основе собственного исследовательского опыта и на принципах философского реализма автор призывает коллег к необходимости выработать единую и точную терминологию когнитивных исследований, отделив их от лексико-семантических штудий и представив их в системном порядке... Однако что-то не складывается с синтезом тех знаний, которые постепенно накапливаются в многочисленных частных описаниях. Кажется, что все дело в несобранности методических и особенно терминологических моментов этого научного направления (курсив наш — Т. Р.) (КОЛЕСОВ 2013: 48-49).

Задача нашего справочника — показать, как «живет» терминосистема когнитивной лингвистики в российском научном дискурсе.

Все сведения являются результатом обработки корпусных данных, подтверждаются иллюстративными примерами с обязательной паспортизацией источников. Сбор и анализ материала осуществлен с привлечением современных технологий создания корпусов текста: парсинг электронных ресурсов научных библиотек; сплошной поиск ключевых слов и сортировки материала в соответствии различными мерами ассоциативности: T-score, Z-score, loglikelihood и их обработки: автоматическая морфологическая разметка с помощью стандарта Universal Dependencies.

Важным этапом сбора корпуса стал отбор научных изданий, статьи которых включаются в датасет. В него включены научные журналы и сборники научных статей, связанные с исследованиями в области лингвистики и филологии, а также непосредственно специализирующиеся на когнитивной лингвистике и когнитологии, всего 23 источника. Из каждого журнала были выбраны по сто случайных статей (когда статей было меньше ста,

были взяты все доступные). Одним из основных источников статей стали издания серии «Когнитивные исследования языка» в связи с прототипическим характером данного научного ресурса для области когнитивной лингвистики. Также вручную было проанализировано 683 статьи из выпусков журнала «Вопросы когнитивной лингвистики» в период с 2004 по 2015 гг., а также 354 статьи из выпусков журнала «Вопросы когнитивной лингвистики» в период с 2010—2021 гг. Общий объем корпуса в итоге составляет 8 128 537 токенов, 1963 документов, 91 Мб (в формате *спасу DocBin*).

Результаты анализа

Первые наблюдения показали, что терминосистема когнитивной лингвистики активно развивается: термины когнитивной лингвистики по-разному трактуются в научном дискурсе, появляются новые интерпретации. Прочитав:

...термину нигде не дается строгого определения. Смысл его наращивается постепенно с изложением какой-либо научной концепции — так создается контекстуальное определение (ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК 1988: 330).

В ходе научной полемики появляются индивидуально-авторские толкования терминов:

...имеет смысл говорить об амбисемичности языка науки, поскольку в научных текстах, являющихся для терминов ареалом их функционирования, непременно актуализируется новое приращение знания в виде вновь созданных терминов, дефиниции которых далеко не абсолютны, т. е. открыты для дальнейшей интерпретации, а сам научный текст всегда гипотетичен (ГАТАРИНОВ 1996: 168).

Когнитивные термины в ходе активной научной полемики подвергаются оценочной интерпретации. Для оценки этого процесса из корпуса текстов, выбраны случаи оценочной интерпретации терминов в научном дискурсе. Положительная оценка связана с характеристикой терминов как *базовых, значимых, центральных, важных, ключевых* для когнитивной лингвистики:

...базовые понятия (категории) когнитивной лингвистики, как структуры знания, фреймы, скрипты, сценарии, образы, модели, гештальты, процессы концептуализации и категоризации и т. д. (ДЖУСУПОВ 2011: 72).

Исследователи языка в первую очередь обращаются к понятиям концептуализации и категоризации, являющимся ключевыми в описании когнитивных способностей человека (МАХОВИКОВА 2011: 40). Дальнейшее развитие теории ментального пространства и исследование теорий происхождения языка привели к созданию уникальной концепции — *теории концептуальной интеграции*, разрабатываемой Ж. Фоконье совместно с М. Тернером (КОВАЛЬЧУК 2011: 34). Как отмечает Н. К. Рябцева, понятие концептуальной интеграции является принципиально важным для языка в целом, поскольку язык сам по себе интегрален, синкретичен, многозначен (КОЗЛОВА 2011: 140).

Оценочной интерпретации подвергаются как ключевые термины, связанные с методологией когнитивной лингвистики типа *антропоцентризм*, имеющие множество гиперонимов (*принцип современного языкознания, базовый методологический принцип, категория современного языкознания, ведущий принцип когнитивистики, основа когнитивно-дискурсивного анализа единиц языка, способ концептуализации*), так и термины, обозначающие инструментарий когнитивной лингвистики. Например, как отмечает Болдырев, «...именно когнитивная матрица позволяет отразить различные связи модусного концепта с теми концептуальными областями, которые служат источниками его содержания» (БОЛДЫРЕВ 2007: 26; БУЯНОВА 2013: 21). Ассоциативный словарь, следовательно, более адекватно отображает реальное языковое сознание в его усредненном состоянии (УФИМЦЕВА & ЧЕРКАСОВА 2014: 197).

Одна из главных особенностей ассоциативных словарей состоит, на наш взгляд, в том, что они являются научным источником первичного характера, так как предоставляют пользователям материал, в минимальной степени подвергшийся обработке со стороны составителей и, следовательно, в наименьшей степени несущий на себе следы квалификационных и классификационных усилий составителей, их языкового вкуса, идейных установок и различного рода предпочтений (*ibid.* 2014: 89).

Приведем примеры отрицательной оценочной интерпретации.

Поскольку языковая личность на деле оказывается речевой, крепнет мнение, что научный концепт **ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ**

потерял свой эвристический заряд в свете накопившихся разысканий в области анализа дискурса... <...> возражение вызывают понятия «языковая личность», или «персонология». Это порождение концептуализма, сводящее национальную проблематику концепта к проблеме личного его использования (КОЛЕСОВ 2013: 54).

Отрицательная оценка может касаться не самих терминов, а дискуссии по их поводу.

У многих специалистов складывается впечатление, что термин «когнитивный» выступает как размытый и что по этой причине он зачастую «пуст» (Р. М. Фрумкина). Встречаются и еще более неожиданные утверждения. Рассуждая о вкладе когнитивной лингвистики в современное языкознание, В. Б. Касевич подводит итоги своего анализа, заключая, что разработанные здесь подходы и результаты, хотя и обогащают языкознание, «никак не создают ни нового объекта (точнее, предмета) исследования, ни даже нового метода» и что поэтому «правомерно полагать, что когнитивной лингвистики не существует (подчеркнуто В. Б. К.) — уже потому, что не существует некогнитивной (психо)лингвистики». Мне бы хотелось настоящей работой подчеркнуть ОБРАТНОЕ: когнитивная лингвистика, конечно, существует (как существует и некогнитивная — например, структурная), а в ее рамках складывается и особое понимание интересующего нас термина (КУБЯКОВА 2001: 2-3).

Если посмотреть на когнитивную лингвистику не со стороны того, что стимулировало ее появление (изучение мышления и познавательной деятельности, когниции), а с точки зрения ее предметного места в системе языковых уровней языка, то обнаружится, что она в целом занимается исследованием содержательных параметров языка. Это области когнитивной семантики, пространственной семантики, фреймовой семантики. Это изучение категорий и категоризации, концептов и концептуализации, метафоры и метафоризации, референции, информационных аспектов речевой деятельности (выдвижение, активация, фигура — фон), ментального языка и др. (ПРАВИКОВА 1999).

Без когнитивизма (в разных его версиях и проявлениях) и без когнитивной лингвистики, составляющей вместе с когнитивной психологией и когнитивной социологией ядро когнитивной науки, сегодня не может быть ответа на вопрос о том, как в принципе организовано сознание человека, как человек познает мир, каким он

его видит и осмысляет и какие сведения становятся знаниями и формируют основы разнообразных наук (МАХОВНИКОВА 2011: 34).

Термины могут демонстрировать существенные различия в интерпретациях. Так, *ментальность* интерпретируется и как лингвистическая и как категория языка и мышления. Лингвистическая категория ментальности является результатом обобщения лингво-исторического и культурно-философского опыта в процессах познания мира. Она отражает наиболее существенные корреляции объективной действительности, ее оценки, реализоваться в способностях (свойствах) конкретных знаков эксплицировать и воспроизводить по определенным языковым правилам семантику (признаки) национально-культурного видения мира языка различного уровня с помощью особых когнитивно-вербальных механизмов (БУЯНОВА & НАЧКЕБИЯ 2009: 85).

Ментальность как категория языка и мышления соотносится с категорией менталитета, который, по определению С. Г. Тер-Минасовой, есть не только форма состояния сознания, но и средство постижения явлений. (ibid.: 83) Ментальность рассматривается и как категория духовности и культуры, то есть как

...общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, создающая картину мира и скрепляющая единство культурной традиции или какого-либо общества (ИВАНОВ & ЛАКЕРБАЙ 2019: 181).

Различные интерпретации регулярно возникают из-за отождествления или не-отождествления языковых и ментальных единиц. Различные интерпретации связаны также с полиморфностью когнитивных процессов. Например, существует понимание процесса восприятия как многопланового, полиморфного и полидетерминированного явления, что объясняет существование целого ряда различных подходов (в первую очередь, в психологии) к его определению (ЛАЕНКО 2005: 9).

Мнение о том, что когнитивный подход к анализу языковых явлений является не более чем переименованием уже известных из исследований предыдущих лет лингвистических данных, частично подтверждается тем, что некоторые термины структурной лингвистики фигурируют и в когнитивной лингвистике (БЕЛЯЕВСКАЯ 2009: 13).

Выводы

Принятие / неприятие любого термина обусловлено степенью сформированности той области знания, которую он представляет. Действительно, в отличие от когнитивной стилистики когнитивная семантика имеет более очерченный и достаточно сформированный лингвистический статус как в диахроническом, так и синхроническом планах (ДЖУСУПОВ 2011: 66).

В отечественной когнитологии, где центральное место занимают семантические исследования, когнитивная семантика, использование интроспекции в качестве научного метода у большинства ученых не вызывает сомнений в силу того, что изучение языковых значений априори предполагает получение интроспективных данных (КРАЕВА 2021: 90).

В когнитивной семантике, по мнению большинства ученых, наиболее ярко проявилась специфика когнитивного подхода, а значение, так же, как и в отечественной лингвистике, является основным объектом исследования (ПОПОВА 2017: 378).

Кроме того, интерпретация терминов как неудачных связана со следующими обстоятельствами.

1. *Заимствованный характер.* Слово «импликация», имеющее в русском языке только терминологическое употребление, в английском языке имеет также нетерминологические значения 'следствие', 'последствия'. Очевидно, что в данном случае русский термин *импликация* сыграл роль «ложного друга переводчика», поскольку, по мнению Е. В. Падучевой он имеет другое общепринятое значение» (АНТОШИНА 2018: 53).

2. *Неразработанность методик анализа.* Несмотря на пристальный интерес ученых к фрейму и активное использование данного термина в лингвистических исследованиях необходимо признать, что понятие «фрейм» еще не получило однозначной трактовки. Определения, которое охватывало бы и включало все стороны и аспекты изучаемого явления, нет в современной лингвистике, как нет и четкой методики изучения фрейма (СОКОЛОВА 2007: 236). Как писал В. В. Колесов,

...бедой концептуальных исследований является смешение с узколексикологическим описанием наличного материала. Следует выработать точные требования, за которыми когнитолог ни в

кчем случае не должен совершать подмену исследовательских методов: слово в концептологии имеет совсем другую ценность, чем в лексикологии и даже в семантике. Это знак, несущий концепт со всеми его содержательными формами, проявляемыми в тексте и в действии (КОЛЕСОВ 2013: 54).

Если вернуться к описываемому словарю-справочнику, нужно сказать, что его научная новизна обуславливается тезаурусно-энциклопедическим характером. Такая форма позволяет описать термин как *логос* и как *лексис* (по А. А. Реформатскому). Материал, представленный в словаре, показывает необходимость выработать единую и точную системную терминологию, чтобы отделить когнитивные исследования от лексико-семантических.

© Т. В. Романова

16. SUPRASEGMENTALIA IN DER KASPRANSKIJ-REALISATI- ONSTHEORIE DER PHONOLOGISCHEN SYSTEME

Die Realisation des Sprachsystems in der Rede bedeutet einerseits das Resultat der Tätigkeit, das als Text oder Korpus gedeutet werden kann, aber andererseits ist es der Prozess, der den Übergang der abstrakten Einheiten der emischen Ebene in die der etischen beinhaltet (ACHMANOVA 1969: 77). In diesem Zusammenhang ist von großer Bedeutung die an der Linguistischen Universität Nishni Novgorod entwickelte Realisationstheorie der phonologischen Systeme von Professor Raviľ R. Kaspranskij (KASPRANSKIJ 1980), dessen Nachfolger Professor Walerij M. Bucharov wurde und weitere Erforschungen sowohl auf der segmentalen Sprachebene als auch im suprasegmentalen Bereich fortsetzte (siehe BUCHAROV 1992, 2022; SAMOZHENOV 1992; IVANOV 1998; BUROVA 2003; BANKOV 2008; KUSMICHEVA 2011; VOLKOV 2013; KUSNEZOV 2020 u. a.).

Laut Kaspranskij-Theorie verläuft der Prozess der Realisation abstrakter Systemeinheiten der emischen Reihe in den materiellen individuellen Spracheinheiten nach folgendem Schema:

Lautkette (Folge der akustischen Signale)

A

B

Abstraktes System

Beim unmittelbaren Betrachten werden nur akustische Phänomene als zeitliches Kontinuum wahrgenommen, was an sich Resultat der Realisation darstellt. Das, was unter der Linie AB liegt, ist unsichtbar (abstrakt), und man kann nur abstrakte Vorstellungen über den Weg von den konkreten materiellen Redeeinheiten zu den abstrakten sprachlichen und umgekehrt machen.

Die Realisationsbeziehungen zwischen den abstrakten Systemeinheiten und den materiellen Elementen der Redekette können eins zu eins eindeutig sein, d. h. jede Einheit der emischen Reihe (Phonem, Intonem) mit einer und nur einer Einheit der etischen Reihe (Sprechlaut, Prosodiestruktur) korreliert. Eben deshalb ist es möglich Phänomene mit den Transkriptionszeichen in der Phonemtranskription zu verbinden: jedem Phonem kann nur ein Transkriptionszeichen zugeschrieben werden. Die Zahl der Phoneme im System kann also der

Zahl der Repräsentationszeichen in der Phonemtranskription entsprechen, die Realisation der sprachlichen Äußerung erfolgt als konsequente Entfaltung der Repräsentantenkette genau nach der Phonemstruktur der sprachlichen Äußerung. Solche Beziehungen verbinden auch abstrakte konventionelle Intonationsmodelle (Intoneme) mit den konkreten Hörbildern der sprachlichen Äußerung in den sachlichen Realisationen der Phrasen. Zum Beispiel: *Sahra Wagenknecht spricht am Dienstag im Bundestag.*

Die, vom Sprecher im Tonstudio ohne vorgegebene appellativ-situative Koordinaten ausgesprochene Phrase, wird auf solche Weise Manifestation der Phonem- und auch der Intonemreihe, wobei die letztere sich in der konkreten prosodischen Struktur dieser vorgegebenen sprachlichen Äußerung realisiert. Also auf der Systemebene existiert das Intonem, das mindestens aus drei Komponenten besteht und ohne die die sprachliche Kommunikation als solche undenkbar ist — das sind die Satzmelodie, der Fokus und die Intensität: „Intonem ist ein Bündel der prosodischen Bedeutungen“ (NIKOLAYEVA 1977: 20). Die gesprochene Phrase würde als laut, nicht laut, gedämpft wahrgenommen; sie würde eine bestimmte Zeit und mit der bestimmten Melodie lauten; der Hörer würde sich die bestimmte Klangfarbe des Sprechers merken.

In der natürlichen mündlichen Realisation fehlen eins zu eins Beziehungen der Einheiten der emischen und der etischen Reihen. Der Realisationsprozess trägt hier einen komplizierteren Charakter. Der Übergang vom abstrakten System zum natürlichen Sprechen erfolgt nach bestimmten komplizierten Übergangsregelungen gleich wie einzelne Details, Elemente oder Charakteristika eines Digitalfotos sich durch „Fotoshop“ modifizieren lassen. Das Phonem als Systemeinheit der phonologischen Ebene wird in der Rede nur durch seine phonologisch wesentlichen Merkmale präsentiert (TRUBEZKOY 1960: 48) oder durch den Bündel der distinktiven Merkmale (JACOBSON 1962: 201), die vom Standpunkt des phonologischen Sprachsystems und der Position der sinnunterscheidenden Funktion aus relevant sind. Aber in der natürlichen Rede kann das Phonem nicht als Bündel nur der phonologisch relevanten (distinktiven) Merkmale funktionieren. Im Manifestationsprozess füllt es sich mit einer Reihe akustischer Merkmale aus, die vom rein linguistischen, semiotischen Standpunkt

aus keine Funktion ausüben.

Nach N. Trubezkoy (TRUBEZKOY 1960: 49) sind die Laute keine Phoneme selbst, denn das Phonem kann keinen einzigen phonologisch unwesentlichen Zug enthalten, was für die Laute in der Rede unumgänglich ist. Die in der Rede hörbaren, konkreten Laute sind bloß materielle Symbole der Phoneme. Die Gesamtheit aller, sowohl phonologisch wesentlichen als auch unwesentlichen Merkmale, die sich in dem Punkt des Redeflusses finden, wo sich das Phonem realisiert, nennt Trubezkoy Sprachlaute (ibid.: 48). Die das Phonem und den Sprachlaut verbindenden Verkörperungsbeziehungen sind nicht geradlinig und sind nicht nur funktional bedingt. Bei der Realisation müssen zum Bündel der distinktiven Merkmale die phonologisch unwesentlichen (nichtphonologischen) Merkmale hinzugefügt werden, die bei der Systemanalyse „weggeworfen“ werden. Die nichtphonologischen, aber unumgänglichen und obligatorischen lautlichen Merkmale und Eigenschaften werden nach den historisch in der Sprache gebildeten Regelungen hinzugefügt. Diese Regelungen treten in der Sprachstruktur als Realisationsnormen auf — kodifizierte Aussprachenorm, umgangssprachliche Norm, Dialektnorm u.a. Ebenso erfolgt nach Kaspranskij (KASPRANSKIJ 1980: 15) die Realisation des Phonems gemäß dem phonologischen System, einer der Realisationsnormen und den Realisationsstilzügen nach folgendem Schema: Sprachsystem (Phonem) > Norm (Sprachlaut / Lauttyp) > Stil (Lauttypvariante) > Redekette (Sprechlaut).

Die Auffüllung des phonologischen (distinktiven) Rasters mit den nichtphonologischen Merkmalen erfolgt nach den Normregelungen, d. h. im Zusammenhang mit den charakteristischen Lauttypen einer Sprache. Die Lauttypen werden mit den phonologischen Einheiten durch die Manifestationsbeziehungen in die Gesamtheit verbunden, die die phonetische Norm der Sprache darstellt. Die Realisation des phonologischen Systems erfolgt nach strikten Normregelungen, sei die Norm kodifiziert oder nicht. Nach demselben Prinzip werden in der Rede die Intoneme realisiert. Zum Beispiel: *Sahra Wagenknecht spricht **am Dienstag** im Bundestag.*

In der Rede wird hier dasselbe Intonem realisiert wie beim sachlichen Sprechen, aber von der kommunikativen Situation bedingt, tritt

sie in Gestalt einer anderen Prosodiestruktur auf, die sich mit ihm (Intonem) in gleichen Beziehungen befindet wie das Phonem und der Sprechlaut. Wenn *am Dienstag* sehr leise vor einem großen Auditorium ausgesprochen wird, oder laut ausgerufen ins Ohr einem nicht taubstummen Gesprächspartner geschrien, dann wäre es bereits weder eine phonetische Norm noch ein Stil, sondern ein abweichendes Verhalten.

Sprechen wir *Sahra Wagenknecht spricht an Dienstag im Bundestag?* aus. Hier verändert sich die kommunikative Intention der Phrase, verändert sich ihre suprasegmentale Gestalt, daraus folgt, dass in diesem Fall die Realisation eines anderen Intonems erfolgt. Welches Bündel der prosodischen Bedeutungen spielt hier die Rolle des distinktiven Merkmals? Bestimmt ist es die Tonführung im Fokus: im ersten Beispiel (von der Intention her — Aussage) ist die Tonführung terminal, im Fragesatz ist sie dagegen interrogativ, wodurch der Sinn unterschieden wird. Zusammenfassend lässt sich behaupten, dass die Kaspranskij-Realisationstheorie der phonologischen Systeme auch auf der suprasegmentalen Sprachebene anwendbar werden kann.

© С. Н. Саможенов

17. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУКА

Введение

Переводоведение, или наука о переводе, по-прежнему считается дисциплиной молодой. Конечно, 60-70 лет с точки зрения истории науки или, тем более, истории человечества — это ничтожно мало. Но это вовсе немало для самой научной дисциплины, которая зарождалась, бурно развивалась, преобразовывалась, обогащалась новыми идеями и подходами на глазах всего лишь одного поколения людей. Нас, конечно же, не может не интересовать и вопрос о статусе переводоведения в системе гуманитарного знания. И в этом отношении с наукой о переводе происходили определенные метаморфозы (они-то и станут предметом рассмотрения в настоящем разделе), которые привели к обретению переводоведением того статуса, которым оно обладает сегодня.

Становление переводоведения не было простым: оно происходило в ходе ожесточенных дискуссий, сопровождавшихся столкновением разных концепций и подходов к изучению переводческой деятельности, по сути, разных представлений о сущности переводческой деятельности как таковой. Эти дискуссии продолжаются до сих пор, что, впрочем, не препятствует развитию переводоведения и его обогащению новыми идеями.

Но основным фактором, способствующим дальнейшему развитию науки о переводе, является изменение характера переводческой деятельности. Она становится все более и более многообразной, многоаспектной, технологизированной; создание переводческого продукта предполагает сегодня участие не только переводчика, но и представителей смежных профессий, также имеющих представление о сущности перевода. Не следует забывать и о необходимости подготовки переводческих кадров и специалистов в смежных областях на основе определенной переводоведческой концепции. Все это, в свою очередь, требует осознания специфики отдельных аспектов перевода, уточнения сущности переводческой деятельности вообще, определения влияния цифровизации на ход и результат переводческого процесса, чем, собственно, переводоведы сейчас и занимаются. Переводоведение

как наука об общих и частных аспектах перевода не может существовать обособленно от перевода как такового и от переводческой профессии. По нашему глубокому убеждению, оно имеет право на существование, только если находит выход в практику переводческой деятельности и в дидактику перевода. Без этого, действительно, теория суха и — добавим — никчемна. Соответственно, в дальнейшем в наших рассуждениях мы будем учитывать только те переводоведческие концепции, которые действительно ориентированы, как минимум, на описание реального переводческого процесса и способствуют уточнению подходов к подготовке переводческих кадров.

С вопросом о статусе переводоведения связан и вопрос об ориентировочном составе этой науки. Мнения на этот счет тоже были разными в разные периоды развития науки о переводе. Заметим, что сочетание «наука о переводе» в этом отношении, пожалуй, самое безопасное, поскольку не предполагает уточнение ориентировочного состава науки, а, значит, и не может провоцировать какие-то дискуссии. Но когда возникает реальная потребность определить, что же мы все-таки включаем в переводоведение, выясняется, что и здесь подходы могут различаться. Одни ученые полагают, что переводоведение — это то же самое, что теория перевода, причем преимущественно лингвистическая теория перевода или лингвистическое переводоведение. Мы же считаем, что переводоведение — это комплексная дисциплина, включающая множество связанных между собой разделов. Теория перевода, с каких бы позиций она ни развивалась, — это хоть и основной, но далеко не единственный раздел переводоведения. К числу прочих разделов исследователи относят историю переводческой деятельности, критику перевода, переводческую лексикографию. Мы настаиваем на том, что и дидактика перевода — это раздел переводоведения, а не лингводидактики, как считают некоторые (ПОРШНЕВА 2016). Именно включение дидактики перевода в состав переводоведения обеспечивает практическую значимость этой дисциплины и снижает степень схоластичности многих переводоведческих штудий.

Для точного определения нынешнего характера и статуса переводоведения необходимо прежде всего кратко осветить ход

становления этой науки в исторической ретроспективе.

Насколько самостоятельна наука о переводе?

Представление о том, что переводоведение, или наука о переводе — это самостоятельная научная дисциплина, утвердилось далеко не сразу. На начальном этапе возникновения и развития переводоведения бытовало мнение, что такой науки и быть-то не может. Наиболее категорично это мнение выразил в 1952 г. А. А. Реформатский, написав:

Такой науки быть не может. Практика перевода может пользоваться услугами многих наук, но собственной науки иметь не может. Это вытекает из разнообразия типов и жанров перевода (РЕФОРМАТСКИЙ 1952: 12).

Действительно, сложно поспорить с тем, что перевод многообразен: художественный и специальный перевод имеют свою специфику, устный перевод — это не то же самое, что письменный; своей спецификой обладает и аудиовизуальный перевод (МАЛЕНОВА 2023). В рамках этих основных видов переводческой деятельности можно выделить множество подвидов, каждый из которых тоже достаточно специфичен. Однако означает ли это, что у исследователей нет возможности определить *общие* закономерности перевода, изучить характер когнитивных процессов, протекающих в сознании переводчика, когда он осуществляет перевод, независимо от вида перевода? Сам Реформатский считал, что есть все же нечто общее, объединяющее все виды перевода, и этим общим являются лингвистические аспекты перевода. Исходя из этого, он делал следующий вывод: «Однако есть одна наука, которая, никак не претендуя на звание «науки о переводе», может быть полезна для любого типа и жанра перевода. Это — лингвистика» (РЕФОРМАТСКИЙ 1952: 12). Таким образом, по мнению Реформатского, изучение перевода может осуществляться только с позиций и в рамках лингвистики.

Следует признать, что это мнение не было ни случайным, ни субъективным. Оно определялось как особенностями переводческой деятельности, так и состоянием языкознания в 1940-е — 1950-е гг. Именно в это время в языкознании отчетливо проявился интерес к сопоставительному изучению языков на синхронном уровне, а в переводческой деятельности на первый план

вышли такие виды специального перевода как научно-технический перевод, официально-деловой, военный и т. п. Стало ясно, что трудности, с которыми сталкиваются переводчики, например, научно-технической литературы, обусловлены прежде всего межъязыковыми различиями. Отсюда и прямой интерес к изучению в рамках лингвистики тех переводческих проблем, которые связаны с различиями между системами и структурами языков, сталкивающихся в рамках переводческого процесса.

Подобная точка зрения вызвала возражения уже в 1950-х гг.: исследователи все больше убеждались в необходимости создания теории перевода как самостоятельной дисциплины. Об этом, в частности, писал А. В. Федоров (ФЕДОРОВ 1958: 14), а Э. Н. Мишкурков указывал, что еще в 1958 г. на Втором съезде славистов в Москве шла горячая дискуссия о роли и месте перевода в культурной жизни общества, и уже

...в то время было предложено идентифицировать переводоведение как особую самостоятельную науку, не относящуюся исключительно к лингвистике или литературоведению (МИШКУРОВ 2024: 75).

В 1972 г. Джеймс Холмс на Третьем международном симпозиуме по прикладной лингвистике в Копенгагене заявил о необходимости признания теории перевода самостоятельной областью научных исследований и определил задачу новой науки в «...установлении общих принципов, помогающих объяснять и предсказывать реальные проявления теоретических закономерностей процесса перевода» (*ibid.*). Заметим, что «общие принципы» перевода рассматривались исследователями именно как общие, то есть применимые ко всем видам перевода — и художественного, и специального.

При этом, как уже было сказано, зародившаяся теория перевода все еще уютно размещалась в лоне лингвистики. Это определялось не только указанными выше факторами, но и общим представлением переводоведов о сущности перевода, о переводе как деятельности, об общих задачах, решаемых переводчиком. Это представление воплотилось в определении перевода, предложенном Федоровым: «...перевести — значит выразить точно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами

другого языка в неразрывном единстве содержания и формы» (ФЕДОРОВ 1958: 11). Другими словами, переводчик решает задачу по воссозданию оригинала средствами другого языка — и не более того. Вполне очевидно, что для исследователей того времени объектом перевода был исключительно текст, причем текст, существующий как бы сам по себе, в отрыве от той ситуации, в которой он должен восприниматься и использоваться реципиентом. Понятно, что при таком подходе к переводу в центре внимания переводоведов оставались только сугубо лингвистические факторы, а сам лингвистический подход получил обоснование во все той же работе Федорова:

Поскольку перевод всегда имеет дело с языком, всегда означает работу над языком, постольку перевод непременно требует изучения в лингвистическом разрезе — в связи с вопросом о характере соотношения двух языков и их стилистических средств (*ibid.*: 16).

1950-е — 1970-е гг. — время бурного развития сугубо лингвистической теории перевода, которая, сохраняя свою связь с языкознанием, постепенно отделялась от него, обретая статус действительно самостоятельной науки. Но и связь теории перевода с языкознанием в это время стала осознаваться переводоведами более полно, т. е. не так узко, как это представлено в трактовке Федорова. Неслучайно А. Д. Швейцер в 1988 г. писал о связи теории перевода с такими разделами лингвистики как контрастивная лингвистика, социолингвистика, психолингвистика, лингвистика текста. Это закономерное явление было обусловлено тем, что к тому времени в рамках языкознания уже завершилось формирование этих лингвистических дисциплин. Но сам статус теории перевода все же оставался неопределенным. «...теория перевода поддерживает тесную связь с другими языковыми и неязыковыми дисциплинами», — писал Швейцер (ШВЕЙЦЕР 1988: 9). Остается неясным, входит ли теория перевода в состав языкознания наравне с другими лингвистическими дисциплинами, или она обрела статус самостоятельной науки, связанной как с языкознанием, так и с неязыковыми дисциплинами?

Большая определенность в решение этого вопроса появилась в связи с тем, что в переводоведении стали называть «поворотами» («turns») (SNELL-HORNBY 2006). И прежде всего это

«культурный поворот» («cultural turn»), означавший расширение объекта изучения в рамках переводоведения: исследователей стали интересовать не только лингвистические аспекты перевода, но и факторы экстралингвистического характера, прежде всего, межкультурные различия. Тогда-то, вероятно, и появился тезис: «Перевод — это не только столкновение языков, но и столкновение культур». Таким образом, переводоведам потребовалось некоторое время, чтобы в полной мере учесть очевидное, казалось бы, явление, а именно: связь языка и культуры, поскольку, используя языковой код, представители определенного языкового сообщества тем самым одновременно используют культурный код. Как справедливо указывает В. М. Бухаров,

как культура, так и язык являются взаимозависимыми и взаимодополняющими друг друга сущностями, которые не могут существовать одна без другой... Причина несовпадения языковых кодов кроется прежде всего в несовпадении культурных кодов, одним из существенных компонентов которых являются фоновые знания, уровень и содержание которых зависят от целого комплекса причин, лежащих за пределами языка (БУХАРОВ 2014: 94).

Из этого базового положения следуют выводы, чрезвычайно значимые для науки о переводе. Впрочем, в последовавшие за «культурным поворотом» годы в переводоведческой литературе они были рассмотрены и обоснованы весьма подробно. Но еще больший отрыв переводоведения от языкознания образовался после появления так называемого функционального подхода к переводу (functionalist approach) — сначала в зарубежном переводоведении (СДОБНИКОВ 2010), а потом и в отечественном (SDOBNIKOV 2009). По нашему мнению, в наиболее полном виде этот подход представлен в «скопос-теории» Г. Фермеера и К. Райс (REIS & VERMEER 2013), а также в работах К. Норд (NORD 1997; NORD 2006). К числу отечественных предтеч функционального подхода можно с полным основанием отнести Швейцера, который в своих работах оперировал такими понятиями как доминантная функция текста, коммуникативная интенция отправителя речевого сообщения, коммуникативный эффект (ШВЕЙЦЕР 1973; ШВЕЙЦЕР 1988). Основные положения теории Швейцера были проанализированы нами в статье к 100-летию со его дня рождения (СДОБНИКОВ

2023). Переводческое событие стало рассматриваться в рамках коммуникативной ситуации, иначе говоря, ситуации коммуникации разноязычных субъектов. Таким образом, перевод в представлениях исследователей постепенно обретал «человеческое лицо», т. е. стал восприниматься как деятельность, осуществляемая людьми, ради людей и с определенной целью. Позднее, на основе подходов к переводу, использованных представителями функционального направления в переводоведении, были сформулированы основные положения коммуникативно-функционального подхода к изучению и осуществлению перевода (СДОБНИКОВ 2015; СДОБНИКОВ 2016).

Изучение переводческого события как речевой деятельности, осуществляемой в определенной ситуации и с определенной целью, оказалось невозможным в рамках сугубо лингвистического подхода, в рамках языкознания — с характерной для него проблематикой и методологией. Переводоведению стало просто тесно в рамках языкознания, которое не позволяло охватить все аспекты переводческой деятельности, и в последние два-три десятилетия оно де факто стало самостоятельной научной дисциплиной среди филологических наук.

К сожалению, в представлении многих исследователей, преподавателей перевода и — особенно — организаторов переводческой подготовки переводоведение по-прежнему воспринимается как сугубо лингвистическая дисциплина, о чем пишет в своей статье Н. К. Гарбовский:

...перевод — деятельность с историей, уходящей вглубь тысячелетий, где сегодня человек соперничает с искусственным интеллектом, деятельность, позволившая передачу научных и культурных знаний от одних народов другим, несмотря на языковые барьеры, обеспечивающая успех географических открытий и дипломатических переговоров, стимулировавшая развитие и совершенствование словесности на разных языках мира, деятельность, где решения принимаются *не только с учетом лингвистических, но и этических, социальных, психологических, исторических, этнических, логических и многих других факторов* (курсив мой — В. С.), — в представлении современных организаторов науки не представляет собой объект изучения специальной междисциплинарной отрасли научного знания (ГАРБОВСКИЙ 2022: 22-23).

Далее мы попытаемся обосновать ошибочность такого представления.

Понятие междисциплинарности применительно к изучению перевода

Поставив перед собой задачу обосновать статус переводоведения как междисциплинарной науки, мы должны прежде всего определиться с базовым термином *междисциплинарность*. В общем смысле этот термин выражает «интегративный характер современного этапа научного познания» (ГУСЕВ 2009: 477). Более конкретно это понятие определяют Х. Якобс и Дж. Борланд, на которых ссылается И. В. Лысак: междисциплинарность — это «вид знания, включающий методологию и терминологию более чем одной научной дисциплины для рассмотрения определенной темы, проблемы или явления» (ЛЫСАК 2016). Из этого определения следует, что междисциплинарность предполагает использование данных разных наук, каждая из которых имеет собственный предмет исследования и свою методологию, но при этом все они имеют общий объект исследования. Необходимость использования данных разных наук определяется самим характером исследуемого объекта. Лысак считает, что «...междисциплинарные исследования проводятся в том случае, когда предмет исследования слишком сложен, а проблема слишком масштабна для определенной научной дисциплины» (ibid.). Преимущество междисциплинарности видится в том, что она «позволяет исследовать объект в его целостности, объединять данные, полученные специалистами различных дисциплин, привести к возникновению новых, плодотворных концепций, расширяющих и углубляющих существующий корпус научного знания» (ibid.). Все эти положения в полной мере применимы и к переводоведению.

Следует признать, что объект науки о переводе, а таковым является переводческая деятельность, оказался действительно слишком сложным и многогранным для того, чтобы его можно было изучить в достаточно полной мере лишь в рамках лингвистики. Потребовались данные других дисциплин, причем не только лингвистических, иные методы и новые подходы, используемые различными научными направлениями. При этом выбор таких направлений был не стихийным или случайным, а вполне

закономерным и определялся характером изучаемого объекта, а также характером тех задач, которые ставили и ставят перед собой исследователи (предметом исследования).

Представление о переводе как об исключительно речевой деятельности переводчика по «преобразованию текста на одном языке в текст на другом языке», как о своего рода «филологической игре» оказалось слишком узким, чтобы выявить истинную сущность перевода. Сейчас можно считать признанным тот факт, что перевод всегда осуществляется в определенной коммуникативной ситуации, более того, в определенном социуме, он всегда выполняет социальное предназначение. Учет особенностей той социальной среды, в которой выполняется перевод, особенностей социальной структуры общества — одна из важнейших задач переводчика, от успешного решения которой зависит успех переводческой деятельности. Соответственно, привлечение данных социологии столь же необходимо в переводоведческих исследованиях, сколь и привлечение данных лингвистики.

В 1980—1990-х гг. в переводоведении получил распространение и всеобщее признание тезис: «Перевод — это вид межъязыковой коммуникации» или, как минимум, перевод — это вид языкового посредничества. Вполне очевидно, что осуществляя свою деятельность, переводчик должен обеспечить некую связь между автором оригинала и получателем переводного текста, своего рода «коммуникацию» между ними. Следовательно, для более полного решения задачи описания характера переводческой деятельности необходимы знания теории коммуникации, а также ее отдельных разделов, например, теории социальной коммуникации, теории массовой коммуникации и т. п. Некоторые авторы, рассматривая проблемы теории коммуникации, обращаются к переводческой проблематике (КАШКИН 2007). Можно, конечно, усомниться в том, что благодаря переводу во всех случаях происходит коммуникация между разноязычными субъектами; по крайней мере, это кажется особенно сомнительным в большинстве случаев письменного перевода, о чем мы подробно писали ранее (SDOBNIKOV 2023). Но даже для того, чтобы обосновать эти сомнения, и, тем более, для того, чтобы их отместить, необходима опора на положения теории коммуникации.

Не следует, однако, забывать, что в своей основе деятельность переводчика — это, все же, речевая деятельность, направленная на восприятие и порождение текстов. В рамках переводческого события речевую деятельность осуществляет не только переводчик: автор оригинала продуцирует текст, следуя определенной коммуникативной интенции, получатель перевода воспринимает текст, используя имеющиеся в его распоряжении языковой и культурный коды. Не случайно В. М. Бухаров и Ж. В. Никонова указывают, что

в междисциплинарном контексте речевой акт характеризуется чаще всего как вид социального действия, участниками которого в рамках определенной социальной интеграции являются адресант и адресат, обладающие некоторым фондом общих речевых навыков, знаний и представлений о мире (БУХАРОВ & НИКОНОВА 2018: 31-32).

Нет сомнения в том, что для того, чтобы коммуникация была успешной, адресант и адресат сообщения должны иметь общие знания и представления о мире. Применительно к межъязыковой и межкультурной коммуникации это условие становится еще более существенным: наивно бы было предполагать, что представители разных культур обладают абсолютно общими знаниями и представлениями. Как раз напротив, их знания и представления во многом различаются, из чего следует непреложная истина: чтобы обеспечить взаимопонимание разноязычных коммуникантов, понимание переведенного сообщения в достаточном объеме, переводчик должен сделать непонятное или неизвестное для получателя перевода понятным. Разумеется, переводчик, создавая текст, использует языковой код получателя перевода, т. е. иной язык. Однако простое перекодирование сообщения средствами переводящего языка чаще всего недостаточно для того, чтобы обеспечить уяснение содержания и смысла переводного текста представителем иной культуры. Ведь, по сути, речь идет вовсе не о воспроизведении в переводе значений языковых единиц и синтаксических структур и даже не только о воспроизведении функций языковых единиц, а о выражении авторской мысли, описании ситуаций, явлений, процессов, представленных в оригинале, сред-

ствами переводящего языка, причем так, как это принято в переводящем языке, т. е. в полном соответствии с нормами, узусом, конвенциями переводящего языка. Все это вновь возвращает нас к проблемам сугубо лингвистическим, но при этом мы должны обратить внимание на неразрывную связь между языковыми, культурологическими аспектами и аспектами, изучаемыми теорией коммуникации. Чтобы познать сущность перевода, изучать эти аспекты нужно только в комплексе, учитывая взаимную обусловленность их проявлений в рамках переводческого процесса.

Однако наше представление о сущности перевода все равно не будет истинным, если мы не поставим перед собой цель установить характер когнитивных механизмов, происходящих в сознании переводчика во время осуществления им перевода, то есть заглянуть в «черный ящик», которым, собственно, и является сознание переводчика. Эта задача решалась на протяжении последних десятилетий как в отечественном переводоведении, так и в зарубежном. В результате были созданы так называемые модели перевода, некоторые из которых претендуют даже на статус теорий. Достаточно подробно эти концепции были рассмотрены В. Н. Комиссаровым (КОМИССАРОВ 2001: 179-314; КОМИССАРОВ 2002). Пожалуй, вполне закономерно, что описание процесса перевода осуществлялось с сугубо лингвистических позиций — во второй половине XX в. других оснований просто не было. Не случайно и то, что работа Комиссарова носит столь говорящее название: *Лингвистическое переводоведение в России* (КОМИССАРОВ 2002). Пытаясь описать процесс перевода, исследователи оттачивались от предположения, что в рамках переводческого процесса осуществляется переход от знаков одного языка к знакам другого либо своего рода перекодирование сообщения средствами переводящего языка. Сейчас мы уже понимаем всю ограниченность такого подхода.

Более полную картину процессов, происходящих в сознании переводчика, можно получить, используя положения психолингвистики, т. е. науки о порождении и восприятии речи. Очевидно, что в процессе перевода переводчик *воспринимает* речевое произведение на одном языке и *порождает* речевое произведение на

другом языке, следовательно, психолингвистические исследования вполне могут пролить свет на характер реализации когнитивных механизмов в сознании переводчика. Значительную помощь в решении этой задачи нам может оказать теория речевых актов, созданная, прежде всего, для того, чтобы описать процесс порождения речевого произведения. В соответствии с этой теорией процесс речепорождения можно представить в виде последовательности определенных этапов, или фаз (ЛЕОНТЬЕВ 1997: 135-138).

1. Система мотивов, а точнее, система внеречевых факторов, образующих мотивацию речевого действия. На этом этапе осуществляется первичная ориентировка в проблемной ситуации (*ibid.*: 136).

2. Порождение речевой (коммуникативной) интенции. На этом этапе четко выделяется коммуникативная задача и осуществляется вторичная ориентировка — в условиях этой задачи (*ibid.*: 137).

3. Формирование внутренней программы речевого действия. На этом этапе происходит опосредование речевой интенции личностными смыслами, закрепленными в тех или иных субъективных кодовых единицах (*ibid.*).

4. Реализация внутренней программы: сначала происходит переход от смыслов, закрепленных в субъективном коде, к значениям «внешних» слов реального языка, а затем — «превращение грамматики мысли в грамматику слов» (*ibid.*: 138).

5. Звуковое осуществление высказывания.

Очевидно, что теория речевых актов создавалась применительно к общению на одном языке. Речевое поведение переводчика имеет более сложную структуру, прежде всего, потому, что мотив и коммуникативная интенция переводчика, условно говоря, не являются его собственными мотивом и интенцией: они возникают только в результате постижения мотива и интенции автора оригинала. Но чтобы осознать мотив порождения исходного текста, переводчик должен пройти путь в направлении, противоположном тому, каким шел автор оригинала: от анализа языкового («звукового») выражения мысли — к постижению авторской интенции и, наконец, к пониманию мотива автора. При этом на формирование интенции и мотива переводчика влияют

не только результаты анализа текста как такового, т. е. анализа его содержания и формы, уяснение интенции и мотива автора, но и учет внетекстовых факторов, прежде всего, условий порождения текста перевода и способа его использования потребителями, т. е. той среды (*англ.* environment), в которой текст перевода рождается, живет и выполняет определенную, назначенную ему функцию. Условия среды, в конце концов, обеспечили и создание исходного текста и определили его характер, что также учитывается переводчиком.

Заметим попутно, что некоторые исследователи, вероятно, далекие от психолингвистики, исходят из того, что переводчики могут иметь собственные мотивы, отличные от мотивации автора оригинала. Так, Р. Р. Чайковский пишет, что возникновение перевода определяют,

...по нашему мнению, прежде всего, разнообразные импульсы, поводы, причины, мотивы. Среди них — удовольствие от текста, соперничество с другими переводчиками, исполнение переводческого долга, заработок, в конце концов (ЧАЙКОВСКИЙ 2016: 17).

Мы полагаем, что Чайковский не проводит четкого разграничения между мотивами, заставляющими субъекта заниматься переводческой деятельностью как таковой, и теми мотивами и, соответственно, целями, которые лежат в основе порождения конкретного высказывания и текста и которые рассматриваются в психолингвистике.

В дополнение к тем выводам, которые можно сделать в отношении перевода на основе положений теории речевых актов, предложим и соображения «технологического» характера, то есть поясняющие технологию осуществления перевода. Осознав мотив, которым руководствовался автор и его коммуникативную интенцию, осознав не только содержание, но и смысл текста, переводчик на основе анализа коммуникативной ситуации осуществления перевода отбирает коммуникативно релевантные элементы информации, решает, какие именно мысли, предметные ситуации, явления и процессы должны быть воспроизведены в переводе и в каком объеме. Далее происходит описание этих предметных ситуаций именно тем способом, который принят в

переводящем языке и который соответствует ожиданиям получателя перевода и его представлению о том, как подобные ситуации описываются на его языке. Другими словами, переводчик имеет дело не только с языковым материалом исходного текста, но, прежде всего, со смыслами, с мыслями. Подобное представление о характере когнитивных процессов разительно отличается от описания процесса перевода, предложенного в ранних моделях перевода, основанных на сугубо лингвистическом подходе.

Стремление заглянуть в «черный ящик» неизбежно привело к использованию в переводоведческих исследованиях психолингвистических экспериментов, методов нейрофизиологии, сопряженных с методологией психолингвистики. Так, для изучения когнитивных процессов, происходящих в сознании переводчика, использовался так называемый протокол «Думать вслух»: письменному переводчику предлагалось озвучивать ментальные процессы по время осуществления перевода (BERNARDINI 2001). Наиболее очевидным образом тенденция использовать эксперимент проявилась в изучении особенностей синхронного перевода. В нашей стране психолингвистические эксперименты в изучении синхронного перевода стали применяться довольно рано и привели к созданию теории синхронного перевода. Наиболее существенный вклад в создание ее основ внесли И. А. Зимняя, Г. В. Чернов (ЗИМНЯЯ & ЧЕРНОВ 1974; ЧЕРНОВ 1987), А. Ф. Ширяев (ШИРЯЕВ 1979). В настоящее время изучением когнитивных механизмов в синхронном переводе занимается Д. В. Балаганов и его ученики (БАЛАГАНОВ 2021; РЫКОВА 2023). За рубежом методы нейрофизиологии, включая магнитно-резонансную томографию, для изучения когнитивной деятельности переводчиков-синхронистов активно использует Барбара Мозер-Мерсер и ее коллеги (HERVAIS-ADELMAN & al. 2015; MOSER-MERCER 2000).

Значение подобных исследований трудно переоценить: ведь от нашего представления о том, как происходит процесс перевода, зависит решение более глобальных задач — подготовка переводчиков, способных осуществлять перевод высокого качества, формирование основ дидактики перевода, способствующей формированию у обучаемых профессионального переводческого мышления, четкого понимания решаемых в процессе перевода

задач. Формирование такого представления невозможно без привлечения данных общей психологии, что было осознано исследователями, по крайней мере, отечественными, еще более полувека назад (ЗИМНЯЯ 1978; ЗИМНЯЯ & ЕРМОЛОВИЧ 1981). Привлечение данных психологии особенно необходимо при изучении особенностей устного перевода, в частности, таких проблем как преодоление стресса в процессе последовательного и синхронного перевода, определение уровня готовности или предрасположенности субъекта к осуществлению устного перевода и т. п. (ПАРИНА & ПАРИН 2019; LONGLEY 1989).

Итак, мы вновь вернулись к проблеме создания основ дидактики перевода, которая

...призвана прежде всего сформировать у студентов правильное восприятие сути самой профессии, понимание своего места в этой профессии в целом и своих функций в каждой отдельной ситуации перевода (ПЕТРОВА 2021: 148).

В более узком смысле задача дидактики перевода — определить способы формирования у студентов профессионально значимых компетенций, к числу которых относятся профессиональное переводческое мышление, текстовая компетенция, т. е. способность создавать текст, соответствующий требованиям получателя / заказчика, лингвокультурная компетенция, инструментальная (технологическая) компетенция, лингвистическая (языковая) компетенция, надпрофессиональные компетенции (soft skills).

Следует обратить внимание на включение в этот список инструментальной компетенции, которая предполагает умение использовать в профессиональной переводческой деятельности информационно-коммуникационные технологии, включая системы искусственного интеллекта. Как отмечает Бухаров,

...определяющей тенденцией в развитии коммуникации современного общества является широкое использование цифровых технологий и перенос эпицентра общения в виртуальное пространство. Этот процесс не мог не затронуть как науку, так и другие сферы жизни, связанные с языком (БУХАРОВ & БУХАРОВА 2023: 516).

К сферам жизни, связанным с языком, несомненно, следует отнести и переводческую деятельность.

Изучение особенностей использования информационных технологий в переводе имеет как практическое, так и теоретическое значение. С практической точки зрения важно знать и понимать, как создаются, строятся и функционируют, например, системы искусственного интеллекта (системы машинного перевода, основанные на нейросетях, Chatbox GPT), чтобы четко представлять их принципиальные возможности и ограничения, недостатки, проявляющиеся при их использовании в процессе перевода. Бухаров справедливо полагает, что «...проблемы и вопросы, которые ставятся и решаются гуманитариями, являются одновременно и стимулами для появления новых целей в естественно-научных и математических науках» (ibid.). Мы же считаем, что и для развития переводоведения, в частности, дидактики перевода, переводоведам и преподавателям перевода необходимы знания некоторых данных математических наук и теории искусственного интеллекта (ЯЩЕНКО 2011), иначе просто невозможно будет научить студентов профессиональному, эффективному использованию систем искусственного интеллекта.

С теоретической точки зрения широкое использование в переводе информационных технологий привело к некоей трансформации самой теории перевода. В переводоведении возникла новая теоретическая парадигма, которая «учитывает особенности платформ и сред, на которых и в которых осуществляется перевод (перевод мой — В. С.)» (GAMBIER 2019: 357). По всей видимости, Ив Гамбие исходит из того, что, во-первых, взаимодействие человека с информационными технологиями в рамках осуществления перевода приводит к изменению представлений переводчика о характере решаемых им задач, и, во-вторых, меняется представление переводоведов о характере осуществляемого человеком переводческого процесса. Мы вынуждены согласиться с первой посылкой: действительно, многие современные переводчики начинают воспринимать себя как своего рода придаток, например, к системе автоматического (машинного) перевода, видя свою функцию лишь в постредактировании машинного перевода, забывая о назначении текста, который предъявляется заказчику. Но мы не можем согласиться со второй посылкой, полагая, что в теоретическом плане происходит возврат к *старой*

лингвистической парадигме, в рамках которой перевод представлялся как передача отдельных фрагментов текста (слов, словосочетаний, предложений), о чем мы подробно писали ранее (СДОБНИКОВ 2023: 59-60).

Конечным продуктом переводческой деятельности является, как известно, текст перевода, предназначенный для использования в рамках определенной предметной деятельности, в качестве инструмента осуществления этой деятельности. Природа человеческой деятельности такова, что всякий используемый в ней инструмент неизбежно оценивается с точки зрения его эффективности, т. е. возможности осуществлять с его помощью определенную деятельность. Именно поэтому одна из основных проблем теории перевода — проблема оценки качества перевода, а категория качества перевода «...является фундаментальной категорией теории перевода, ибо качество перевода фактически составляет ее истинный и единственный предмет» (СЕМКО 2005: 36). Рассмотрение этой проблемы предполагает обращение к положениям аксиологии — раздела философии, который рассматривает «проблему существования, значимости ценностей, субъективно-объективной природы оценочного и ценностного отношений» (ИВИН 2006: 3). В настоящее время некоторые авторы заявляют о появлении аксиологического переводоведения, или аксиологии перевода, как нового направления исследований (КРИВОРУЧКО 2017: 52). По нашему мнению, ничего нового здесь нет: на протяжении столетий, если не тысячелетий, переводческая мысль неизбежно обращалась к вопросам оценки качества перевода, к проблеме ценности переводного текста в принимающей культуре и значимости переводческой деятельности для взаимодействующих субъектов. Другими словами, аксиологический аспект имманентно встроен в саму структуру переводческого события и неотделим от теоретического рассмотрения *всех* и *любых* проблем перевода.

Предложенное нами изложение некоторых вопросов переводоведения имело целью показать, что перевод — это комплексная, многоаспектная деятельность, и для изучения перевода требуется привлечение данных многих гуманитарных и даже некоторых негуманитарных дисциплин. Таким образом, переводоведение как междисциплинарная наука тесно связана:

- с лингвистикой (включая семиотику, лингвистику текста, социолингвистику, психолингвистику, этнолингвистику, этнопсихолингвистику);
- с общей психологией;
- с культурологией;
- с теорией коммуникации;
- с теорией использования информационных технологий (включая теорию искусственного интеллекта);
- с философией (в частности, с аксиологией).

При этом переводоведение не «расплывается» в пространстве множества научных дисциплин, представляя собой единый комплекс направлений исследования, имеющих один и тот же объект — переводческую деятельность, подверженную воздействию множества факторов. Предмет переводоведения — определение проявлений этих факторов в процессе перевода и способов обеспечения успешной переводческой деятельности.

Заключение

Вышеизложенное убеждает нас в том, что, определяя статус переводоведения как научной дисциплины, мы обязательно должны учитывать многоаспектный характер переводческой деятельности, на которую оказывают воздействие самые разнообразные факторы, причем не только сугубо лингвистические. Изучение этих факторов, а также общих особенностей переводческой деятельности, направленное на выявление сущности перевода как целенаправленной деятельности, предполагает обращение к положениям разных научных дисциплин. Из этого следует, что на современном этапе своего развития переводоведение приобрело статус междисциплинарной науки. При этом, имея собственный объект и предмет исследования, переводоведение не растворяется отдельными частями в рамках других дисциплин, которые, по определению, не рассматривают перевод в качестве своего объекта, а представляет собой единый комплекс научных направлений, каждое из которых, имея общий объект, решает особые задачи, используя при этом данные соответствующих этим задачам наук.

18. ОСМЫСЛЕНИЕ ЖАНРА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА В ТЕОРИИ ТЕКСТА И В ДИСКУРС-АНАЛИЗЕ

Экстраполирование понятия «жанр» в область языкознания

Жанр вошел в лингвистический оборот сравнительно недавно. Если в 60-е гг. прошлого столетия экстраполяция понятия «жанр» из области теории литературы в область лингвистики представлялась «нежелательной и неправомерной» (БУДАГОВ 1967), то в 90-е гг. утверждается, что «жанроцентризм претендует на лидерство и универсализм» (ДЕМЕНТЬЕВ 1997), ставится вопрос о выделении в рамках лингвистики отдельной области, посвященной жанру, именуемой либо жанрология (ГАУЗЕНБЛАУЗ 1978), либо жанроведение (БАХТИН 1975; ГАЙДА 1992), либо генристика, генология (ДЕМЕНТЬЕВ 1997), либо просто теория жанра (НАУРТМЕIER 1986; SCHMIDT 1996).

Необходимость введения термина *жанр* в область лингвистических исследований стала особенно ощущаться после того, как внимание исследователей переместилось на единицы выше уровня предложения, а именно: предтекстового и текстового. Несмотря на то, что текст обрел лингвистическую легитимность, жанр продолжал оставаться лингвистической золушкой подобно стилистике долго остававшейся вне компетенции лингвистики: «But why have stylistic variations so often and so long played the part of a *linguistic Cinderella*?» (LITERARY STYLE 1971).

Тексты активно исследовались, были выявлены такие текстообразующие признаки как когезия, когерентность, интенциональность, приемлемость, информативность, ситуативность, интертекстуальность. При этом, однако, жанровая принадлежность (жанровость) как обязательный признак текста игнорировалась или, скорее, не осознавалась (BRINKER 2001: 124).

Типологические vs жанровые классификации текстов

Разрабатывались типологические классификации текстов, но оставались без внимания их жанровые классификации, хотя различие между ними существенно. В литературе понятия «жанр, тип текста / текстотип» нередко используются как взаимозаменяемые термины, что отчасти можно объяснить отсутствием как в русской, так и в английской терминологии специального слова для

обозначения описываемого явления в отличие от немецкой терминологии, в которой оно представлено термином *Textsorten*. На наш взгляд, эти два термина — *жанр, тип текста / текстотип* — находятся в отношениях пересечения, но не равнозначности. Первый термин уже, второй (*текстотип*) — шире. Ниже мы постараемся показать особый статус жанра как типа текста. Наш тезис состоит в том, что жанры являют собою наиболее естественную типологию текстов, в то время как другие типологии текстов носят *искусственный* характер. Типы, выделяемые на основе достаточно упрощенных, огрубленных моделей, могут быть охарактеризованы как теоретические, умозрительные конструкты и, следовательно, искусственные по своей природе (при всей их немалой научной и дидактической ценности) в отличие от жанров, типов текста особого рода, поскольку последние представляют собой естественные классификации текстов, сложившиеся естественным образом в результате длительного по времени коллективного опыта языкового сообщества.

Более того, жанры выступают в качестве многомерных моделей, другие типы текстов, скорее, *одномерные*. Типы текстов учитывают, как правило, лишь один признак. Так, например, в одной типологии вся совокупность текстов в зависимости от способа построения разбивается на тексты, построенные по моделям жесткого типа, и тексты, построенные по моделям гибкого типа, которые, в свою очередь, могут иметь узуральный или свободный характер. Другая типология выстраивается на основе дихотомизации. Типы текстов описываются как бинарно-противопоставленные: индивидуальные / коллективные, естественные / искусственные, моноадресные / полиадресные, поликодовые / монокодовые, художественные / нехудожественные; отмеченные / неотмеченные; клишированные / неклишированные, полные / неполные, базовые / производные; монофункциональные / полифункциональные. Жанры представляют собой многомерные модели, т. е. они идентифицируются по совокупности признаков. Так, пятикомпонентная модель жанра автора данной работы, включает в его описание характеристики адресанта (прагматическая роль его субъекта), адресата (предполагаемый коммуникативный портрет его получателя), предмета (способа референции, ракурса представления в

нем референтной ситуации), цель (его назначение, интенция), а также характер адресантно-адресатных отношений (по шкале дистантность — контактность) (ТЫРЫГИНА 2010).

Жанры — *динамичны* (множественность лингвистического воплощения, эластичность, адаптивность, обусловленная изменением внетекстовых факторов), другие типы текстов — *статичны* (представляют собой результат умозрительных систематизаций и обобщений, релевантных для определенного этапа существования и развития некоторого корпуса текстов).

Жанры — максимально *конкретны*, другие типы текстов отмечены более *высокой степенью абстрактности*. Аргумент к тезису о неправомерности полного отождествления жанра и типа текста как понятия более высокого уровня абстракции приводится в исследовании И. Б. Руберт (РУБЕРТ 1996), посвященном анализу регулятивных текстов, где, в частности, демонстрируется различие понятий «текстотип» и «жанр» на материале наиболее характерных разновидностей регулятивных текстов.

Регулятивные тексты, строящиеся по единой эталонной модели, могут встречаться в различных коммуникативных контекстах, обслуживая сферы официально-деловой, бытовой, массовой, научной коммуникации, т. е. они входят в различные жанростилистические парадигмы. Например, в различных социокультурных сферах может функционировать регламентирующее объявление как текст инструктивного типа. Многие другие разновидности регулятивных текстов нейтральны по отношению к параметру функционально-стилевой принадлежности. Так, например, невозможно локализовать в одной социально-коммуникативной сфере текст-рецепт. Кулинарный рецепт реализует свое прагматическое назначение (автор исходит из того, что для категории текстотипа релевантным является изоморфизм моделей прагматического контекста) в бытовой и производственной сфере, а также частично в научной диетологии; рецепт, содержащий информацию о приготовлении косметических и других средств в домашних условиях, функционирует в бытовой сфере. Медицинский рецепт затрагивает сферы научной и производственной коммуникации. Тем не менее в основе продуцирования текста данного типа ле-

жит инвариантная модель, позволяющая безошибочно его идентифицировать (ibid.: 56-57). Из сказанного вытекает мысль, скорее, о смежности, чем тождественности понятий «жанр» и «тип текста». В частности, тип текста как категория игнорирует ряд дистинктивных признаков (например, контекстные параметры), которые релевантны для жанра и которые делают его категорией более конкретной.

Жанры выделяются на *индуктивной* основе (исследователь отталкивается от множества конкретных текстов, воплощающих жанр), другие типы текстов — на *дедуктивной* (умозрительный конструкт экстраполируется на различные тексты).

И еще одна черта исключительной важности — жанры получили имена (*номинации*): рецензия, комментарий, скетч, редакционная статья и т. д., в то время как другие типы текстов идентифицируются через *описания*: монокодовые тексты, поликодовые тексты, информативные тексты, экспрессивные тексты и т. д.

Смена подходов к объяснению природы жанра

Вопреки неблагоприятной для него конъюнктуре жанр пробивался в лингвистику. Подходы к объяснению природы жанра на протяжении нескольких последних десятилетий неоднократно менялись: они, как правило, соотносились с господствующими в лингвистической науке в тот или иной период парадигмами, направлениями, концепциями. В работах *формальной школы* первостепенное внимание уделялось установлению закономерностей, связанных с планом выражения. Список ученых, использовавших формальный подход в исследовании жанра, открывают представители русской формальной школы, активно действовавшей в 20-е гг. XX в. Они рассматривали текст сам по себе вне его связей с какими-либо внешними факторами, жанр понимался ими как постоянная специфическая группировка приемов с определенной доминантой (ЖИРМУНСКИЙ 1977: 224; ТРОЯНСКАЯ 1986: 207).

Однако попытки идентифицировать жанр, опираясь только на языковые данные (поверхностную текстовую базу), оказались недостаточными: обнаружился большой диапазон «внутрижанровой вариативности» (ТЫРЫГИНА 2010), «дивергенция жанров»

(БРАНДЕС 1990), «большая амплитуда лингвистических колебаний в пределах одного жанра» (VIBER 1989), «зыбкость границ жанра» (РАЗИНКИНА 1989), «аморфность жанра» (ЗИЛЬБЕРТ 1986) и т. д. Все эти факты, свидетельствующие о множественности лингвистической репрезентации жанра, вряд ли могли получить удовлетворительное объяснение в рамках *описательной* лингвистики: они могли либо породить скепсис относительно самого понятия «жанр», либо подтолкнуть к поиску объяснений за пределами чисто языковой данности, иными словами, расширить область исследований.

Все более очевидной становилась мысль о том, что жанр — это, по-видимому, не просто форма, а значимая форма, т. е. такая форма, которая «тянет» за своей внешней, видимой, выраженной частью внутреннюю, невидимую, невыраженную часть.

Под влиянием *функционального* направления в лингвистике в содержание внутренней структуры вовлекаются социокультурные условия его бытования, выполняемые им социальные функции, жанр начинает осмысливаться как вербальное оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей, конвенционализированный тип текста, функционирующий в данной социокультурной языковой общности.

Под воздействием *коммуникативного* направления исследователи переносят понятия «коммуникативное событие», «коммуникативный акт» на жанр и, соответственно, в его внутреннюю структуру включаются акт говорящего, с одной стороны, и акт слушающего (фактор адресованности), с другой, а также их взаимоотношения, определяемые степенью коммуникативной дистанции. *Прагматическое* направление включает в жанровую структуру его интенцию, прагматическое назначение.

Наконец, свой вклад в осмысление внутренней структуры жанра вносит *когнитивная* линия в лингвистике, благодаря которой жанр стал трактоваться как вплетенный в сети знаний, содержащихся в голове говорящего, которые складываются из множества связанных друг с другом фреймов, сценариев, схем, пропозиций, прототипов и т. д. Понятие прототипа переносится на объяснение природы жанра, а ключевой концепт, содержащийся в прототипе жанра, составляет содержание его внутренней структуры.

В новом свете предстает жанр в *антропоцентрической* лингвистике, которая в противовес системоцентрическому описанию языка помещает в центр исследования языковую личность (ЯЛ), исходя из постулата о том, что человек — модус существования языка. Жанр мыслится как неотъемлемое звено в иерархической структуре ЯЛ (поверхностный принадлежит структурно-системному, вербально-семантическому). В ходе своего становления ЯЛ «врастает» в систему жанровых норм, эта система, в свою очередь, «врастает» в сознание говорящего по мере его социализации, определяя уровень его коммуникативной, жанровой компетенции, влияя на характер его дискурсивного мышления (КАРАУЛОВ 1987; КАРАСИК 2000; СЕДОВ 1999; ПОПОВА 2002).

Решение проблемы жанра в рамках дискурс-анализа

С упором на одну из сторон исследуемого объекта описанные выше подходы, однако, не взаимоисключают, а взаимодополняют друг друга. Лингвистическое решение проблемы жанра видится в гармонизации и синтезе различных теоретических подходов через интегративную, холистическую концепцию жанра как многоуровневого объемного образования. Согласно предлагаемой в настоящей работе концепции, жанры понимаются как устоявшиеся, коллективно выработанные в процессе социокультурного и коммуникативно-речевого опыта и развития формально-содержательные образцы (модели) целенаправленного, соотношенного с адресатом и обстановкой вербального поведения, обеспеченного сложной системой знаний. Жанры нельзя рассматривать вне реальных жизненных ситуаций, вне социального поведения людей, вне их коммуникативных интенций, вне системы знаний, хранящихся в их долговременной памяти — факторов, формирующих его глубинные уровни и управляющих, в конечном счете, его языковой презентацией. Для адекватного и непротиворечивого объяснения жанра как особой мета-единицы текста его материальная (внешняя) сторона должна рассматриваться под углом зрения его нематериального (внутреннего) содержания. Иначе говоря, применительно к жанру в противостоянии вербального и невербального приоритет должен быть отдан последнему: вербальное управляется невербальным.

Исходя из сказанного, жанры должны быть, интегрированы в коммуникативные поля иерархически более высокого уровня. Такой уровень представлен дискурсом, или дискурсивной формой. Поскольку термин «дискурс» многозначен и может одинаково использоваться как по отношению к конкретному тексту, так и по отношению к целому корпусу текстов, целесообразно уточнить, какое содержание вкладывается в него в предлагаемой работе. Здесь термин *дискурс* используется для обозначения интегративной совокупности текстов, связанных семантическими, содержательно-тематическими отношениями и объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении. Критериями отбора текстов, дискурсообразующими характеристиками выступают сферы человеческой коммуникации и практики, которые задают соответствующее название: научный дискурс, педагогический дискурс, политический дискурс, спортивный дискурс, медийный дискурс, гастрономический дискурс, медицинский дискурс педагогический дискурс. Список может быть продолжен.

Такое понимание дискурса восходит к концепции М. Фуко (Фуко 1996), которая далее разрабатывается германо-австрийской школой дискурсивного анализа (У. Маас, З. Егер, Ю. Линк, Ю. Хабермас, Р. Водак). Дискурс, в их понимании, рассматривается как

языковое выражение (языковый коррелят) определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность. Каждый текст как часть соответствующей дискурсивной формации квалифицируется как социальное высказывание, как отражение надындивидуальной коллективной речевой практики (Чернявская 2003: 54-55).

Далее на примере медийного дискурса будет показано как жанр встраивается в его структуру. Названный дискурс существует в коллективном сознании носителей языка как лингвокультурный концепт и содержит определенные представления о речевом поведении в *mass media* как сфере человеческой деятельности. Члены социума обладают знаниями о *целях общения*, заключающихся в передаче информации различных типов; имеют наглядные представления о каналах общения в данной сфере —

газете, радио-, телеприемнике, компьютере и др., через которые дистантно передается информация. С точки зрения *хронотопа*, медиадискурс сконцентрирован на настоящем времени, служащим центральной точкой, от которой осуществляется отсчет вперед или назад и рассредоточен в пространстве; его участники могут находиться на большом расстоянии друг от друга, но при этом осознавать некую глобальную целостность, благодаря технологическим достижениям, приведшим к «имплозии коммуникации», т. е. взрыву вовнутрь, когда за счет стремительного сжатия пространства, времени и информации находящийся в одном месте индивид может одновременно переживать состояние отдаленных объектов (ТЕРИН 1999: 165; НАЗАРОВ 2000: 54).

Участники масс-медийного дискурса — это, с одной стороны, индивидуально-коллективный субъект (примером последнего может служить жанр редакционной статьи, где излагается не индивидуальная, а коллективная позиция издания), с другой — неизвестный и неопределенный количественно получатель информации. Отношения между передающей и принимающей сторонами могут быть асимметричными: передающая сторона одновременно осуществляет коммуникацию и метакоммуникацию, в то время как принимающая сторона, объект коммуникации, участвует только в коммуникации.

Говоря о *ценностях* медийного дискурса, следует отметить, что ключевым концептом в нем является концепт ИНФОРМАЦИЯ, само слово «информация» эксплицитно присутствует в разных контекстах: «право человека на получение объективной информации», «удовлетворение информационных потребностей», «информация — ключ к демократии», «информационное наполнение», «информационное общество», «информационный плюрализм», «плюрализм интерпретаций информации», «информационная война» и т. д. СМИ, обращаясь ко всем и к каждому, выступают как инвариант общественного сознания, обеспечивают необходимый уровень интеграции человечества, сохраняя его как целостную систему. *Материалом* медийного дискурса может послужить любое событие в обществе и мире, тематические ограничения отсутствуют за исключением двух типов ограничений: институциональных и конвенциональных (речь идет о сведениях,

составляющих государственную тайну или о следовании этическим нормам).

Стратегии медийного дискурса формируются его основными функциями (коммуникативными задачами), такими как информировать о событиях, интерпретировать происходящее, социализировать, координировать разнонаправленную социальную активность (формировать общественное согласие), выражать образцы доминирующей культуры, обеспечивать узнавание субкультур и новых культурных направлений, создавать возможности для отдыха и развлечения, организовывать кампании в связи с актуальными целями в политической, экономической, социальной сферах. Перечисленные коммуникативные задачи определяют соответственно следующие генеральные стратегии: информирующую, интерпретирующую, мобилизующую / побуждающую, просвещающую и развлекающую. Эти генеральные стратегии далее стратифицируются в *жанрах*, точнее в *системе жанров*, через которые медийный дискурс реализуется и структурируется и которые, в свою очередь, выделяются на индуктивной основе. Так, например, такие жанры как новостное сообщение (news story), редакционная статья (leader / editorial), комментарий (commentary), тематическая / проблемная статья (feature), портретный очерк (profile), скетч (sketch), репортаж (reportage / reporting), рецензия (review), «светская хроника» (gossip column) стратифицируют медийный дискурс британской прессы, причем они существуют не автономно, а в рамках системы жанров определенного дискурса.

5. Заключение

Современная лингвистика не ограничивается традиционной проблематикой, она вовлекает в поле исследований не только новые области функционирования языка, но и заимствует из смежных областей новые для себя единицы и понятия, адаптирует их для своих нужд, встраивает их в уже существующие лингвистические теории. Древнейшее понятие «жанр», циркулирующее в сфере литературы, музыки, изобразительных искусств, легитимизируется в языкознании. Жанровый фактор включается в теорию (лингвистику) текста и дискурс-анализ (теорию дискурса).

В теории текста жанровый параметр, или жанровость, признается текстообразующим признаком наряду с признаками когезии, когерентности, интенциональности, приемлемости, информативности, ситуативности и интертекстуальности.

В дискурс-анализе параметр жанра является дискурсообразующим признаком дискурсивной формации вкупе с признаками цели, хронотопа, участников, ценностей, стратегий.

Жанр является не только модусом текста и модусом дискурса, но и модусом языковой личности, что может стать предметом рассмотрения в отдельной статье.

© В. А. Тырыгина

19. ВЕБ-ИНСТРУМЕНТЫ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБУЧЕНИИ

Цифровая трансформация классической академической и научно-исследовательской среды представляет собой новую парадигму обучения иностранным языкам в вузе. Внедрение современных технологий обеспечивает качественную автоматизацию управленческих, образовательных и социокультурных процессов. В рамках стратегического развития НГЛУ предусмотрен проект по цифровизации образовательной деятельности и формированию цифровой образовательной среды. Целью проекта является реализации образовательных программ путем обеспечения высокого качества профессионального образования с применением дистанционных технологий, что представляется возможным в рамках развития новых технологий в образовании, включая геймификацию и моделирование с применением дополненной и виртуальной реальности.

Приоритетным направлением в заданном векторе становится формирование благоприятной среды обучения, ускоренное овладение актуальными компетенциями в сфере применения мобильных технологий обучения, искусственного интеллекта, виртуальной, дополненной реальности и сквозных технологий. Использование сквозных технологий улучшает не только традиционные образовательные методы и подходы, но и развивает относительно новые, такие как геймификация и персонализация обучения.

В фокусе целевой модели находится создание новых ОПОП, реализуемых в дистанционном или смешанном формате, соответствующих вызовам времени. Магистерская программа «Цифровая педагогика в современном лингвообразовании» была запущена в 2020—2021 учебном году, программа «IT-лингвистика» появилась в 2023—2024 учебном году, «Психолого-педагогические основы кибергиены» и «Цифровая трансформация и управление образованием» планируются к внедрению в 2025—2026 учебном году по направлению подготовки (профилю) 44.04.01 «Педагогические науки и образование».

Дополнительно в последние годы были разработаны, внедрены и запатентованы инновационные цифровые проекты. Это программы ДПО «Управление цифровым классом», «Подготовка педагогических кадров с применением инновационных технологий», «Методика применения авторской анимации в раннем обучении иностранным языкам», «Технология работы с VR симулятором первого урока английского языка в школе», «Совершенствование педагогического мастерства (английский язык в сфере педагогики и методики преподавания иностранных языков)».

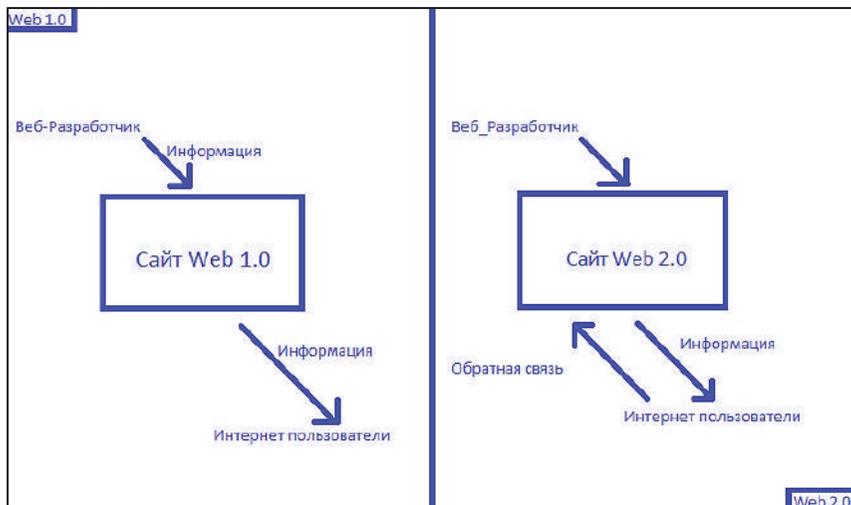
Возникает конвергенция двух исторически разделенных моделей обучения: традиционной системы, характеризующейся зрительным контактом обучающегося-обучающего, и компьютер-опосредованной средой, подчеркивающей центральную роль компьютерных технологий в обеспечении смешанного обучения (АРТАМОНОВА и др. 2012: 5; LEVINA & al. 2021). В определении, данном в статье О. Ребрина, И. Шолиной, А. Сыскова, смешанное обучение иностранным языкам понимается как сочетание аудиторного обучения с компьютер-опосредованным, включая самостоятельное обучение без использования компьютерной среды, с использованием традиционных учебных пособий и учебников (РЕБРИКОВА 2013: 70).

Интерес вызывает интерпретация смешанного обучения иностранным языкам В. Кравченко в формате учебных курсов с применением методов активного обучения, где большая часть учебного материала представляется дистанционно. Каждый студент работает самостоятельно в формате очного обучения с применением элементов дистанционного обучения (КРАВЧЕНКО 2014: 23).

Следующая важная тенденция в современном образовании связана с развитием технологий Web 2.0. Она оказала значительное влияние на создание, распространение и интерпретацию образовательного контента. В зависимости от содержания и направленности социальные сервисы Интернета можно разделить на множество групп (БАРАНОВ 2001: 28).

В работе G. Cormode *Key differences between Web 1.0 and Web 2.0* дана детальная характеристика двух поколений веб-инструментов с характерными особенностями каждого (CORMODE 2008: 8). Можно выделить несколько важных положений:

1. В отличие от Web 1.0 инструменты второго поколения привлекают пользователей, которые могут выверять, добавлять и обрабатывать информационный материал, доступный на сайте, вне зависимости от создателя, что является *обратной реакцией* аудитории. Контент создается пользователями по схеме:

2. *Мобильность*. Технологии второго поколения доступны на телефонах и планшетах в форме приложений.

3. Web 2.0 инструменты используют легко *персонализируемые интерфейсы* в отличие от статичных Web 1.0 средств, которые не являются интерактивными.

Инструменты Web 2.0 включают блоги, подкасты, социальные сети, вики, агрегаторы информации, фото и видео галереи. Преимущества веб-инструментов очевидны: интерактивность, гибкость и адаптивность, открытость и доступность. Помимо преимуществ Web инструментов Д. Леви приводит ряд недостатков, проблем, с которыми сталкиваются создатели контента. К ним относят: плохое лингвистическое моделирование, недостаточное внедрение технологий для обработки естественного языка, пренебрежение человеческим фактором, отсутствие общей теории, критериев качества, которые в итоге влияют на финальные версии программ (LEVY 1997: 4).

Цель концепций Web 3.0 и 4.0 — сделать Интернет открытым и безопасным. Стоит отметить, что Web 3.0 и 4.0 находятся в настоящее время в развитии и только планируются к реализации. В основе разрабатываемой концепции лежит несколько принципов:

- децентрализация: информация о пользователях будет храниться непосредственно на их устройствах;
- доступность;
- свобода, т. е. упразднение цензуры в сети;
- сохранение авторства;
- улучшение алгоритмов поиска.

Особую популярность и опережающее развитие получили GPT чаты и искусственный интеллект. *Яндекс GPT* — генеративная языковая модель для создания текстов, написания личной и деловой корреспонденции или статьи, поиску любого материала по заданной теме в сети Интернет. Русскоязычная нейросеть от Сбера (*GOGACHAT* требует авторизацию через SberID), работает с ботами в Телеграм и ВК, отвечает на вопросы, поддерживает диалог и даже умеет писать коды программ. *Perplexity* применяется для поиска информации и генерации текстов, а также может быть совместима со сторонними файлами. *Jasper* — это платная англоязычная нейросеть, которая автоматически позволяет создавать разнообразный контент и генерировать идеи. *Twee* является самым актуальным инструментом для преподавателей иностранного языка, согласно опросам практиков. Автоматическая генерация текстов, аудио, видео, тестов значительно ускоряет процесс подготовки учебных и контрольно-измерительных материалов.

Внедряя цифровую систему в образование, важно не растратить накопленный десятилетиями успешный опыт и научный потенциал, сохранить ценные педагогические кадры. Основной посыл цифровой трансформации — не замена преподавателя компьютерными технологиями, а применение ИТ-решений в управлении, обеспечении образовательного процесса и дальнейшее повышение цифровой грамотности научно-педагогических кадров.

Проект цифровизации образовательной среды НГЛУ направлен на обеспечение глобальной конкурентоспособности и

доступности образовательных программ университета посредством широкого внедрения цифровых инструментов, имеющих плановый характер и положительную динамику.

© Н. Х. Фролова, С. В. Фролов

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аверинцев С. С.* Символ // *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская Энциклопедия, 1983. С. 607—608.
- Антоний, митрополит Сурожский.* Школа молитвы. М.: Медленные книги, 2018.
- Антошина Д. В.* Опыт систематизации терминов в лексической семантике, связанных с понятием импликации // *Вестник Московского ун-та. Серия 9: филология*. 2018. № 4. С. 49—65.
- Артамонова Л. А., Архитова М. В., Ганюшкина Е. В.* и др. Инновации в обучении английскому языку студентов неязыковых вузов // *Инновации в образовании*. Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 2 (1). С. 28—33.
- Архив Российской Академии Наук. Ф. 1001. Оп. 1. Ед. Хр. 38.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1969.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020.
- Бабаева Р. И.* Глобализация в немецкой языковой картине мира: семантика, словообразование, прагматика лексических единиц тематической группы // *Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: сб. науч. трудов*. 2018. Вып. 2. С. 160—167.
- Бабанский Ю. К.* Педагогика: учебное пособие для вузов. М.: Просвещение, 2003.
- Байкова О. В.* Немецкие островные диалекты в условиях языковой интерференции: монография. Киров: Вятский гос. гуманитарный ун-т, 2009.
- Баймурзина Д. Р.* Нейросетевые модели и диалоговая система для ведения разговора на общие темы: автореф. ... дис. канд. тех. наук. М.: МФТИ, 2021.
- Балаганов Д. В.* Динамика когнитивных механизмов в синхронном переводе: дис... д-ра филол. наук. 10.02.19. М.: Военный университет, 2021.
- Балли Ш.* Французская стилистика. М.: УРСС, 2001.
- Банков А. С.* Гендерный фактор в просодическом оформлении речи коммуникантов: экспериментально-фонетическое исследование

- на материале американского варианта английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008.
- Баранникова Л. И.* Сущность интерференции и специфика ее появления. Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. науч. тр. / отв. ред З. И. Плавский. М.: Наука, 1972. С. 88—102.
- Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. М.: УРСС, 2001.
- Батраева И. А.* Образовательный чат-бот: особенности архитектуры и лингводидактические перспективы / И. А. Батраева, С. А. Шилова, А. А. Крючкова // Информационные технологии в образовании. 2022. № 5. С. 23—27.
- Беляевская Е. Г.* Словообразовательная модель в структурной и когнитивной лингвистических парадигмах (традиционный подход vs когнитивный подход) // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. 2009. № 549. С. 13—23.
- Бердяев Н. А.* Судьба России. М.: ЭКСМО, 2007.
- Болдырев Н.Н.* Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). С. 17—26.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.
- Большакова Е. И.* Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных / Е. И. Большакова и др. М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 127—149.
- Борисова Д. А.* Экспрессия как языковой механизм репрезентации грамматического вида прецедентности (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2014.
- Брандес М. П.* Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1990.
- Будагов Р. А.* Литературные языки и языковые стили. М.: Высшая школа, 1967.
- Бурова А. Ю.* Просодика как средство выражения поля дейксиса в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003.
- Бурьгина Н. А.* Факторы, влияющие на речевой аппарат и речь человека // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Языкознание. 2016. Вып. 15 (754). С. 37—46.
- БУСРЯ — Большой универсальный словарь русского языка / Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. М.: АСТ-ПРЕСС-Книга; Словари XXI века, 2016.
- Бухаров В. М.* Варианты норм произношения современного немецкого

- литературного языка. Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 1994.
- Бухаров В. М.* Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка (теоретические проблемы и экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: СПбГУ, 1996.
- Бухаров В. М.* Концепт в лингвистическом аспекте // Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С. 74—84.
- Бухаров В. М.* Миграция и взаимодействие коммуникативных кодовых систем // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. 2014. № 5. С. 94—101.
- Бухаров В. М.* Эмотивная просодия: методы исследования // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы V Международной научной конференции. Симферополь: Крымский федеральный ун-т, 2022. С. 8—9.
- Бухаров В. М., Бухарова Т. Г.* Информационные технологии в лингвистике и преподавании иностранных языков // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. Т. 20. С. 516—530.
- Бухаров В. М., Мележик К. А.* Die Besonderheiten der Aussprache in der Kommunikation auf Lingua Franca Englisch in Europa // Социофонетика и фоностиластика: от теории к практике: материалы межрегиональной научной конференции, Симферополь, 15-16 ноября 2018 г. / под. ред. А. Д. Петренко. Симферополь: Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского, 2018. С. 8—10.
- Бухаров В. М., Никонова Ж. В.* Интенсивность реализации иллокутивной силы в речевом акте // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н. А. Добролюбова. 2018. № 44. С. 31—39.
- Бухаров В. М., Петренко А. Д.* Варианты норм произношения // Социофонетика и фоностиластика: от теории к практике: материалы межрегиональной научной конференции, Симферополь, 15-16 ноября 2018 г. / под. ред. А. Д. Петренко. Симферополь: Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского, 2018. С. 6—8.
- Бухаров В. М., Петренко А. Д.* Эволюция этносоциолектов в странах Западной Европы: монография / А. Д. Петренко, В. М. Бухаров, Д. А. Петренко // Социофонетика и фоностиластика: опыт, актуальная проблематика, перспективы. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 70—90.
- Буянова Л. Ю.* Когнитивно-семиотическая деривация как механизм

- формирования и эволюции современной финансово-экономической терминосферы // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 31 (322). С. 19—22.
- Буянова Л. Ю., Начкебия Э. В.* Ментальность как лингвистическая категория // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4 (33). С. 82—85.
- Быков И. А., Филатова О. Г.* Технологии Веб 2.0 и связи с общественностью: смена парадигмы или дополнительные возможности? // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та: язык и литература. 2011. Сер. 9. Вып. 2. С. 226—238.
- Быховский Я. С., Коровко А. В., Патаракин Е. Д.* Учим и учимся с Веб 2.0. Быстрый старт. Руководство к действию: учебно-методическое пособие. М: Интуит.ру, 2007.
- Вайнрайх У.* Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж, 2000.
- Вайсгербер Л.* Родной язык и формирование духа. М.: УРСС, 2004.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М.: Русские словари, 1996.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Вендина Т. И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998.
- Веретенников В.* Теория равновесия // Вокруг света. 2023. № 1 (2981). С. 71—75.
- Верещагин Е. М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Московский гос. ун-т, 1969.
- Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994.
- Волков А. С.* Просодические особенности реализаций ложных речевых актов: экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2013.
- Воркачев С. Г.* Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: монография. Волгоград: Парадигма, 2014.
- Воробьев В. В.* Лингвокультурология (теория и методы): монография. М.: РУДН, 1997.
- Габитова Л. А.* Информационные технологии в образовании // Проблемы применения современных информационных технологий: материалы 8-й региональной научно-практической конференции

- студентов и аспирантов. Екатеринбург, 29 апр. 2015 г. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2015.
- Гайда С.* Стилистика и генеалогия // Статус стилистики в современном языкознании. Пермь: 1992. С. 36—37.
- Гак В. Г.* Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Галяшина Е. И.* Судебная фоноскопическая экспертиза. М.: Триада, 2001.
- Галяшина Е. И.* Лингвистическая экспертиза устной и письменной речи как источник судебных доказательств // «Право и лингвистика». Ч. 2: материалы межд. научно-практ. конференции. Симферополь: Доля, 2003а. С. 15—22.
- Галяшина Е. И.* Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003б.
- Галяшина Е. И.* Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2023.
- Гарбовский Н. К.* «Такой науки быть не может». К эпистемологии науки о переводе // Вестник Московского ун-та. Серия 22: теория перевода. 2022. Т. 15. № 4. С. 7—24. doi: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-7-24
- Гаузенблауз К.* О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. 1978. Вып. 8. С. 57—79.
- Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.
- Гачев Г. Д.* Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, 2003.
- Гиндин С. И.* Внутренняя организация текста: элементы теории и семантический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1973.
- Гладких Ю. А.* Перспективы развития чат-ботов психологической поддержки // Актуальные проблемы науки и техники. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 15–17 марта 2023 года / отв. ред. Н. А. Шевченко. Ростов-на-Дону: Донской гос. технический ун-т, 2023. С. 775—776.
- Голоднов А. В.* Гейдельбергско-Мангеймская группа (школа) и Дюссельдорфская школа дискурс-анализа // Иностранные языки. Герценовские чтения: материалы всероссийской межвузовской научной конференции, 23-24 апреля 2012 г. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 11—15.
- Голубева Н. А.* Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке. Нижний Новгород: Поволжье, 2010.

- Голубева Н. А. Концептуализация периферийных синтаксических структур // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 33. С. 493—498.
- Гришаева Л. И. Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020.
- Гришаева Л. И. Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022.
- Гришаева Л. И. Зачем в коммуникации норма? Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
- Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
- Гусев С. С. Междисциплинарность // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И. Т. Касавин. М.: Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2009. С. 477—478.
- Гухман М. М. Типы наддиалектных форм языка. М.: Наука, 1981.
- Гухман М. М. Функциональная стратификация языка. М.: Наука, 1985.
- Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109—121.
- Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал ком, 2013.
- Демьянков В. З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. М.; Калуга: ИП Кошелев А. Б., 2007. С. 26—33.
- Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия. Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. науч. тр. / отв. ред З. И. Плавский. М.: Наука, 1972. С. 26—42.
- Джусупов Н. М. Когнитивная стилистика: современное состояние и актуальные вопросы исследования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 65—76.
- Домашнев А. И. Языковые отношения в Федеративной Республике Германия. Л.: Наука, 1985.
- Домашнев А. И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. СПб.: Наука, 2005.
- Дубинин С. И. Двуязычный словарь-разговорник как креолизованный текст в милитарном дискурсе // Эволюция и трансформация дискурсов: сб. науч. ст. / отв. ред. С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко. Вып. 8. Самара: ЦПИ, 2023. С. 57—72.
- Душенко К. В. Большая книга афоризмов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

- Эйгер Г. В., Юхт В. А.* К построению текстов // Лингвистика текста. Ч. 1. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1974. С. 103—109.
- Ермишин О. Т.* Афоризмы. Золотой фонд мудрости. М.: Просвещение, 2006.
- Естественный язык. Искусственные языки и информационные процессы в современном обществе. М.: Наука, 1988.
- Жирмунский В. М.* Немецкая диалектология. М.; Л.: Наука, 1956.
- Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.
- Жлуктенко Ю. А.* Лингвистические аспекты двуязычия. К.: Вища школа, 1974.
- Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1993.
- Заболотских А. В.* Национальная концептосфера как фактор формирования культурной картины мира: на примере Австрии: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГИМО, 2018.
- Зашихина И. М.* Подготовка научной статьи: справится ли ChatGPT? // Высшее образование в России. 2023. № 8-9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-nauchnoy-statii-spravitsya-li-chatgpt> (дата обращения: 26.03.2024).
- Зильберт Б. А.* Проблемы классификации текстов массовой информации // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1986. Т. 45, № 1. С. 70—80.
- Зимняя И. А.* Психологический анализ перевода как вида речевой деятельности // Вопросы теории перевода: сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, 1978. № 127. С. 37—50.
- Зимняя И. А., Ермолович В. И.* Психология перевода (для высших курсов переводчиков): учебное пособие. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1981.
- Зимняя И. А., Чернов Г. В.* Вероятностное прогнозирование в процессе синхронного перевода // Психолингвистика в СССР. М.: Наука, 1974. С. 162—165.
- Зусман В. Г.* Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С. 38—53.
- Иванов А. В.* Функционально-прагматический аспект варьирования темпо-ритмической организации высказывания (экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1998.

- Иванов Д. И., Лакербай Д. Л.* Антропоцентрическая парадигма современного гуманитарного знания: метадисциплинарный «дом теорий» // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: филология. 2019. № 58. С. 168—195.
- Иванов Н. В.* Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М.: Военный университет, 2002.
- Ивахненко Е. Н., Никольский В. С.* Chatgpt в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chatgpt-v-vysshem-obrazovanii-i-nauke-ugroza-ili-tsennyu-resurs>.
- Ивин А. А.* Аксиология. М.: Высшая школа, 2006.
- Ильин И. А.* Сущность и своеобразие русской культуры. М.: Русская книга. XXI век, 2007.
- Интерференция звуковых систем: сб. науч. тр. / отв. ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая. Л.: ЛГУ, 1987.
- Каменщик В. М.* Перспективы развития чат-ботов в банковской сфере в РФ // Научное пространство современной молодежи: приоритетные задачи и инновационные решения: сб. статей участников IV Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Челябинск, 05–06 апреля 2023 года. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2023. С. 105–107.
- Капустина Л. В., Ермакова Ю. Д., Калюжная Т. В.* ChatGPT и образование: вечное противостояние или возможное сотрудничество? // Концепт. 2023. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chatgpt-i-obrazovanie-vechnoe-protivostoyanie-ili-vozmozhnoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 26.03.2024).
- Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5—20.
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Карасик В. И.* Лабиринт как символ: векторы интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 41. С. 91—96.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Карлинский А. Е.* Проблема теории языковых контактов // Языковые контакты и интерференция: сб. науч. тр. / ред. А. П. Комаров и др. Алма-Ата: КазГУ, 1984. С. 3–12.
- Карпова Т. Б.* Самовыражение личности в Интернете: лингвистиче-

- ский аспект // Русский язык: исторические судьбы и современность: сб. науч. статей по материалам докладов и сообщений III международного конгресса исследователей русского языка / сост. М. А. Ремнева, А. А. Поликарпов. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 384—385.
- Каспранский Р. Р.* Реализация фонологических систем в речи: автореф. дис ... д-ра филол. наук. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1980.
- Кашкин В. Б.* Основы теории коммуникации: Краткий курс. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
- Кибрик А.Е.* Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / ред. А. А. Кибрик и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 29—59.
- Кияненко Т. Ф.* Естественная классификация метафор по структурно-генетическому принципу (на материалах французского языка) // Ученые записки Курского гос. педагогического ин-та. 1968. Вып. 45. С. 59—81.
- Клемперер В.* «ЛТН. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога» / пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998.
- Кобенко Ю. В.* Языковая ситуация в ФРГ: американизация и экзогlossные тенденции. Томск: Томский политехнический ун-т, 2014.
- Ковальчук Л. П.* Концептуальная интеграция смешанного пространства «Баба-Яга» в сказочном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 33—39.
- Козлова Л. А.* Метафора и метонимия: сходство и различия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4. С. 137—144.
- Колесов В. В.* Когнитивистика в аспекте терминологии // Вопросы когнитивной лингвистики, 2013. № 1 (34). С. 48—55.
- Комиссаров В. В.* Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС, 2002.
- Комиссаров В. Н.* Лингвистическое переводоведение в России: учебное пособие. М.: ЭТС, 2002.
- Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.
- Кравченко Г. В.* Использование модели смешанного обучения в системе высшего образования // Известия Алтайского гос. ун-та. 2014. Т. 1, № 2 (82). С. 22—25.
- Краева И. А.* О возможности использования интроспекции в семантических исследованиях (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1. С. 88—93.
- Красавский Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской

- лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008.
- Красиков Ю. В.* Теория речевых ошибок: на материале ошибок наборщика. М.: Наука, 1980.
- Краснова Т. И.* Сопровождение и поддержка деятельности студентов в смешанном обучении // В мире научных открытий. 2015. № 1-1. С. 556.
- Креолоизованные тексты в различных видах дискурса (на материале английского языка): коллективная монография / под общ. ред. М. А. Кулинич. Самара: СГСПУ, 2017.
- Криворучко А. И.* О соотношении понятий «субъективное» / «объективное» при переводе текста // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2017. № 6 (402). Филологические науки. Вып. 106. С. 52—56.
- Криминология: учебник для вузов по направлению и спец. «Юриспруденция» / под ред. Г. М. Миньковского. М.: МГУ, 1994.
- Кубрякова Е. С.* О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Семантика и структура художественного текста. М.: Спортивная жизнь; ЗАО «СпортАкадемПресс», 1999. С. 186—197.
- Кубрякова Е. С.* Парадигматика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000а. С. 366—367.
- Кубрякова Е. С.* Синтагматика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000б. С. 447—448.
- Кубрякова Е. С.* О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2001. № 1. С. 4—10.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний и языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Кузнецов В. В.* Просодические средства реализации модально-эмоциональных коннотаций в немецкоязычном парламентском дискурсе: экспериментально-фонетическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2020.
- Кузьмичева А. А.* Просодические средства реализации иронии в немецком языке: экспериментально-фонетическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2011.
- Кукушкина О. В.* Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М.: МГУ, 1998.
- Курьянова И. В., Лопаткин С. Н.* Глобальное цифровое пространство

- как способ и средство совершения преступлений // Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным: сб. науч. трудов РАН ИНИОН / отв. ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. М.: ИНИОН РАН, 2022. С. 267—279.
- Лаенко А. В.* Восприятие-сознание-язык: проблема взаимосвязи // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 5—15.
- Лаккофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / под ред. А. Н. Баранова. М.: УРСС, 2004.
- Леви-Брюль А.* Первобытное мышление. Л.: Атеист, 1930.
- Леонтьев А. А.* Психология общения. М.: Смысл, 1997.
- Лихачев Э. В.* Проблема конструирования юмористических высказываний генеративным искусственным интеллектом (на материале немецкого языка) // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9, № 2. С. 92—100.
- Лотман Ю. М.* Символ в системе культуры // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1987. Вып. 754: Труды по знаковым системам.
- Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М.: Прогресс; Гнозис, 1992.
- Лурия А. Р.* Язык и сознание. СПб.: Питер, 2022.
- Лутовинова О. В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. педагогический ун-т, 2009.
- Лысак И. В.* Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25376>.
- Любимова Н. А.* Фонетическая интерференция. Л.: ЛГУ, 1985.
- Маленова Е. Д.* Аудиовизуальный перевод как объект исследования в современном переводоведении // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. 2023. № 6 (874). С. 101—107.
- Мамонтов А. С.* Язык и культура: сопоставительный аспект изучения. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000.
- Мангель А.* Curiositas. Любопытство. М.: Издательский Дом Ивана Лимбаха, 2017.
- Маховикова Д. В.* Роль когнитивных образных схем в структурировании концепта time // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 40—45.
- Медведева Т. С., Опарин М. В., Медведев Д. И.* Ключевые концепты

- немецкой лингвокультуры: монография. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2011.
- Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: Иногиз, 1954.
- Михайлов А. В.* Поворачивая взгляд нашего слуха // Языки культуры: учебное пособие по культурологии. М.: Языки русской культуры», 1997.
- Михайлов М. М.* Двужычие (Принципы и проблемы). Чебоксары: б/и, 1969.
- Мишуров Э. Н.* О переводоведении как академическом дискурсе // Военно-гуманитарный альманах. Серия: лингвистика. 2024. Вып. 9. С. 74—82.
- Моисеева Т. Ф., Огорелков И. В.* Судебная автороведческая экспертиза: учебное пособие. М.: РГУП, 2022.
- Москалюк Л. И.* Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул: БГПУ, 2002.
- Москвин В. П.* Русская метафора: опыт семиотического описания. М.: URSS, 2019.
- Назаров М. М.* Массовые коммуникации в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: УРСС, 2000.
- Николаева Т. М.* Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999.
- Парина И. С., Парин С. Б.* Исследование уровня стресса у начинающих переводчиков-синхронистов в рамках когнитивной парадигмы // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 124—134.
- Пестова Н. В.* Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести. Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 2002. [2-е изд., доп. и испр.]
- Петренко А. Д.* Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. К.: Рідна мова, 1998.
- Петренко А. Д.* Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации. Симферополь: Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского, 2011.
- Петренко А. Д.* Языковая ситуация в Германии в свете теории социальных систем // Социальные аспекты языковой вариативности: монография. Симферополь: Таврический национальный ун-т

- им. В. И. Вернадского, 2013. С. 8—71.
- Петренко А. Д., Мележик К. А., Храбскова Д. М.* Социофонетическая проблематика в практике глобализации языка межнациональной коммуникации // Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике: материалы IV межрегиональной научной конференции, Симферополь, 17-18 июня 2021 г. / под ред. А. Д. Петренко. Симферополь: Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского, 2021. С. 6—7.
- Петренко А. Д., Храбскова Д. М.* Особенности кодовой матрицы общения в условиях межэтнической интерференции (на примере анализа языковой ситуации в Эльзасе) // ЭБ ИРБИС. 2003. № 42. С. 32—35.
- Петренко А. Д., Шевель В. Г.* Многовекторная природа идентификации в рамках социолингвистических исследований // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8 (74), № 4. С. 88—100.
- Петренко Д. А., Вовк Н. А.* Термин «языковая ситуация» в трудах научной школы социофонетики и фоностилистики проф. А. Д. Петренко // Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике: материалы V межрегиональной научной конференции / под ред. А. Д. Петренко. Симферополь: Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского, 2022. С. 27—29.
- Петрова О. В.* Дидактика перевода и ее роль в подготовке преподавателей перевода // Актуальные проблемы лингвистики, лингводидактики и переводоведения: материалы международной научно-практической конференции. Омск: Омский гос. технический ун-т, 2021. С. 146—148.
- Пименова М. В.* Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ: монография. Кемерово: КемГУ, 2007.
- Попова Е. А.* Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. 2002. № 3. С. 69—77.
- Попова П. С.* Когнитивный и прагматический факторы в поэтическом восприятии реального времени // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 378—383.
- Поршнева Е. Р.* Дидактика перевода — раздел переводоведения или лингводидактики? // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунаро. конф. (Москва, 14-16 апреля 2016 г.). М.: МГПУ: Языки народов мира, 2016. С. 444—449.
- Потапова Р. К., Курьянова И. В.* Особенности исследования текста в

- эпоху цифровой коммуникации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 2. № 2. С. 5—15.
- Потапова Р. К., Курьянова И. В.* Научно-исследовательская основа лингвокриминалистики и особенности портретирования «цифровой личности» // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 56—61.
- Потапова Р. К., Михайлов В. Г.* Основы акустики речи. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2012.
- Потапова Р. К., Потапов В. В.* Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Потапова Р. К., Потапов В. В.* Основы многоаспектного исследования «электронной личности» по голосу и речи в информационно-коммуникационной среде Интернета // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. ИНИОН РАН. 2017. № 1-2. С. 87—111.
- Потапова Р. К., Потапов В. В.* Аддитивная трансформация личности в эпоху цифровой коммуникации // Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным: сб. науч. трудов РАН ИНИОН / отв. ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. М.: ИНИОН РАН, 2022. С. 5—27.
- Потапова Р. К., Потапов В. В.* Об эмоционально окрашенной речи интернет-пользователей // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 52—62.
- Потапова Р. К., Потапов В. В., Лебедева Н. Н., Агибалова Т. В.* Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности / под ред. Р. К. Потаповой. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Правицкова Л. В.* Когнитивная и когитативная лингвистика // Вестник Пятигорского гос. ун-та. 1999. № 2. С. 37—44.
- Пронина О. Г.* Использование технологии Web 2. 0 в обучении иностранному языку в вузе // Язык и культура. 2010. №. 1 (9). С. 92—98.
- Прошина З. Г.* Контактная вариантология английского языка: проблемы теории. World Englishes Paradigm. М.: Флинта, 2017.
- Разинкина Н. М.* Функциональная стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1989.
- РАС — Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М.: Помовский и партнеры, 1994.

- Ребрикова О. В.* Использование технологии WEB 2.0 в обучении иностранному языку в системе среднего профессионального образования. Волгоград: Волгоградский гос. архитектурно-строительный ун-т, 2013.
- Ребрин О., Шолина И., Сысков А.* Смешанное обучение // Высшее образование в России. 2005. № 8. С. 68—72.
- Реформатский А. А.* Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. 1952. № 6. С. 12—22.
- Розенцвейг В. Ю.* Языковые контакты. М.: АН СССР, 1972.
- Романова Т. В., Колчина О. Н., Куликова В. А., Хоменко А. Ю.* Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: учебное пособие / под ред. Т. В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022.
- Ростокина Е. А.* Логико-онтологический эллипсис в предложениях с компаративом // Когнитивные исследования языка. 2008. С. 502—504.
- Руберт И. Б.* Становление и развитие английских регулятивных текстов: структурные, семантические, прагматические аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1996.
- Рыкова П. А.* Лингвокультурные аспекты синхронного перевода (на материале англо-русского перевода): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. М.: Военный университет, 2023.
- Саможенов С. Н.* Супraseгментные средства реализации субъективной модальности: экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1992.
- Сдобников В. В.* Коммуникативно-функциональный подход к переводу в западном переводоведении // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. 2010. № 10 (54). С. 53—57.
- Сдобников В. В.* Перевод и коммуникативная ситуация: монография. М.: Флинта, 2015.
- Сдобников В. В.* Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. М.: МГЛУ, 2016.
- Сдобников В. В.* Искусственный интеллект в технологиях машинного перевода: проблемы и перспективы // IT-лингвистика: теоретические основы: монография / под общ. ред. Ж. В. Никоновой, В. М. Бухарова. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2023. С. 31—66.
- Сдобников В. В.* К 100-летию со дня рождения Александра Давидовича Швейцера // Мосты. Журнал переводчиков. 2023. № 4 (80). С. 3—9.
- Седов К. Ф.* О жанровой природе дискурсивного мышления языковой

- личности // Жанры речи: сб. науч. статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 13—26.
- Семко С. А.* Лекции по теории перевода. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.
- Сидоренко Е. В.* Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2001.
- Ситаров В. А., Шутенко А. И.* Прескриптивная модель применения современных информационных технологий в высшей школе // Вопросы новой экономики. 2015. № 4 (36). С. 101—107.
- Скребецова Т. Г.* Когнитивная лингвистика: классические теории новые подходы. М.: Языки славянской культуры, 2018.
- Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.
- Слюсарева Н. А.* Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 564—565.
- Соколова О. В.* Категория фрейма в когнитивной лингвистике // Вестник АГТУ. 2007. № 1 (36). С. 236—239.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л.: АН СССР, 1950—1965.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.
- Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: М.: Академический Проект, 2001.
- Стернин И. А.* Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып. 1. / ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8—20.
- Сурикова Т. И., Коньков В. И.* Лингвистические основы деловой коммуникации. М.: ИНФРА-М, 2021.
- Татаринов В. А.* Теория терминоведения в 3 т. Т.1: Теория термина: история и современное состояние. М.: Московский лицей, 1996.
- Телия В. Н.* Русская фразеология. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Терин В. П.* Массовая коммуникация. Социокультурные аспекты политического воздействия. Исследование опыта Запада. М.: Ин-т социологии РАН, 1999.
- Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 2002.
- Троянская Е. С.* Полевая структура научного стиля и его жанровых

- разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1986. С. 26—28.
- Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000.
- Тыртыгина В. А.* Жанровая стратификация масс-медийного дискурса. М.: Ин-т языкознания РАН, 2010.
- Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А.* Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания // Филология и культура. 2014. № 4. С. 193—198.
- Федоров А. В.* Введение в теорию перевода (лингвистические проблемы). М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.
- Федоров В. В.* Лингвистические и экстралингвистические параметры англоязычной газетно-журнальной публицистики Восточной Азии: автореф. дис. ... д-ра филол. н. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2019.
- Филичева Н. И.* Немецкий литературный язык. М.: Высшая школа, 1992.
- Фуко М.* Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
- Харькова О. В.* Шрифт как инструмент воздействия на массовое сознание в прессе Третьего рейха // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2008. № 1. С. 71—78.
- Чайковский Р. Р.* Свет и тени современного российского переводоведения // Вестник Московского ун-та. Серия 22: теория перевода. 2016. № 4. С. 5—25.
- Чернов Г. В.* Основы синхронного перевода. М.: Высшая школа, 1987.
- Чернявская В. Е.* Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 53—55.
- Шаклеин В. М.* Лингвокультурология: традиции и инновации. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.
- Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
- Швейцер А. Д.* Перевод и лингвистика (газетно-информационный и военно-публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973.
- Швейцер А. Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
- Ширяев А. Ф.* Синхронный перевод: деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979.
- Щерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: ЛГУ. 1958.

- Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь / пер. с англ. СПб.: Питер, 2010.
- Якобсон Р., Фант Г. М., Халле М. Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. Вып. 2. М.: Прогресс, 1962. С. 173—230.
- Яценко В. А. Теория искусственного интеллекта (основные положения) // Математические машины и системы. 2011. № 4. С. 3—19.
- Adelung J. C. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart. In 4 Theilen. Th. 3: M-S (1798). Leipzig: bey J. G. Breitkopf und Comp., 1793-1801.
- ADRE — Allgemeine Deutsche Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände (Conversations-Lexicon). In 10 Bdn. Bd. 3: D-F. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1819.
- Agirdag O. The Literal Cost of Language Assimilation for the Children of Immigration: The Effects of Bilingualism on Labor Market Outcomes // The Bilingual Advantage: Language, Literacy, and the US Labor Market. 2014. No. 99. Pp. 160—181.
- AHDEL — The American Heritage Dictionary of the English Language. Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 1993.
- Ammon U. English as a future language of teaching at German universities? A question of difficult consequences posed by the decline of German as a language of science // Language in Society. 2002. No. 31. Pp. 343—361. doi: 10.1515/9783110869484.343.
- Athaluri S. A., Manthena S. V., Kesapragada V. & al. Exploring the Boundaries of Reality: Investigating the Phenomenon of Artificial Intelligence Hallucination in Scientific Writing Through ChatGPT References // Cureus. 2023 Apr 11;15(4). doi: 10.7759/cureus.37432. [https://www.amjmed.com/article/S0002-9343\(23\)00401-1/fulltext](https://www.amjmed.com/article/S0002-9343(23)00401-1/fulltext).
- Auwera van der Jo., Schalley E. & De Vogelaer G. Analogie und die Verbreitung der verbalen Kongruenz bei Imperativen, Konjunktionen und Antwortpartikeln // Prozesse sprachlicher Verstärkung. Typen formaler Resegmentierung und semantischer Remotivierung. Linguistik — Impulse & Tendenzen. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2010. S. 269—305.
- Avé-Lallemant F. C. B. Das Deutsche Gaunerthum. Bd. 3. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1862.
- Beatty K. Teaching & researching: Computer-assisted language learning. Routledge, 2013.
- Bechert J. Einführung in die generative Transformationsgrammatik: Ein Lehrbuch. Linguistische Reihe. 3. Aufl. München: Max Hueber,

1973. 238 S.
 Beiträge zur deutschen Ausspracheregung / hrsg. H. Krech. Berlin: Henschel-Verlag, 1961.
- Bernardini S.* Think-aloud protocols in translation research: Achievements, limits, future prospects // *Target*. 2002. 13(2). Pp. 241—263.
- Beyer A., Adler R.* Languages and language policies in Germany. *Sprachen und Sprachenpolitik in Deutschland // Political Science*. 2018. No. 36. Pp. 221—242.
- Bhattacharyya M., Miller V. M., Bhattacharyya D. & al.* High Rates of Fabricated and Inaccurate References in ChatGPT-Generated Medical Content // *Cureus* 15(5): e39238. doi:10.7759/cureus.39238.
- Bialystok E.* Effects of Bilingualism on Cognitive and Linguistic Performance across the Lifespan // *The Bilingualism Controversy / ed. by I. Gogolin, U. Neumann*. Berlin: Springer, 2021. Pp. 53—67.
- Biber D.* A Typology of English Texts // *Linguistics*. 1989. Vol. 27. Pp. 3—43.
- Blühdorn H., Breindl E., Waßner U.-H.* (eds) *Text — Verstehen*. Grammatik und darüber hinaus. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2005.
- Bodmer J. J.* Sammlung Critischer, Poetischer, und anderer geistvollen Schriften. Bd. 6. Zürich: Bey Conrad Orell und Comp., 1742.
- Brinker K.* Aspekte der Textlinguistik. Zur Einleitung // *Aspekte der Textlinguistik / Klaus Brinker*. (Hg.) Zürich; New York: Hildesheim, 1991. (= Reihe Germanistische Linguistik 106–107)
- Brücken — Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorensemantik / H. Blühdorn & al. (eds) Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004.
- Bühler K.* Sprachtheorie. Stuttgart: Urban und Schwarzenberg, 1999.
- Bukharov V., Baykova O., Porchesku G.* Linguistic interference in contacting languages of German-Russian bilinguals // *Revista inclusions*. 2020. Vol. 7. Pp. 9—19.
- Calepinus A.* *Dictionarivm septem lingvarvm. Venetiis: Apud Georgium Valentinum*, 1625.
- Campe J. H.* Wörterbuch der Deutschen Sprache. In 5 Theilen. Th. 3: L-R. Braunschweig: In der Schulbuchhandlung, 1809.
- Chapelle C. A.* Computer assisted language learning. Blackwell Publishing Ltd, 2008. Pp. 585—595.
- Chetviorkin I., Loukachevitch N.* Extraction of Russian Sentiment Lexicon for Product Meta-Domain // *Proceedings of COLING-2012*. 2012. Pp. 593—610.
- Clodius C. A. H.* Entwurf einer systematischen Poetik nebst Collectaneen zu ihrer Ausführung. In 2 Theilen. Th. 1. Leipzig: Bey Breitkopf und

- Härtel, 1804.
- Cormode G., Krishnamurthy B.* Key differences between Web 1.0 and Web 2.0. First Monday. 2008. Vol. 13, No. 6.
- Dasypodius P.* Dictionarium latinogermanicum et vice versa germanicolatinum, ex optimis Latinae linguae scriptoribus concinnatum. Strassburg (Argentorati), 1537.
- Der schnelle Weg = Der schnelle Weg zum richtigen Wort. Das ganz andere Lexikon / W. Müller, A. Werner, G. Wiegand u. a. (eds). Stuttgart: Verlag Das Beste GmbH, 1992.
- Deutscher Sprachatlas. Auf Grund des von Georg Wenker begr. Sprachatlas des Deutschen Reichs. 23 Lieferungen. Marburg (Lahn): Elwert, 1927-1956.
- Düez N.* Dictionnaire François-Alemand-Latin Et Alemand-François-Latin. Cologne: Chez François Metternich Marchand Libraire, 1702.
- Ekman P.* Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage New York: W. W. Norton & Company, 1985.
- Engel U.* Syntax der deutschen Gegenwartssprache. Berlin: Erich Schmidt, 1982.
- Erling E. J.* "I speak English since 10 years": Global English and the German university classroom // English Today. 2002. Vol. 18, No. 2. Pp. 8—13.
- Erlinger R.* Höflichkeit. Vom Wert einer wertlosen Tugend. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2016.
- EWD — Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / hrsg. von W. Pfeifer. Koblenz: Edition Kramer, 2014.
- Fernau J.* Deutschland, Deutschland über alles... Von Null bis heute. Frankfurt am Main; Berlin; Wien: Verlag Ullstein GmbH, 1976.
- Frege G.* Funktion, Begriff, Bedeutung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962.
- Frisch J. L.* Teutsch-Lateinisches Wörter-Buch. In 2 Theilen. Th. I: A-M. Berlin: Verlegts Christoph Gottlieb Nicolai, 1741.
- Frisius J.* Dictionarium Latino-Germanicum, nec-non Germanico-Latinum. Coloniae Agrippinae: Ex Officina Metternichiana, 1750.
- Gajdučik S. M.* Fonostilističeskij aspekt ustnoj reči: Autorref der Doktorarb., Leningrad: LGU, 1973.
- Gambier I.* Impact of Technology on Translation and Translation Studies // Russian Journal of Linguistics. 2019. Vol. 23, No 2. Pp. 344—361.
- Garrett N.* Computer-assisted language learning trends and issues revisited: Integrating innovation // The Modern Language Journal. 2009. Vol. 93, No. 1. Pp. 719—740.

- Gazzola M., Hahm S., Wickström B. A.* Sind Fremdsprachenkenntnisse mit dem Einkommen und der Beschäftigung verbunden? Empirische Evidenz aus Deutschland und aus der Welt // *Jahrbuch der Gesellschaft für Interlinguistik*. 2018. No. 19/3. S. 55—78.
- Geusau A.* Reise Herrn Heinrich d. XI. durch Teutschland Franckr. u. Italien, 1740-1742. (рукопись)
- Gibbons J.* Forensic linguistics: an introduction to language in the justice system. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing Ltd, 2003.
- Gibson J. J.* The ecological approach to visual perception. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1986.
- Goatly A.* The Language of Metaphors. London: Routledge, 1997.
- Gogolin I.* Multilingualism: A Threat to Public Education or a Resource in Public Education? European Histories and Realities // *European Educational Research Journal*. 2021. Vol. 20 (3). Pp. 297—310.
- Gottsched J. C.* Versuch einer Critischen Dichtkunst vor die Deutschen. Leipzig: B. C. Breitkopf, 1730.
- Gottsched J. C.* Grundlegung einer deutschen Sprachkunst. Leipzig: Verlags B. C. Breitkopf, 1749.
- Graham C. R.* Blended learning systems // *The handbook of blended learning*, 2006. Pp. 3—21.
- Grice P.* Logic and Conversation // *Pragmatics*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. Pp. 305—315.
- Grimm J.* Geschichte der deutschen Sprache. In 2 Bdn. Bd. 2. Leipzig: In der Weidmannschen Buchhandlung, 1848.
- Grosser R.* Mit Erfolg zum Deutsch-Test für den Beruf B2 / R. Grosser, S. Hohmann, M. Hildegard. Stuttgart: Ernst Klett Sprachen, 2021.
- Günther J. C.* Sammlung von Gedichten. Breßlau und Leipzig: Bey Michael Hubert, 1751.
- GWDA* — Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982.
- Hansen B., Zielińska A.* Soziolinguistik trifft Korpuslinguistik. Deutsch-polnische und deutsch-tschechische Zweisprachigkeit. Zürich: Winter, 2022.
- Hatvani P.* Versuch über den Expressionismus // *Die Aktion*. 1917. Nr. 7.
- Hauptmeier H.* Sketches of Theories of Genre // *Poetics*. 1987. No. 16. Pp. 397—430.
- Heilmann L., Grotlüschen A.* Literalität, Migration und Mehrsprachigkeit / A. Grotlüschen, K. Buddeberg // *LEO 2018: Leben mitgeringer Literalität*. Wiesbaden: Springer, 2020. S. 115—143.
- Heinse W.* Ardinghello und die glückseligen Inseln. Bd. 1. Lemgo:

- Im Verlage der Meyerschen Buchhandlung, 1787.
- Helbig G., Buscha J.* Deutsch Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Berlin: Langenscheidt, 2001.
- Hervais-Adelman A., Moser-Mercer B. & Golestani N.* Brain functional plasticity associated with the emergence of expertise in the extreme language control // *NeuroImage*. 2015. No. 114. Pp. 264—274.
- Heyl S. & Volgenau G.* Novum Lexicon Sueco-Germanico-Latinum oder neues Schwedisch-Teutsch und Lateinisch Wörter-Buch. Hamburg und Stockholm: Bey Samuel Heyl und Gotthard Volgenau, 1716.
- Hoffmann L.* Ellipse im Text // *Blühdorn H., Breindl E., Waßner U.-H.* (eds) *Text — Verstehen. Grammatik und darüber hinaus*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2005. S. 90—107.
- Hollien H.* The acoustics of crime: the new science of forensic phonetics. New York; London: Plenum Press, 1990.
- Hübler A.* Das Konzept „Körper“ in den Sprach- und Kommunikationswissenschaften. Basel: Franke, 2001.
- Jahn F. L. & Eiselen E. W. B.* Die deutsche Turnkunst, zur Einrichtung der Turnplätze dargestellt. Berlin: Auf Kosten der Herausgeber, 1816.
- James L.* Die Österreicher pauschal. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1997.
- Kachru B. B.* The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native Englishes. Oxford: OUP, 1986.
- Klix Fr.* Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1984.
- Klopstock F. G.* Die deutsche Gelehrtenrepublik. Ihre Einrichtung. Ihre Gezeze, Geschichte des letzten Landtags. Hamburg: Bey J. J. C. Bode, 1774.
- Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2011. [25. Aufl.]
- Klügel G. S.* Encyklopädie oder zusammenhängender Vortrag der gemeinnützigsten Kenntnisse. Zweyter Theil. Berlin; Stettin: Bey Friedrich Nicolai, 1782.
- Kramer M.* Neu-ausgefertigtes herrlich grosses und allgemeines Italiänisch-Deutsches Sprach- und Wörter-Buch. Nürnberg: In Verlegung Joh. Andreae Endters Seel. Söhne, 1693.
- Labov W.* The Social Stratification of English in New York City. Washington D. C.: Center for Applied Linguistics, 1966.
- Labov W.* Issledovaniye jazyka v ego sotsial'nom kontekste // *Novoje v lingvistike*. Vyp. 7. Moskva: Progress, 1975. S. 96—181.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago

- Press, 1980.
- Lange B.-L.* Bonzenschleuder und Rennrappe // Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten. Stuttgart; Leipzig: Hohenheim Verlag, 2000. S. 24—32.
- Lange J.* Apostolisches Licht und Recht. Bd. 1. Halle: Verlegt im Wäysen-Hause, 1729.
- LDCE — Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow and London: Longman, 1978.
- Lenta.ru — июнь-август 2023 г., январь-февраль 2024 г.
- Levina V., Zubanova S., Ivanov A.* Axiological linguistics and teaching of Russian as a foreign language in the context of distance learning against the backdrop of the pandemic // *XLinguae*, 2021. Vol. 14. Issue 1. Pp. 212—227. doi: 10.18355/XL.2021.14.01.17.
- Levy M.* Computer-assisted language learning: Context and conceptualization. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Literary Style: A symposium / ed. by S. Chatman. London; New York: Oxford University Press, 1971.
- Logau F.* Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Breßlaw: In Verlegung Caspar Klobmanns, 1654.
- Longley P.* Aptitude Testing of Applicants for a Conference Interpretation Course // The Theoretical and Practical Aspects of Teaching Conference Interpretation / ed. by L. Gran and J. Dodds. Udine: Campanotto, 1989. Pp. 241—243.
- Maenner D.* Prüfungstraining. Deutsch-Test für den Beruf B2 / D. Maenner. Berlin: Cornelsen, 2022.
- Markowsky E., Wolf F., Schäfer M.* Immigrant Bilingualism in the German Labour Market: Between Human Capital, Social Networks and Ethnic Marginalisation // *WiSo-HH Working Paper Series*. 2022. No. 68. Pp. 1—40.
- Meinhold G.* Deutsche Standardaussprache. Lautschwächungen und Formstufen. Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 1973.
- Meng K.* Russlanddeutsche Sprachbiografien. Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien. Tübingen: Narr, 2001.
- Meyfart J. M.* Teutsche Rhetorica, Oder Redekunst. Coburg: In Verlegung Friderich Gruners Buchhändlers, 1634.
- Mithov R.* (ed.) The Oxford handbook of computational linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- MKL — Meyers Konversations-Lexikon. In 19 Bdn. Bd. IV: China-Dis-tanz. Leipzig; Wien: Bibliographisches Institut, 1888. [4. Aufl.]
- Molnár A. S. & Beer J. C.* Dictionarium Quadrilingue Latino-Ungarico-

- Græco-Germanicum. Noriberga: Martinus Endter, 1708.
- Morhof D. G.* Unterricht Von Der Teutschen Sprache und Poesie. Kiel: Joachim Reumann, 1682.
- Moritz K. P.* et al. Grammatisches Wörterbuch der deutschen Sprache. In 4 Bdn. Bd. 2: D-M. Berlin: bei Ernst Felisch, 1794.
- Moser-Mercer B.* Simultaneous interpreting: Cognitive potential and limitations // *Interpreting International Journal of Research and Practice in Interpreting*. 2002. 5(2). Pp. 83—94. doi: 10.1075/intp.5.2.03mos.
- Nord Ch.* Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. Routledge, 1997.
- Nord Ch.* Loyalty and Fidelity in Specialized Translation // *Artigos e comunicações: Confluências. Revista de Tradução Científica e Técnica*. 2006. Nr. 4, Maio. Pp. 29—41.
- ODMQ — The Oxford Dictionary of Modern Quotations / ed. by T. Aугarde. Oxford: Oxford University Press, 1992.
- Paul H.* Deutsches Wörterbuch. Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. [10. Aufl.]
- Petrenko O. D.* Sociolingvistični tendencii rozvitku vimovi v studentskomu seredovišči NDR // *Movoznavstvo*. 1986a. Nr. 3. S. 63—66.
- Petrenko O. D.* Tendentsii razvitija nemetskogo proiznošenija v studenčeskoj srede GDR: Doktorarbeit. Kiev, 1986b.
- Pinthus K.* Zuvor // *Menschheitsdämmerung. Symphonie jüngster Dichtung* / hrsg. von Kurt Pinthus. Berlin: Ernst Rowohlt Verlag, 1920.
- Pinthus K.* Zweiter Nachklang // *Theorie des Expressionismus* / hrsg. O. F. Best. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1976.
- Pinthus K.* Nachklang // *Expressionismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1910—1920* / hrsg. Th. Anz und M. Stark. Stuttgart: J. B. Metzler, 1982.
- Polenz P.* Geschichte der deutschen Sprache. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1978. [9. Aufl.]
- Potaņova R. K., Potaņov V. V.* Kommunikative Sprechfähigkeit: Russland und Deutschland im Vergleich. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2011.
- Potaņova R. K., Potaņov V. V.* The mechanisms of Russian-German speech communication and code-switching // *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics*. 2013. Issue 13 (673). Pp. 9—18.
- Potaņova R., Potaņov V.* Associative mechanism of foreign spoken language perception (forensic phonetic aspect) // *Lecture Notes in Computer Sciences*. Springer, Cham. 2014. Vol. 8773. Pp. 113—122.
- Potaņova R., Potaņov V.* On individual polyinformativity of speech and voice

- regarding speakers auditive attribution (forensic phonetic aspect) // Lecture Notes in Computer Sciences. Springer, Cham. 2016. Vol. 9811. Pp. 507—514.
- Potapova R., Potapov V., Gorbunov P.* The brain activity of the bilingual code-switching communication // Lecture Notes in Computer Science. Springer, Cham. 2023. Vol. 13637. Pp. 274—281.
- Potapova R., Potapov V., Kuzmin O.* Logistics translator. Concept vision on future interlanguage computer assisted translation // Lecture Notes in Computer Sciences. Springer, Cham. 2022. Vol. 13721. P. 579—589.
- Potapova R., Potapov V., Kuzmin O.* A new software approach to automated translation (on the example of the logistics sublanguage) // Yadav A., Nanda S. J., Lim M. H. (eds) Proceedings of International Conference on Paradigms of Communication, Computing and Data Analytics. PCCDA 2023. Algorithms for Intelligent Systems. Springer, Singapore 2023. Pp. 263—273.
- Pulaczewska H.* Polish-German bilingualism at school // Linguistik online. 2014. Vol. 64, No. 2/14. Pp. 1—13. doi: 10.13092/lo.64.1378.
- Reiß K. & Vermeer H.* Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained / trans. from German by Ch. Nord. Manchester: St. Jerome Publishing, 2013.
- Richardson W.* Blogs, wikis, podcasts, and other powerful web tools for classrooms. Corwin Press, 2010.
- Ridout R., Witting C.* English Proverbs Explained. London: Pan Books, 1969.
- Schamhorst J.* Theorie der Literatursprache. Aspekte der Forschung // ZPSK. 1986. Nr. 4.
- Scheller I. J.* Ausführliches und möglichst vollständiges lateinisch-deutsches Lexicon. In 5 Bdn. Bd. 2: D-K. Leipzig: bey Caspar Fritsch, 1804.
- Schlegel A. W. & Schlegel F.* Athenaeum. Bd. 1. Berlin: Bey F. Vieweg dem älteren, 1798.
- Schleicher A.* Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft. Weimar: Hermann Böhlau, 1863.
- Schlüter S.* Deutsch-Test für den Beruf B2. München: Hueber, 2022.
- Schmidt J. E.* Vom traditionellen Dialekt zu den modernen deutschen Regional sprachen / A. Stefanowitsch // Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung: Vielfalt und Einheit der deutschen Sprache: Zweiter Bericht zur Tage der deutschen Sprache. Tübingen: Stauffenburg, 2017. S. 105—144.
- Schmidt S. J.* Towards a Constructive Theory of Media Genre // Poetics. 1986. No. 16. Pp. 371—395.
- Schönborn Ch.* Kardinal. Mein Jesus. Gedanken zum Evangelium. Wien:

- Molden Verlag, 2002.
- Schönfeld H.* Varianten, Varietäten, Sprachvariation // ZPSK. 1985. Nr. 3. S. 206—224.
- Schrifttum // Vokabular des Nationalsozialismus / hrsg. von C. Schmitz-Berning. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. S. 561—562. [2. Aufl.]
- Schubert G. H.* Die Symbolik des Traumes. Bamberg: Im neuen Leseinstitut von C. F. Kunz, 1814.
- Schwenck K.* Wörterbuch der deutschen Sprache. Frankfurt am Main: Druck und Verlag von J. D. Gauerländer, 1838.
- Sdobnikov V.* Communicative-Functional Approach to Translation in the Russian Theory of Translation // Moscow State University Bulletin. 2009. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, 2. Pp. 19—30.
- Sdobnikov V.* Is Translation a Means of Cross-Cultural Communication? // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2023. Vol. 22, No. 3. Pp. 77—85.
- Snell-Hornby M.* The Turns of Translation Studies. New Paradigms or Shifting Viewpoints? Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.
- St — Studienbuch Linguistik / A. Linke & al. Tübingen: Niemeyer, 2004.
- Steinbach C. E.* Vollständiges Deutsches Wörter-Buch vel Lexicon Germanico-Latinum. In 2 Bdn. Bd. 1: A-L. — Breßlau: Verlegts Johann Jacob Korn, 1734.
- TG — Textgrammatik der deutschen Sprache / H. Weinrich (ed.). Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1993.
- TK — Textkonnectoren: und andere textstrukturierende Einheiten / A. Cambourian (ed.). Tübingen: Stauffenburg, 2001 (Eurogermanistik 16).
- TLRL — Teutsch-Lateinisch- und Ruzsches Lexicon, Samt Denen Anfangs-Gründen der Ruzsichen Sprache. St. Petersburg: In der Kayserlichen Academie der Wissenschaftten, 1731.
- Wängler H.-H.* Atlas deutscher Sprachlaute. Berlin: Akademie-Verlag, 1974.
- WDGS — Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / hrsg. R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin: Akademie-Verlag, 1969-1977.
- Weifert L. F.* Deutsche Mundarten. München: Lehmanns-Verlag, 1964-1965.
- WNDS — Webster's New Dictionary of Synonyms / ed. by P. B. Gove. Springfield, Mass.: Merriam, 1978.

- Wulf H.* Neues evangelisches Gebetbuch. 1. Aufl. Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag, 1978.
- Zesen P.* Deütscher Helicon oder Kurtze verfassung aller Arten der Deütschen jetzt üblichen Verse, wie dieselben ohne Fehler recht zierlich zu schreiben. Wittenberg: Bey Johann Röhnern, 1640.
- Ziwei Ji, Tiezheng Yu, Yan Xu et al.* Towards Mitigating LLM Hallucination via Self Reflection // Findings of the Association for Computational Linguistics. Singapore, 2023. Pp. 1827—1843.
- ZS — Zeitschrift für Sprachwissenschaft, 1998/1999.

АННОТИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОНОГРАФИИ

1. Интерференция в контактирующих языковых системах немцев-билингвов Вятского региона России

В главе рассматриваются интерференционные особенности в русской и немецкой речи российских немцев Вятского региона в условиях меж- и внутриязыкового контактирования. Результаты анализа свидетельствуют о формировании у российских немцев исследуемого региона билингвистических компетенций.

2. Эллипсис и его когнитивные лабиринты

Глава посвящена лингвофилософскому осмыслению эллипсиса как символического языкового знака, раскрываются когнитивные, психолингвистические и лингвистические основы эллиптических структур, на их примере показывается неразрывная связь языка и мышления, описываются эллиптические модели и их коммуникативная специфика. Единицы «малого», «экспрессивного» синтаксиса анализируются как средства имплицации прецедентного смысла генерирующих когнитивных структур.

3. Зачем нужно различать статический и динамический подходы к анализу языковых средств? (заметки на полях по особому случаю)

Глава фокусируется на необходимости сознательно разграничивать статический и динамический подходы при анализе разнородных и разноуровневых языковых средств как элементов культурного кода «язык», с помощью которого фиксируются, объективируются в коммуникации, активируются и со-активируются гетерогенные, гетерохронные, гетеросубстратные сведения о мире. Характеристика названных подходов позволяет раскрыть не только различия, касающиеся сущности, особенностей анализируемого эмпирического материала, выбора приемов описания и теоретического фундамента для интерпретации получаемых в рамках соответствующего подходов результатов, но и комплементарности изучаемых подходов. Это раскрывает высокую объяснительную силу разнообразных приемов лингвистического анализа на современном этапе развития лингвистики.

4. «Противопоставление шрифтов» в идеологическом дискурсе Третьего рейха

В главе анализируются аспекты языковой политики Третьего рейха в контексте его идеологии, связанные с так называемой «борьбой шрифтов: антиква / фрактура», рассмотрены основные дискурсивные ситуации, стадийно реализуемые диктаторским режимом, как

попытки использования национал-социалистами «графического имиджа» немецкого языка, очевидные противоречия и иррациональность их квази-семиотических дискурсивных практик.

5. «Музыкальный пласт» в эссе К. Пинтуса *Прежде всего: «симфония», «гармония», «диссонанс»*

В главе рассматривается «музыкальный пласт» эссе Курта Пинтуса *Прежде всего*, предварявшего сборник «Сумерки человечества». Слово «симфония» из подзаголовка сборника связано с особым мироощущением эпохи, которое зафиксировано в экспрессионистской формуле «целостность из разрывов».

6. О семантическом разграничении немецких терминов *Dialekt* и *Mundart* (историко-лингвистический аспект)

Глава посвящена сопоставительному изучению немецких терминов *Dialekt* и *Mundart* в историко-лингвистическом аспекте. Исследуется история вхождения терминов в терминологическую систему немецкого языкознания, выявляются сходные и различные элементы в семантической структуре этих терминологических единиц, анализируется их функционал. Особое внимание уделяется сравнительному анализу семантики обоих терминов, установлению основных (язык, диалект, говор и др.) и периферийных (поэтический язык, иностранное произношение, жаргон, индивидуальная манера речи или письма и др.) значений в семантической структуре. Установлено, что оба термина чрезвычайно близки в семантическом аспекте и функционально взаимозаменяемы в большинстве изученных контекстов. Исключение составляет одно из значений термина *Mundart* ('язык'), которое не зафиксировано в семантической структуре термина *Dialekt*. В работе использованы методы историко-лингвистического, семантического и статистического видов анализа.

7. Осмысление интереса в языковом сознании

Рассматривается концепт ИНТЕРЕС, характеризующий субъекта, который стремится узнать нечто новое и получает от этого удовольствие. Понятийные характеристики этого концепта сводятся к признакам желания, познания, привлекательности объекта и пользы от полученной информации, но осуждается любопытство как желание получить сведения. Ситуативно-образные характеристики интереса акцентируют привлекательность, необычность и курьезность объекта. Ценностные признаки анализируемого концепта выражают его амбивалентную оценку как полезной познавательной активности, с одной стороны, но осуждается направленность интереса на приватную закрытую информацию, с другой стороны.

8. Снятся ли чат-ботам корпусы текстов? (К проблеме галлюцинаций генеративных языковых моделей)

В главе рассматривается проблема «галлюцинаций» генеративных языковых моделей, допускающих в сгенерированных текстах как фактические, так и логические ошибки, на что указывают результаты опроса, проведенного среди пользователей чат-ботов. В ходе исследования выявлены такие особенности языка чат-бота, как стилистическая неоднородность, внутренняя логическая противоречивость и фактические расхождения с эталонными текстами. Выполнена корреляция ошибок с соответствующими языковыми стилями. В статье обсуждаются возможные причины «галлюцинаций» и перспективные пути решения данной проблемы.

9. Менталитет и национальная картина мира

В главе речь идет о менталитете, пронизывающем все сферы духовной жизни общества и порождающем соответствующую ему национальную картину мира. Для всех народов видимый и ощущаемый мир един, но воспринимается по-разному. Национальная картина мира формируется концептами, составляющими концептосферу национального языка. Национальный менталитет рассматривается на примере ряда ключевых концептов русского языка с привлечением немецкого языка ФРГ и Австрии.

10. Функционирование бизнес-метафоры в современном деловом дискурсе английского языка

Глава посвящена изучению вопроса функционирования бизнес-метафоры в деловом дискурсе английского языка, поскольку роль метафоры, в том числе при обучении деловому английскому языку не до конца исследована, и, как результат, не имеет пока широкого распространения в подходах к обучению. Авторами выдвинута и доказана гипотеза о том, что бизнес-метафора, являясь лингвистическим и психологическим феноменом, широко представленном в современном деловом дискурсе, может быть использована как инструмент для понимания процессов, происходящих в деловых мультилингвальных кругах. Для изучения бизнес метафоры как лингвистического феномена в настоящей работе был использован общий филологический подход при анализе различных примеров устойчивых и современных бизнес-метафор, а также метод контекстуального анализа с опорой на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

11. Die phonostilistischen Aussprachevarianten im Fremdsprachenunterricht (Фоностилистические варианты произношения в

преподавании иностранных языков)

В главе рассматривается проблема фонетического варьирования, связанная с преподаванием немецкого языка как иностранного. В ее основе лежит тот факт, что современные учебные материалы построены на материале информации, содержащейся в словарях произношения, которые не учитывают региональное, социальное и стилистическое варьирование языковых форм. Необходимость восполнения этого пробела привела к появлению социофонетики — важного в лингводидактическом аспекте направления исследований звучащей речи. В статье описываются результаты исследования вариантов произнесения немецких согласных и гласных в различных социостилистических ситуациях и возможность использования этих данных в преподавании.

12. Языковая вариативность современных миграционных потоков в Германии

В главе рассматриваются статусные факторы билингвизма представителей миграционных потоков в Германии первой четверти XXI в. Утверждается, что, во-первых, существуют немецко-английский билингвизм, демонстрируемый немцами, и национально-английский билингвизм, носителями которого являются иммигранты, поселившиеся в Германии. Во-вторых, отмечается, что необходимость языковых контактов иммигрантов с немецким населением и общественно-политической структурой Германии привела к развитию национально-немецкого билингвизма тех иммигрантов, кто сохраняет связь с языком и культурой страны исхода. Предлагается выделять три социолингвистических типа билингвизма: 1) проактивный национально-немецкий билингвизм выживания иммигрантов, сохраняющих связь с языком и культурой страны исхода, 2) интерактивный национально-немецкий билингвизм взаимодействия иммигрантов, интегрированных в немецкое общество и 3) интерактивный немецко-английский (а также национально-английский) билингвизм межкультурного и транснационального взаимодействия представителей миграционных потоков.

13. Основные подходы к лингвистическому портретированию Интернет-личности

Современная цифровая межличностная коммуникация поставила перед лингвокриминалистикой новые задачи, соотносящиеся с проблемами портретирования языковой личности, которые самым тесным образом связаны с методикой классификации лингвистических признаков, обладающих особой практической эффективностью. Как правило, в лингвокриминалистике анализируются три основных объекта, включающих задачи идентификации, верификации и портретирования личности.

Процесс идентификации определяется выявлением особенностей личности по формуле «один из многих»; процесс верификации обозначает исследование индивидуальной специфики говорящего по формуле «он — не он»; процесс портретирования определяется анализом индивидуальных личностных лингвистических особенностей речи субъекта, что непосредственно связано с языковыми особенностями исследуемого речевого материала. В связи с этим особое значение приобретает анализ лингвистических особенностей исследуемого языкового объекта.

14. Решение задач анализа текстов с использованием открытых библиотек языка программирования Python

Решение задач анализа текстов базируется на использовании современных достижений в области машинного обучения и NLP-алгоритмов. Проведение исследований существенно упрощается благодаря возможностям современных языков программирования, таких как Python, предоставляющих исследователю готовый инструментарий методов обработки и анализа данных в виде открытых библиотек. В главе приводится обзор возможностей и примеры использования библиотек Python для анализа тональности текстов.

15. Ценностно-оценочная интерпретация терминов когнитивной лингвистики в научной коммуникации

В главе рассматриваются наиболее значимые термины в системе когнитивной лингвистики, а именно случаи их оценочной интерпретации в современном российском научном дискурсе. Оценочная интерпретация термина является показателем научной позиции исследователя, позволяет определить случаи расогласования содержания терминов в научной коммуникации. Проведенный анализ служит становлению единообразия терминосистемы.

16. Suprasegmentalia in der Kaspranskij-Realisationstheorie der phonologischen Systeme (Супрасегментные средства в теории реализации фонологических систем Р. Р. Каспранского)

Глава посвящена проблеме реализации просодической системы немецкого языка в речи, переводу системных единиц этического ряда в материальные речевые сущности этического ряда с позиций лингвистической теории реализации фонологических систем в речи Горьковской (Нижегородской) школы акустики речи.

17. Переводоведение как междисциплинарная наука

Поскольку перевод как вид деятельности имеет комплексный, многоаспектный характер и подвержен воздействию со стороны множества разнородных факторов, его изучение в рамках переводоведения

ния предполагает использование положений и данных разных научных дисциплин, как лингвистических, так и нелингвистических. Двигаясь в этом направлении, современное переводоведение, само по себе будучи комплексной наукой, превратилось из сугубо лингвистической дисциплины, или раздела языкознания в дисциплину междисциплинарную, имеющую собственный объект и предмет исследования, отличающиеся от объекта и предмета сопряженных с переводоведением дисциплин.

18. Осмысление жанра как лингвистического феномена в теории текста и в дискурс-анализе

Понятие «жанр» было экстраполировано в языкознание из теории литературы, оно также широко циркулирует в культурном пространстве: музыке, изобразительном искусстве. Глава рассматривает освоение жанра как лингвистического феномена в рамках теории текста и дискурс-анализа. Жанровый фактор осмысливается в качестве текстообразующего и дискурсообразующего признака.

19. Веб-инструменты и искусственный интеллект в обучении

Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения имеющихся в современной науке представлений о дидактических возможностях и способах применения технологий Web 2.0 и ИИ в обучении иностранным языкам. Глава освещает современные тенденции применения смешанного обучения и особенности системы обучения иностранным языкам с учетом технологизации цифровой среды. Исследование преимуществ и недостатков смешанного обучения показало эффективность применения Web инструментов второго поколения и перспективы внедрения Web 3.0, 4.0 и искусственного интеллекта. Цифровые проекты способствуют ускоренному освоению компетенций за счет индивидуализации образования и автономности студентов.

THE ANNOTATED CONTENT OF THE MONOGRAPH

1. Interference in the Contact Language Systems of Bilingual Germans residing in the Vyatka Region of Russia

The chapter considers interference features in Russian and German speech of Russian Germans of the Vyatka region in the face of inter- and intralanguage contact. The results of the analysis testify to the formation of bilingual competences among Russian Germans of the investigated region.

2. Ellipsis and its Cognitive Labyrinths

The chapter is devoted to the linguophilosophical comprehension of ellipsis as a symbolic linguistic sign. It reveals the cognitive, psycholinguistic and linguistic foundations of elliptical structures, shows by their example the inseparable connection between language and thinking, describes elliptical models and their communicative specificity. ‘Small’, ‘expressive’ syntactic units are analysed as means of implicating the precedent meaning of generative cognitive structures.

3. Why Do We Need to Distinguish between Static and Dynamic Approaches to Analysing Linguistic Tools? (Marginal Notes on a Special Occasion)

The chapter focuses on the necessity to deliberately distinguish between static and dynamic approaches when analysing heterogeneous and multilevel linguistic means as elements of the cultural code ‘language’, by means of which heterogeneous, heterochronic, heterosubstrate information about the world is fixed, objectified in communication, activated and co-activated. The characteristic of the mentioned approaches allows us to reveal not only the differences concerning the essence, the peculiarities of the analysed empirical material, the choice of description methods and the theoretical basis for interpreting the results obtained within the framework of the respective approaches, but also the complementarity of the studied approaches. This reveals the high explanatory power of various methods of linguistic analysis at the present stage of linguistics development.

4. “Opposing Scripts” in the Ideological Discourse of the Third Reich

The chapter analyses the aspects of the language policy of the Third Reich in the context of its ideology related to the so-called “struggle of fonts: antiqua / fraktur”, considers the main discursive situations staged by the dictatorial regime as attempts of the National Socialists to use the ‘graphic image’ of the German language, the obvious contradictions and irrationality of their quasi-semiotic discursive practices.

5. “Musical Stratum” in K. Pintus’s Essay *First Of All*: “Symphony”, “Harmony”, “Dissonance”

The chapter considers the “musical stratum” of Kurt Pintus’s essay *First of all*, which preceded the essays collection “Twilight of Mankind”. The word “symphony” from the subtitle of the essays collection is connected with the special worldview of the epoch, which is fixed in the expressionist formula “integrity from ruptures”.

6. On the Semantic Differentiation of the German Terms *Dialekt* and *Mundart* (The Historical-Linguistic Aspect)

The chapter is devoted to the comparative study of the German terms *Dialekt* and *Mundart* in the historical-linguistic aspect. The history of the terms entry into the terminological system of German linguistics is investigated, similar and different elements in the semantic structure of these terminological units are revealed, their functional sphere is analysed. Special attention is paid to the comparative analysis of the semantics of both terms, to the formation of basic (language, dialect, subdialect, etc.) and peripheral (poetic language, foreign pronunciation, slang, individual manner of speech or writing, etc.) meanings in the semantic structure. It is found that both terms are extremely close in semantic aspect and functionally interchangeable in most of the studied contexts. The exception is one of the meanings of the term *Mundart* (‘language’), which is not fixed in the semantic structure of the term *Dialekt*. The paper uses historical-linguistic, semantic and statistical methods of analysis.

7. Comprehension of Interest in Linguistic Consciousness

The concept of INTEREST, which characterises a subject who seeks to learn something new and gets pleasure from it, is considered. The conceptual characteristics of this concept are reduced to the signs of desire, cognition, attractiveness of the object and benefit from the received information, but curiosity as a desire to get information is condemned. Situational and figurative characteristics of interest emphasise the attractiveness, unusualness and curiosity of the object. Value-based features of the analysed concept express its ambivalent evaluation as a useful cognitive activity, on the one hand, but on the other hand, interest is condemned as a desire for private, closed information.

8. Do Chatbots dream of Corpus Texts? (To the Problem of Hallucinations of Generative Language Models)

The chapter deals with the problem of “hallucinations” of generative language models, which allow both factual and logical errors in generated texts, as indicated by the results of a survey conducted among chat-bot users. The research revealed such features of chat-bot language as stylistic heterogeneity, internal logical inconsistency and factual discrepancies with reference texts. The correlation of errors with the corresponding language styles

is carried out. The article discusses possible causes of “hallucinations” and promising ways of solving this problem.

9. Mentality and National Picture of the World

The chapter deals with mentality, which permeates all spheres of spiritual life of society and generates a national picture of the world corresponding to it. For all peoples the visible and felt world is the same, but perceived differently. The national picture of the world is formed by the concepts that make up the concept sphere of the national language. The national mentality is considered on the example of a number of key concepts of the Russian language with the involvement of the German language spoken in Germany and Austria.

10. Functioning of Business Metaphor in Modern English Business Discourse

The chapter is devoted to the study of the issue of business metaphor functioning in English business discourse, since the role of metaphor, including business English teaching, is not fully investigated and, as a result, is not yet widespread in teaching approaches. The authors put forward and proved the hypothesis that business metaphor, being a linguistic and psychological phenomenon widely represented in modern business discourse, can be used as a tool for understanding the processes taking place in business multilingual circles. In order to study business metaphor as a linguistic phenomenon, this paper uses a general philological approach in analysing various examples of stable and modern business metaphors, as well as the method of contextual analysis based on the theory of conceptual metaphor by G. Lakoff and M. Johnson.

11. Phonostylistic Variants of Pronunciation in Teaching Foreign Languages

The chapter deals with the problem of phonetic variation related to teaching German as a foreign language. It is based on the fact that modern teaching materials are based on the information contained in pronunciation dictionaries, which do not take into account regional, social and stylistic variation of language forms. The need to fill this gap has led to the emergence and development of sociophonetics, an important direction of research of sounding speech in the linguodidactic aspect. The chapter describes the results of the study of German consonant and vowel pronunciation variants in different socio-stylistic situations and evaluates the possibilities of using these data in teaching.

12. Linguistic Variation of Modern Migration Flows in Germany

The chapter considers the status factors of migration flows representatives’ bilingualism in Germany in the first quarter of the 21st century. It is argued that, firstly, there is the German-English bilingualism, demonstrated by Germans, and the national-English bilingualism, the carriers of which are immigrants who have settled in Germany. Secondly,

it is noted that the need for language contact between immigrants, on the one hand, and the German population and the socio-political institutions of Germany, on the other hand, has led to the development of national-German bilingualism of those immigrants who retain a connection with the language and culture of the country of origin. It is proposed to distinguish three sociolinguistic types of bilingualism: 1) the proactive national-German bilingualism of survival of immigrants who keep in touch with the language and culture of the country of origin, 2) the interactive national-German bilingualism of interaction of immigrants integrated into German society and 3) the interactive German-English (as well as national-English) bilingualism of intercultural and transnational interaction of migration flows representatives.

13. Main Approaches to the Linguistic Portraiture of Internet Personality

Modern digital interpersonal communication has set new tasks before linguocriminalistics, correlated with the problems of linguistic personality portraiture, which are most closely related to the methodology of classification of linguistic features with special practical efficiency. As a rule, three main objects are analysed in linguocriminalistics, including the tasks of identification, verification and personality portraiture. The process of identification is defined by revealing the peculiarities of a person according to the formula 'one out of many'; the process of verification denotes the study of individual specificity of a speaker according to the formula 'he — not he'; the process of portraiture is defined by the analysis of individual personal linguistic peculiarities of the subject's speech, which is directly related to the linguistic peculiarities of the investigated speech material. In this regard, the analysis of linguistic features of the investigated linguistic object acquires special importance.

14. Solving Text Analysis Problems using Open Source Libraries of the *Python* Programming Language

The solution of text analysis tasks is based on the use of modern achievements in the field of machine learning and NLP-algorithms. Conducting research is greatly simplified thanks to the capabilities of modern programming languages such as *Python*, which provide the researcher with a ready toolkit of data processing and analysis methods in the form of open libraries. The chapter provides an overview of the possibilities and examples of using *Python* libraries to analyse the tonality of texts.

15. The Value-Based and Evaluative Interpretation of Cognitive Linguistics Terms in Scientific Communication

The chapter considers the most significant terms in the system of cognitive linguistics, namely cases of their evaluative interpretation in modern

Russian scientific discourse. The evaluative interpretation of a term is an indicator of the researcher's scientific position and allows to determine the cases of discordance of the terms content in scientific communication. The analysis serves to restore the uniformity of the terminological system.

16. Suprasegmental Means in Kaspranskiy's Realisation Theory of Phonological Systems

The chapter is devoted to the problem of the German prosodic system realisation in speech, to the conversion of system units of the emic row into material speech entities of the etic row according to the linguistic theory of realisation of phonological systems in speech, elaborated by the Gorky (Nizhny Novgorod) school of speech acoustics.

17. Translation Studies as an Interdisciplinary Science

Since translation as a kind of activity is complex, multidimensional and subject to the influence of many heterogeneous factors, its study within the framework of translation studies implies the use of provisions and data of different scientific disciplines, both linguistic and non-linguistic. Moving in this direction and being a complex science in itself, modern translatology has turned from a purely linguistic discipline into an interdisciplinary one, having its own object and subject of research, different from the object and subject of the disciplines associated with translation studies.

18. Comprehension of Genre as a Linguistic Phenomenon in Text Theory and Discourse Analysis

The notion of "genre" was extrapolated into linguistics from the theory of literature; it is also widely circulated in the cultural space: music, fine arts. The chapter examines the mastering of genre as a linguistic phenomenon within the framework of text theory and discourse analysis. The genre factor is comprehended as a text-forming and discourse-forming feature.

19. Web-Based Tools and Artificial Intelligence in Learning

The chapter reflects the current trends of blended learning, providing insights into the process of its integration into the foreign language teaching and learning practice in the sphere of higher education. The research examines the pros and cons of blended learning compared to the traditional classroom education. This paper includes the research on the topic of digital projects to improve the efficiency of teaching and increase motivation among the students. The use of web tools has been proven to be efficient for self-tracking progress scheme and personalized learning.

ТЕРМИНЫ

- автороведческая экспертиза 13
анализ естественного языка 14
анализ текста 14
антиква 4
бизнес-метафора 10
билингвизм 1, 12
большие данные 14
борьба шрифтов 4
вариант реализации 11
веб-инструменты 19
верификация личности 13
внутреннее многоязычие 12
высшее образование 19
галлюцинация 8
генеративная языковая модель 8
графемика 4
деловой дискурс 10
дефиниция термина 15
диалект 6
дидактика перевода 17
динамический подход 3
дискурс-анализ 18
дискурсивная ситуация 4
дискурсивные стратегии 18
дискурсивные функции 18
жанр 18
звукотип 16
идентификация личности 13
интеракция 3
интересный 7
интонаема 16
искусственный интеллект 8, 19
историко-лингвистический аспект 6
Каспранский 16
классификация текстов 14, 18
кластеризация текстов 14
когнитивная лингвистика 15
когнитивные стратегии 3
когнитивный аспект 2
коммуникативная задача 3
коммуникативная ситуация 17
коммуникативные стратегии 3
коммуникативный аспект 2
контактирующие языки 1
контактная вариантология 1
концепт 9
концепт ИНТЕРЕС 7
концептосфера 9
креолизованный текст 4
культурный код 3
культурологический компонент 10
Курт Пинтус 5
лингвистический аспект 2
лингвистический подход 17
лингвистический термин 6, 15
лингвокриминалистика 13
лингвокультура 9
лингвокультурное моделирование 7
лингвостилистический анализ 8
медийный дискурс 18
междисциплинарность 17
менталитет 9
ментальность 15
метафора 10
миграция 12
мировоззрение народа 9
музыкальная проза 5
национальная картина мира 9
нацистская имиджология 4
нейросеть 8
номинативные стратегии 3
обучение иностранному языку 11
островные диалекты 1

- оценочная интерпретация 15
переводоведение 17
портретирование личности 13
признаки концепта 7
произносительный стандарт 11
профайлинг 13
региолект 12
речевая деятельность переводчика 17
сантимент-анализ текста 14
сгенерированный текст 8
симфония 5
скака 7
смешанное обучение 19
социофонетика 11
социофонетический аспект 11
средства вербализации концепта 7
статический подход 3
субвариант 12
субстандарт 6
«Сумерки человечества» 5
текстотип 18
теория перевода 17
теория реализации 16
терминологическая семантика 6, 15
типология билингвизма 12
типология жанров 18
типология метафор 10
тональность текста 14
- Третий рейх 4
фонема 16
фонологическая система 16
фоноскопическая экспертиза 13
фоностилистика 11
фоностилистический аспект 11
фоностилистическое варьирование 11
фрактура 4
функциональный аспект 10
функциональный подход 17
ценностный компонент 15
ценность 15
цифровая личность 13
цифровые проекты 19
чат-бот 8
экспериментально-фонетические исследования 11
экспрессионизм в литературе 5
эллипсис 2
эллиптические модели 2
эмические единицы 16
этические единицы 16
язык и мышление 2
язык программирования 14
языковая вариативность 12
языковая интерференция 1
языковое перекодирование 13
языковой символ 2
языковые средства 3

KEYWORDS

- antiqua 4
- artificial intelligence 8, 19
- authorship expertise 13
- big data 14
- bilingualism 1, 12
- bilingualism typology 12
- blended learning 19
- boredom 7
- business discourse 10
- business metaphor 10
- chat-bot 8
- code switching 13
- cognitive aspect 2
- cognitive linguistics 15
- cognitive strategies 3
- communicative aspect 2
- communicative situation 17
- communicative strategies 3
- communicative task 3
- concept 9
- concept features 7
- concept of INTEREST 7
- concept sphere 9
- contact languages 1
- contact variantology 1
- creolised text 4
- cultural code 3
- cultural component 10
- dialect 6
- didactics of translation 17
- digital personality 13
- digital projects 19
- discourse analysis 18
- discourse functions 18
- discourse strategies 18
- discursive situation 4
- dynamic approach 3
- ellipsis 2
- elliptical models 2
- emic units 16
- etic units 16
- evaluative component 15
- evaluative interpretation 15
- experimental phonetic research 11
- expressionism in literature 5
- foreign language teaching 11
- Fraktur 4
- functional approach 17
- functional aspect 10
- generated text 8
- generative language model 8
- genre 18
- genre typology 18
- graphemics 4
- hallucination 8
- higher education 19
- historical-linguistic aspect 6
- interaction 3
- interdisciplinarity 17
- interesting 7
- internal multilingualism 12
- interpreter's speech activity 17
- intonema 16
- island dialects 1
- Kaspransky 16
- Kurt Pintus 5
- language and thinking 2
- language interference 1
- linguistic analysis 8
- linguistic approach 17
- linguistic aspect 2
- linguistic means 3
- linguistic sign 2
- linguistic term 6, 15
- linguistic variation 12
- linguocriminalistics 13

- linguocultural modelling 7
- linguoculture 9
- means of concept verbalisation 7
- media discourse 18
- mentality 9, 15
- metaphor 10
- migration 12
- musical prose 5
- national picture of the world 9
- natural language processing 14
- Nazi imageology 4
- neural network 8
- nominative strategies 3
- people's worldview 9
- personality identification 13
- personality portraiture 13
- personality verification 13
- phoneme 16
- phonological aspect 11
- phonological system 16
- phonological variation 11
- phonoscopic examination 13
- phonostilistics 11
- phonotype 16
- profiling 13
- programming language 14
- pronunciation standard 11
- realisation theory 16
- realisation variant 11
- regiolect 12
- script struggle 4
- sentiment analysis of the text 14
- sociophonetic aspect 11
- sociophonetics 11
- sound-type 16
- static approach 3
- substandard 6
- subvariant 12
- symphony 5
- term definition 15
- terminological semantics 6, 15
- text analysis 14
- text classification 14, 18
- text clustering 14
- text tonality 14
- text-type 18
- Third Reich 4
- translation studies 17
- translation theory 17
- "Twilight of Mankind" 5
- typology of metaphors 10
- value 15
- web tools 19

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Байкова Ольга Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой лингвистики и перевода Вятского государственного университета; olga-baykova@yandex.ru.

Бородовская Юлия Витальевна, магистр, Ивановский государственный университет.

Голубева Надежда Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии НГЛУ им. Н. А. Добролюбова; nagolubeva@lunn.ru.

Гришаева Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета; grischaewa@rgph.vsu.ru.

Дубинин Сергей Иванович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии факультета филологии и журналистики Самарского национального исследовательского университета им. акад. С. П. Королева; dubinin.si@ssau.ru.

Зусман Валерий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель НИУ «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ; vzusman@hse.ru.

Зусман Наталья Давидовна, профессор кафедры сольного пения Нижегородской государственной консерватории им. М. Т. Глинки; nataliazusman@yandex.ru.

Иванов Андрей Владимирович, доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные лингвистические исследования» НГЛУ им. Н. А. Добролюбова; aivan@lunn.ru.

Иванова Римма Анваровна, кандидат филологических наук, доцент, проректор по учебной работе НГЛУ им. Н. А. Добролюбова; rivanova@lunn.ru.

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина; vkarasik@yandex.ru.

Крюкова Наталья Федоровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой герменевтической лингводидактики и английской филологии Тверского государственного университета; nakrukova@mail.ru.

Лихачев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии Института филологии

- Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; eduard_evp@rambler.ru.
- Малыгин Виктор Трофимович*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия, история, право и межкультурная коммуникация» Владимирского филиала Финуниверситета при Правительстве Российской Федерации, Почётный работник Высшего профессионального образования РФ; vikmal@list.ru.
- Маник Светлана Андреевна*, доктор филологических наук, доцент, директор института гуманитарных наук Ивановского государственного университета; maniksa@ivanovo.ac.ru.
- Мележик Карина Алексеевна*, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков № 3 Института филологии Крымского федерального университет им. В. И. Вернадского; soc-econom@mail.ru.
- Опошко Вячеслав Николаевич*, профессор кафедры лингвистики и перевода Вятского государственного университета; oslavargf@mail.ru.
- Петренко Александр Демьянович*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, директор Института филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; aldretrenko@mail.ru.
- Петренко Даниил Александрович*, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии Института филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; daniil.petrenko@list.ru.
- Потапова Родмонга Кондратьевна*, доктор филологических наук, профессор, директор Института прикладной и математической лингвистики Московского государственного лингвистического университета, академик Международной академии информатизации; rkpotapova@yandex.ru.
- Потапов Всеволод Викторович*, доктор филологических наук, старший научный сотрудник филологического факультета МГУ, заслуженный научный сотрудник МГУ им. М. В. Ломоносова; volikpotapov@gmail.com.
- Родькина Ольга Яновна*, кандидат технических наук, доцент кафедры международного менеджмента, экономики и информационной безопасности Высшей школы социальных наук НГЛУ им. Н. А. Добролюбова; orodkina@lunn.ru.

- Романова Татьяна Владимировна*, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента фундаментальной и прикладной лингвистики НИУ «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде; tvromanova@mail.ru.
- Саможенов Сергей Николаевич*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии НГЛУ им. Н. А. Добролюбова; samozh@lunn.ru.
- Сдобников Вадим Витальевич*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода НГЛУ им. Н. А. Добролюбова; sдобник@lunn.ru.
- Тырыгина Валентина Алексеевна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры. английской филологии НГЛУ им. Н. А. Добролюбова; vatyrygina@lunn.ru.
- Фролов Сергей Владимирович*, кандидат юридических наук, проректор по цифровизации НГЛУ им. Н. А. Добролюбова; svfrolov@lunn.ru.
- Фролова Наталья Хайдаровна*, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Института дистанционного обучения НГЛУ им. Н. А. Добролюбова; frolovanh@lunn.ru.

LIST OF CONTRIBUTORS

- Baykova, Olga V.*, Vyatka State University, Kirov, Russia; olga-baykova@yandex.ru.
- Borodovskaya, Yuliya V.*, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.
- Dubinin, Sergey I.*, Samara National Research University named after S. P. Korolyov, Samara, Russia; dubinin.si@ssau.ru.
- Frolov, Sergey V.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia; svfrolov@lunn.ru.
- Frolova, Natalya Kh.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia; frolovanh@lunn.ru.
- Golubeva, Nadezhda A.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia; nagolubeva@lunn.ru.
- Grishayeva, Lyudmila I.*, Voronezh State University, Voronezh, Russia; grischaewa@rgph.vsu.ru.
- Ivanov, Andrey V.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia; aivan@lunn.ru.
- Ivanova, Rimma A.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia; rivanova@lunn.ru.
- Karasik, Vladimir I.*, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; vkarasik@yandex.ru.
- Kryukova, Natalya F.*, Tver' State University, Tver', Russia; nakrukova@mail.ru.
- Likhachyov, Eduard V.*, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; eduard_evp@rambler.ru.
- Malygin, Viktor T.*, Financial University under the government of the Russian Federation, Vladimir branch, Vladimir, Russia; vikmal@list.ru.
- Manik, Svetlana A.*, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia; maniksa@ivanovo.ac.ru.
- Melezhik, Karina A.*, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; soc-econom@mail.ru.
- Onoshko, Vyacheslav N.*, Vyatka State University, Kirov, Russia; oslavargf@mail.ru.
- Petrenko, Aleksandr D.*, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; aldpetrenko@mail.ru.
- Petrenko, Daniil A.*, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; daniil.petrenko@list.ru.
- Potapov, Vsevolod V.*, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; volikpotapov@gmail.com.

- Potapova, Rodmonga K.*, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; rkpotapova@yandex.ru.
- Rod'kina, Olga Ya.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia; orodkina@lunn.ru.
- Romanova, Tatyana V.*, National Research University "Higher School of Economics", Nizhny Novgorod, Russia; tvromanova@mail.ru.
- Samozhenov, Sergey N.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia; samozh@lunn.ru.
- Sdobnikov, Vadim V.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia; sdobnik@lunn.ru.
- Tyrygina, Valentina A.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia; vatyrygina@lunn.ru.
- Zusman, Natalya D.*, Nizhny Novgorod State Conservatory named after M. I. Glinka, Nizhny Novgorod, Russia; nataliazusman@yandex.ru.
- Zusman, Valeriy G.*, National Research University "Higher School of Economics", Nizhny Novgorod, Russia; vzusman@hse.ru.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	4
Несколько слов о юбиляре.....	7
1. Интерференция в контактирующих языковых системах немецко-билингвов Вятского региона России	
<i>Байкова О. В., Оношко В. Н., Крюкова Н. Ф.</i>	19
2. Эллипсис и его когнитивные лабиринты	
<i>Голубева Н. А.</i>	35
3. Зачем нужно различать статический и динамический подходы к анализу языковых средств? (Заметки на полях по особому случаю)	
<i>Гришаева Л. И.</i>	53
4. «Противопоставление шрифтов» в идеологическом дискурсе Третьего рейха	
<i>Дубинин С. И.</i>	77
5. «Музыкальный пласт» в эссе К. Пинтуса <i>Прежде всего: «симфония», «гармония», «диссонанс»</i>	
<i>Зусман В. Г., Зусман Н. Д.</i>	89
6. О семантическом разграничении немецких терминов <i>Dialekt</i> и <i>Mundart</i> (историко-лингвистический аспект)	
<i>Иванов А. В., Иванова Р. А.</i>	95
7. Осмысление интереса в языковом сознании	
<i>Карасик В. И.</i>	108
8. Сняты ли чат-ботам корпусы текстов? (К проблеме галлуцинаций генеративных языковых моделей)	
<i>Лихачев Э. В.</i>	121
9. Менталитет и национальная картина мира	
<i>Малыгин В. Т.</i>	128
10. Функционирование бизнес-метафоры в современном деловом дискурсе английского языка	
<i>Маник С. А., Бородовская Ю. В.</i>	138
11. Die phonostilistischen Aussprachevarianten im Fremdsprachenunterricht	
<i>Петренко А. Д., Петренко Д. А.</i>	158
12. Языковая вариативность современных миграционных потоков в Германии	
<i>Петренко А. Д., Мележик К. А.</i>	166
13. Основные подходы к лингвистическому портретированию Интернет-личности	
<i>Потапова Р. К., Потапов В. В.</i>	181

14. Решение задач анализа текстов с использованием открытых библиотек языка программирования <i>Python</i>	
<i>Родькина О. Я.</i>	192
15. Ценностно-оценочная интерпретация терминов когнитивной лингвистики в научной коммуникации	
<i>Романова Т. В.</i>	198
16. Suprasegmentalia in der Kaspranskij-Realisationstheorie der phonologischen Systeme	
<i>Саможенов С. Н.</i>	206
17. Переводоведение как междисциплинарная наука	
<i>Сдобников В. В.</i>	210
18. Осмысление жанра как лингвистического феномена в теории текста и в дискурс-анализе	
<i>Тырыгина В. А.</i>	228
19. Веб-инструменты и искусственный интеллект в обучении	
<i>Фролова Н. Х., Фролов С. В.</i>	238
Литература	243
Аннотированное содержание монографии	270
Термины	281
Сведения об авторах	285

CONTENT

Editorial Foreword	4
A few Words about the Hero of the Day	7
1. Interference in the Contact Language Systems of Bilingual Germans residing in the Vyatka Region of Russia <i>Baykova O. V., Onoshko V. N., Kryukova N. F.</i>	19
2. Ellipsis and its Cognitive Labyrinths <i>Golubeva N. A.</i>	35
3. Why Do We Need to Distinguish between Static and Dynamic Approaches to Analysing Linguistic Tools? (Marginal Notes on a Special Occasion) <i>Grishayeva L. I.</i>	53
4. “Opposing Scripts” in the Ideological Discourse of the Third Reich <i>Dubinin S. I.</i>	77
5. “Musical Stratum” in K. Pintus’s Essay <i>First Of All: “Symphony”, “Harmony”, “Dissonance”</i> <i>Zusman V. G., Zusman N. D.</i>	89
6. On the Semantic Differentiation of the German Terms <i>Dialekt</i> and <i>Mundart</i> (The Historical-Linguistic Aspect) <i>Ivanov A. V., Ivanova R. A.</i>	95
7. Comprehension of Interest in Linguistic Consciousness <i>Karasik V. I.</i>	108
8. Do Chatbots dream of Corpus Texts? (To the Problem of Hallucinations of Generative Language Models) <i>Likhachyov E. V.</i>	121
9. Mentality and National Picture of the World <i>Malygin V. T.</i>	128
10. Functioning of Business Metaphor in Modern English Business Discourse <i>Manik S. A., Borodovskaya Yu. V.</i>	138
11. Phonostylistic Variants of Pronunciation in Teaching Foreign Languages <i>Petrenko A. D., Petrenko D. A.</i>	158
12. Linguistic Variation of Modern Migration Flows in Germany <i>Petrenko A. D., Melezhik K. A.</i>	166
13. Main Approaches to the Linguistic Portraiture of Internet Personality <i>Potapova R. K., Potapov V. V.</i>	181

14. Solving Text Analysis Problems using Open Source Libraries of the <i>Python</i> Programming Language <i>Rod'kina O. Ya.</i>	192
15. The Value-Based and Evaluative Interpretation of Cognitive Linguistics Terms in Scientific Communication <i>Romanova T. V.</i>	198
16. Suprasegmental Means in Kaspranskiy's Realisation Theory of Phonological Systems <i>Samozhenov S. N.</i>	206
17. Translation Studies as an Interdisciplinary Science <i>Sdobnikov V. V.</i>	210
18. Comprehension of Genre as a Linguistic Phenomenon in Text Theory and Discourse Analysis <i>Tyryguina V. A.</i>	228
19. Web-Based Tools and Artificial Intelligence in Learning <i>Frolova N. Kh., Frolov S. V.</i>	238
References	243
The annotated content of the monograph	276
Keywords.....	283
List of contributors	288

Научное издание

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА

**Междисциплинарные
исследования**

Выпуск 6

Коллективная монография

Оригинал-макет подготовлен А. В. Ивановым

Подписано в печать 10.10.2024. Формат 60x88/16.

Усл. печ. л. 17,21. Уч.-изд. л. 14,0.

Тираж 500 экз. Изд. № 6707. Заказ №

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва,

ул. Бутлерова, д. 17Б, офис 324.

Тел.: (495) 334-82-65, 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит».
127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1.

Тел.: (495) 859-48-62

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА
Междисциплинарные исследования
Выпуск 6

ISBN 978-5-9765-5689-8

9 785976 556898 >

ФЛИНТА